

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Галина РОМАНОВА

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Галина Львовна Романова
Золотая ветвь
Серия «Мир «Золотой Ветви»», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Армада»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166379
Романова Г.Л. Золотая Ветвь: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0126-0*

Аннотация

Целую вечность Радужный Архипелаг – государство эльфов и Земля Ирч – империя орков пытаются завладеть Золотой Ветвью, мифическим артефактом, на обладание которым претендуют оба народа. В этой схватке хороши все средства.

На узких тропах войны судьба столкнула двоих – юную эльфийскую волшебницу из могущественного Ордена Видящих, и знатного орка, ставшего изгоем за верность родовым традициям. Ей предстоит по-новому взглянуть на себя и на мир, ему – пройти через боль потерь, сломать стереотипы и объединить вокруг себя представителей других рас и народов. Они очень разные, как земля и небо, как свет и тьма... И в то же время вместе они – ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Галина Романова

Золотая ветвь

Глава 1

Третьи сутки стояло затишье...

Нет, не так!

Затишье уже начало действовать на нервы, и Наместница Изумрудного Острова Ллиндарель раздраженно мерила шагами штабную палатку. Двое секретарей, писарь, командующие Первым и Третьим легионами, а также Видящая напряженно следили за нею взглядами. В глазах мужчин читалось плохо скрываемое восхищение, единственная женщина смотрела на Ллиндарель с завистью и ревностью. До самой шеи затянутая в серебристо-изумрудную форму, подчеркивающую ее женственность, Наместница была изумительно хороша. Светло-золотистые волосы венцом уложены вокруг головы, изумрудный плащ при каждом движении развевается за спиной, как два крыла, взгляд светло-голубых глаз мечет молнии. Она единственная из всех была не вооружена – на первый взгляд, но все равно производила впечатление ядовитой змеи, свернувшейся на солнцепеке.

Впрочем, оружие у нее было – как всякая знатная эльфийка, Наместница Ллиндарель отлично умела метать ножи и фехтовать, а также была обучена искусству наносить незаметные удары отравленным стилетом. У нее и сейчас, хотя пояс не оттягивал меч, в руках были спрятаны восемь метательных ножей, а два стилета ждали своего часа в иных, более укромных уголках. Никто из врагов не должен знать, откуда к нему придет смерть.

Снаружи еле слышно гудел военный лагерь – два легиона под командованием Наместницы временно остановились на марше, поджидая отставших. Командовал ими Наместник и супруг Ллиндарели лорд Шандиар. Вести от него могли прийти с минуты на минуту, ибо должен же уважающий себя муж беспокоиться о маневрах, предпринятых женой. Тем более сейчас, когда война с орками в разгаре!

Клин, которым командовала леди Ллиндарель, глубоко врезался во вражеские позиции, и просто удивительно (и подозрительно!), что орки пока еще никак на это не отреагировали. Возможно, они пребывали в шоке. Если так, то Наместница не собиралась давать им время собраться с силами.

– Мы атакуем на рассвете, – заявила она, останавливаясь перед столом с расстеленной на нем картой. – Лорд Иоватар, вы возьмете левый край. Лорд Гандивэр, вы пойдете с правой стороны. Форсируете реку и дальше действуйте по обстановке. Я со своим отрядом возьму центр!

Остро отточенный ноготь прошелся по карте, отмечая. Писарь тотчас же стал фиксировать на пергаменте высказывания военачальницы.

– Но разведка... – протянул лорд Иоватар.

– Запаздывает! – отрезала Ллиндарель. – А поздние сведения всегда лживы. Судя по карте, впереди как минимум два орочьих поселения. Их будут защищать. Нельзя дать врагу время подготовиться к обороне. Лорда Шандиара можно ждать сколько угодно. Наша задача – вклиниться как можно глубже во вражескую территорию и нанести как можно больший урон. Вплоть до уничтожения всего живого на своем пути!

Глаза Видящей сверкнули. Она подтянулась и поудобнее перехватила свой посох – тоже, кстати, страшное оружие, все возможности которого знал только его владелец.

– Тактика выжженной земли? – переспросила она.

– Почему бы и нет? Вспомните, что сотворили орки с Мраморным Островом? Когда мы пришли туда, там не осталось никого из наших! Они убили даже многих животных в лесах, а большинство озер были отравлены! Мы просто обязаны отомстить!

– Но резонно ли тратить энергию сейчас? – поинтересовался лорд Гандивэр. – У нас мало времени...

– И мы должны максимально деморализовать и напугать врага именно поэтому, а еще и потому, что нас тоже мало, досточтимый лорд, – улыбнулась Ллиндарель. – Пусть никто из встретившихся нам на пути не сможет рассказать их Верховному Паладаину правду!

Слова «Верховный Паладаин» Наместница произнесла с презрением, словно непристойность.

– Я считаю, что наш маневр должен состоять в следующем. – Наместница склонилась над картой и опять прочертила по ней ногтем. – Двумя крыльями мы вклинимся в указанных направлениях в глубь вражеской территории, заходя с двух сторон. Ваши легионы, благородные лорды, должны встретиться примерно здесь, в нескольких лигах от их городка. Затем вы замыкаете котел и двигаетесь навстречу мне. А я иду к городку напрямик. Мы встретимся у его стен и сотрем этот... – она прищурилась, пытаясь прочесть надпись на орочьем языке, – этот Лавош с лица земли. И ни одна мышь, ни одна птица не должны вырваться из котла!

Оба легата внимательно всмотрелись в карту, словно пытались прочесть там подробности. Видящая тихонько кашлянула, привлекая внимание.

– Я считаю, что стоит немного подождать с наступлением или хотя бы изменить направление главного удара, – произнесла она, когда к ней обернулись. – Что-то подсказывает мне, что это не совсем правильное направление. Возможно, мы совершаем ошибку!

Все мужчины, как по команде, воззрились на Наместницу. Та скривила губы.

– Если вы в этом так уверены, милочка, то идите и проверьте ваши подозрения. А запугивать нас пустыми словами о возможной угрозе нет смысла!

Видящая поднялась, двумя руками сжимая свой посох. В отличие от Наместницы, она была одета в традиционный балахон, неудобный в походе и на марше, но незаменимый, когда нужно было спрятать в складках оружие или магический инвентарь.

– И пойду! – с вызовом откликнулась она. – И проверю!

После чего развернулась и покинула палатку.

Оставшиеся обратили на Наместницу вопросительные взгляды. Все знали, что леди Ллиндарель недолюбливает женщин, видя в каждой соперницу за мужское внимание. Даже своих дочерей, хотя обе были еще крошками, она старалась навещать как можно реже. Поэтому никто не удивился, что Наместница сурово объяснилась с Видящей. Если бы можно было обойтись без Видящих! Но по иронии судьбы у эльфов только женщины обладали магической силой. Среди мужчин магами могли становиться лишь полукровки, которых традиционно недолюбливали, ибо в их жилах текла кровь смертных людей или даже – стыдно выговорить! – презренных орков!

...Были благословенные времена, когда орки находились в рабстве у эльфов. Они выполняли всю черную работу, в том числе и в домах. Молоденькие орчихи иногда становились горничными и доверенными служанками знатных дам, молодым оркам доверяли охрану хозяйских детей. Теперь раздаются голоса о том, что не надо было чересчур баловать домашних рабов. Именно они были первыми ласточками. Именно молоденькие орчихи становились наложницами знатных лордов, а с их юными братьями любили развлекаться жены лордов. Так на свет появились полукровки. Воспитывавшиеся на стыке двух культур, они были образованнее и смышленнее своих забитых сородичей и первыми поняли, что нужно сбросить ярмо рабства.

Правда, не все из них перешли на сторону орков. Были и такие, кто искренне считали себя эльфами. Именно они и выдали участников восстания. Рабы оказали сопротивление...

И тут их поддержали люди. Совершенно неожиданно третья раса вмешалась в конфликт, а за нею по цепочке в него оказались втянутыми и остальные обитатели мира. В стороне не остался практически никто, ибо результатом оказалось образование нового государства, названного в документах Земля Ирч. Сражения за передел поделенного мира продолжались с небольшими перерывами более двухсот лет. И еще тысячу лет эльфы пытались вернуть себе власть над орками и восстановить былое величие. Вершины Архипелага снова должны гордо сиять над миром, озаряя его своим нетленным светом!

Единственное, что выиграли эльфы в итоге, это открытие того, что сыновья от смешанных браков тоже могут становиться магами. Но связываться с орками не хотел никто. Ни один эльф с тех пор не мог допустить, чтобы в жилах его детей текла кровь рабов-предателей. Уж лучше люди! Они, по крайней мере, никогда не были у кого бы то ни было в рабстве!

Паузу прервало появление легионера. Он ворвался в палатку и отсалютовал:

– Великолепной Наместнице слава! Разведчики вернулись!

– Вот как? – встрепелась Ллиндарель. – Наконец-то!

– Они привели «языка»!

– Отлично! Доставить его сюда!

Снаружи слышались голоса и шаги – лагерь пришел в возбужденное состояние. Через пару минут полог палатки откинулся, и четверо эльфов-разведчиков переступили порог. Двое под локти волокли связанного орка и с размаху бросили его на колени перед Наместницей. Та устремила на пленника вопросительный взгляд. Несмотря на порванный и перепачканный мундир, общую помятость и избитость, было видно, что орк еще молод и симпатичен. Настолько симпатичен, что Наместница снизошла до того, чтобы взглянуть на него второй раз. Хм, а он очень даже ничего!..

– Где его поймали? – поинтересовалась Ллиндарель.

– У самого брода, – ответил разведчик. – Следил за нами.

– Плохо, выходит, следил!

Наместница подошла и одним пальцем подняла за подбородок голову пленника. Черные глаза взглянули на нее со странным выражением – с таким, что она поскорее отпустила его и вытерла палец о подол своего плаща.

– Допросить, – коротко бросила она, отворачиваясь. – Но без излишнего энтузиазма. Будет упрячиться – пригласите Видящую. И не более того! О результатах доложите мне лично!

Вошли четверо легионеров, ждавших снаружи. Пленника подхватили под локти и как неодушевленный предмет поволокли прочь. Разведчики остались. Командир группы, не дожидаясь знака, подошел к карте и стал скупно излагать добытые сведения.

Их было немного. Орки действительно еще не опомнились от неожиданного вторжения и, кажется, не понимают, откуда им на голову свалились эльфийские легионы. Какое-то шевеление наблюдается только на подступах к Лавошу, но местность поблизости пуста. Пуста на самом деле, ибо население бежало вместе с отступавшими войсками. В самом Лавоше остался гарнизон, который спешно готовит город к обороне, а остальные отряды отступили в глубь земель. Разведке удалось перехватить гонца. Труп они утопили в реке, а донесение сожгли. Именно тогда они и изловили «языка».

– Вот видите, – Наместница Ллиндарель окинула всех победным взглядом, – мы смело можем наступать! Видящая ошибается!

Легаты выразили согласие с ее словами. Донесение вселило в них уверенность в своих силах.

– Значит, на рассвете, – подытожила Наместница. – И распорядитесь, чтобы к Наместнику Шандиару был отправлен гонец с информацией о наших планах. Пусть следует

к Лавошу ускоренным маршем! А вы, милорд, – Наместница обратилась к командиру разведчиков, – зайдите ко мне попозже. Мне надо кое-что с вами обсудить.

Эльф отвесил короткий поклон-кивок, отсалютовал и вышел, увлекая за собой своих соратников.

Писарь тут же уселся сочинять донесение Наместнику Изумрудного Острова, а секретари принялись вместе с легатами дорабатывать план кампании. Им стоило согласовать друг с другом маршруты, чтобы выйти к Лавошу одновременно и в строго определенном месте.

Наместница Ллиндарель не принимала участия в этом разговоре. Она выслушает своих командиров позже и соответственно выступит либо чуть раньше, либо чуть позже назначенного времени. Эльфийка постояла в палатке, глядя на шепчущихся командиров, а потом тихо удалилась прочь.

Командир разведгруппы мялся неподалеку. Проходя мимо, Ллиндарель сделала ему знак, чтобы следовал за нею. Быстрым шагом она прошла в свою палатку, которая находилась в нескольких шагах от штабной, и придержала полог, чтобы эльф проскользнул следом. И сама задержала за ним полог...

Ллиндарель выпустила его полчаса спустя и, помедлив, вышла следом.

В лагере негде было устроить тюрьму и допросные камеры, поэтому Наместнице пришлось спуститься в небольшой овраг, где и устроили застенок под открытым небом. Несколько корявых деревьев, словно нарочно высаженных здесь, были превращены в подобия дыбы и виселицы. Кроны их скрывали обзор от наблюдателей с воздуха, а двойной ряд оцеплений мешал подобраться любопытным. Ллиндарель к таковым не относилась и беспрепятственно спустилась вниз.

Ее встретили четверо легионеров, Видящая и штатный палач, именуемый в целях конспирации Мастером Разговора. Видящая присела на камушек, отирая пот со лба. Вид у нее был не слишком цветущий, и Наместница невольно улыбнулась посрамлению соперницы.

– Молчит? – поинтересовалась она, кивнув на пленника.

Тот стоял на коленях – вернее, обвис на вывернутых дыбой руках, почти касаясь коленями земли. Голова его свесилась на грудь. Длинные черные волосы спускались почти до земли.

– Кое-что из него все-таки сумели вытянуть, – ответила Видящая. – Но если бы ты знала, чего мне это стоило!..

Видящая была двоюродной сестрой Наместницы и имела право на некоторые вольности – конечно, когда рядом не было посторонних. Больше всего на свете знатные эльфы гордились честностью и ненавидели обвинения в семейственности, но именно поэтому сплошь и рядом окружали себя ближней и дальней родней. Лорд Иоватар, например, был шурином Наместника Шандиара, а лорд Гандивэр – его дядей по материнской линии.

– Есть интересные новости? – Ллиндарель подошла к пленнику.

Мундир и рубашку с него сорвали, обнажив мускулистый торс, покрытый сейчас свежими следами от плетей пополам со старыми шрамами. Некоторые из них были ритуальными и обозначали мужество и силу духа пленника. Слишком многое переняли орки от своих бывших господ – в том числе и подобное украшательство. Но если для эльфов это была простая формальность – шрамы чаще всего заменялись татуировками или причудливым рисунком, который выцветал сам собой, то орки относились к делу серьезно. Однако, там и так, где и как это делали эльфы. Поэтому Наместница легко «прочитала» все знаки на теле пленника.

Самый главный знак следовало искать под ключицами. Наместницу снедало любопытство, но она не смела его выказать при посторонних.

– И что же он сказал? – поинтересовалась Ллиндарель, продолжая с показным безразличием рассматривать плечи, руки и загривок пленника.

– Только одно – гонцом был он, – вместо Видящей ответил Мастер Разговора. – Тот, кого поймали у реки, был послан для отвода глаз.

– Глупо, – скривилась Наместница.

– И неправда! – подхватила Видящая. – Он сказал неправду на обоих допросах. И ему, – кивок в сторону палача, – и мне. Я сумела выяснить только это!

– И больше ничего?

– Больше ничего! Прости, сестра!

Она осмелилась назвать Наместницу сестрой в присутствии посторонних!

Досада на Видящую была так велика, что Ллиндарель схватила голову пленника за волосы и вздернула лицом вверх.

Орк выпрямился. К удивлению Наместницы, он вовсе не потерял сознания от пыток и встретил ее взгляд. Под ключицами у него темнел белый на загорелой коже шрам – именно такой, каким и должен быть. Чтобы не задерживаться взглядом на его глазах, Наместница скользнула взором ниже, на мускулистую грудь. Однако, какое у него тело!.. Как далеко до него стройным юношам из знатных семей и закаленным в боях легионерам! Перед Ллиндарелью был настоящий мужчина, и теперь она, кажется, начала понимать тех эльфиек, которые изменяют своим мужьям с людьми, а в прежние годы – с рабами-орками.

С сожалением она отпустила волосы пленника, но тот не уронил головы.

– Ты больше ничего не сумела вытянуть из него? – повернулась Наместница к Видящей. – Имя, звание, происхождение?

– Кое-что можно узнать и так, светлая госпожа, – указал на тело пленника палач.

– А остальное?

Видящая покачала головой:

– Он отвечал на наши вопросы, но я поняла только одно – он лжет. Лжет, несмотря на боль и на то, что я... мм... проникла в его память.

– Хорошо, – кивнула Ллиндарель. – Тогда смотри и учись... сестра! Доставить его ко мне! Немедленно! Я сама с ним поговорю!

«И тогда посмотрим, нужна ли мне Видящая!»

Сколько себя помнила, Ллиндарель воевала всегда. Радужный Архипелаг – так они назывались, считая свои государства крохотными островами мудрости и света среди бушующего моря беззакония и невежества, – сражался много столетий. То с легионами Великого Врага, то подавляя восстания ренегатов и еретиков, то вразумляя людей, которые еще в позапрошлом тысячелетии пребывали во мраке дикости. Последнюю тысячу лет противниками были орки.

Сначала все шло вроде бы как хорошо – получив свободу и отстояв ее в бою, орки немедленно разделились на несколько княжеств, которые принялись ссориться между собой и с соседями. Эльфы только потирали руки, следя за непрекращающимися междоусобными войнами, и с готовностью брались за оружие, если им казалось, что военные действия чересчур близко подошли к границам Архипелага. Но потом, к их немалому удивлению, орки как-то сумели договориться между собой и заключили даже несколько договоров о ненападении с государствами людей. Эльфы, которым свободные орки были как кость в горле, уже начали готовить диверсию, дабы нарушить хрупкий мир и наконец-то раздавить «эту заразу», но тут объявился Верховный Паладайн. Он объявил себя Паладайном Золотой Ветви и сумел как-то объединить орков вокруг себя. На материке вот-вот должна была родиться новая империя.

Тогда-то эльфы и объявили священную войну за Золотую Ветвь. Они сумели завербовать себе в союзники людей и подземников, а также огров. Война шла тридцать девять лет – пока люди не запросили перемирия. Они нуждались в отдыхе, им просто надо было восстановить свою численность и кое-как подлатать дыры в хозяйстве. Тем более что прошел слух о гибели Верховного Паладайна в последнем сражении. Скрепя сердце эльфы согласились. Но семь лет спустя стало ясно, что Верховный Паладайн орков не погиб. Он вернулся, и Архипелаг снова взялся за оружие. И еще четырнадцать лет с тех пор легионам Островов не было покоя.

Как настоящая воительница, Наместница Ллиндарель не привыкла задумываться о будущем. Достаточно того, что они должны выиграть эту кампанию, уничтожить Верховного Паладайна, разрушить его империю и завладеть Золотой Ветвью. Победа будет означать возвращение старых времен, когда орки были рабами, а эльфы владели доброй третью материка. Как хорошо жилось тогда! И как будет прекрасно, если старые времена вернуться!

В те поры Ллиндарель была еще очень молода. В Столетия Восстания она была несмышленной девчонкой, ее юность пришлась на первые века раздробленности, когда она поступила в Отдельный женский легион и за четыре кампании дослужилась из рядовой до легата. Именно тут ее и заметил Наместник Шандиар, тогда еще просто Наследник Наместника. Она была прославленным воином, она была из знатного рода, у нее не было родных братьев, чтобы было кому оспаривать титул, и они поженились. И успели произвести на свет двух дочерей прежде, чем родился Верховный Паладайн орков.

«В честь победы я рожу своему супругу сына, – подумала Ллиндарель. – И назову его Палдариэлем. Или Палладаром».

Ее размышления прервало появление охраны – они доставили пленного. Орк держался на ногах достаточно твердо и, несмотря на то, что был связан, производил впечатление грозного противника.

– Оставьте нас одних, – распорядилась Наместница.

– Но, светлая госпожа...

– Я сказала, оставьте! Я сама знаю, что делать!

Начальник стражи – простой десятник – коротко отсалютовал и вышел. Орк и бровью не повел.

Ллиндарель подошла к нему вплотную. Несмотря на ее рост, орк был все-таки чуть-чуть повыше, и это странным образом подействовало на знатную эльфийку. Она дотронулась до шрамов на его груди под ключицами.

– Ты знаешь, что это такое? – спросила она. – И кто имеет право носить такие знаки? А знаешь ли ты, что они означают? И почему у тебя три черты, когда у моего супруга только две?

Орк молчал. Только моргал длинными ресницами. «Наверное, у него в роду были эльфы», – с неудовольствием подумала Ллиндарель. Ей было больно думать, что среди ее народа нашлись такие, кто соблазнился этой презренной расой... Хотя, надо полагать, среди орков тоже попадаются интересные экземпляры!

– Ты молчишь, – продолжала она, осторожно касаясь его плеч. Мускулы под смуглой кожей вздулись, перетянутые ремнями. – Не хочешь спросить, какая тебя ждет участь? Тебе все равно? Или ты немой?.. Открой рот!

У пленника дрогнули скулы, но он не пошевелился. Его напускное безразличие возмущало и притягивало Наместницу.

– Ты ничего не сказал Видящей на допросе. Надеешься молчанием купить себе легкую смерть? Не беспокойся – ты умрешь. Умрешь так, как много веков назад умирали твои сородичи, рабы! Я подарю тебе рабскую смерть, темноволосый... несмотря на три черты. Но сна-

чала ты мне все скажешь. Я сумею сделать так, чтобы ты не молчал. Ты будешь кричать, умоляя меня выслушать. И я буду слушать... Где Золотая Ветвь? – вдруг выкрикнула она.

Орк вздрогнул.

– Ты не такой уж и бесчувственный, – улыбнулась Ллиндарель и провела языком по губам. – Что ж...

Воркуя, она незаметно оттеснила пленника подальше от входа и чуть вбок – не только для того, чтобы снаружи никто ничего не заметил, сколько для собственного удобства. Знатных эльфиек в Отдельном легионе учили не только фехтованию и метанию ножей. И теперь орк не успел среагировать – вернее, успел, но со связанными руками ему было трудно сопротивляться. Легкий тычок с разворотом, подсечка – и он рухнул плашмя на низкое ложе. Еще миг, и Ллиндарель оседлала его, упираясь руками в голую грудь.

– Вот так! – воскликнула она. – А теперь приступим! И не вздумай сопротивляться! Я сумею тебя заставить...

Сжав коленями его бедра, она приподнялась, торопясь избавиться от нижней части своего обмундирования. Форма Наместницы хороша тем, что позволяет быстро избавиться от лишней части одежды и совершенно не стесняет движений. Потом она занялась его штанами. Руки ее дрожали от волнения и сладкого предвкушения. Под выделанной кожей штанов явственно ощущалась мужская плоть. Сейчас... еще немного и...

– Пусти, – вдруг сказал орк хрипло. – Я сам.

От неожиданности Ллиндарель застыла, хлопая глазами. Черные глаза смотрели на нее в упор.

– Вот как? – Она опять облизнула пересохшие губы. – Оказывается, ты умеешь разговаривать...

– Развяжи, – черные глаза пленника сверкнули, – и я все сделаю сам.

Что-то такое было в его голосе, в его взгляде, даже в его напрягшихся членах, чему Ллиндарель не смогла сопротивляться. Она была полуголой, но один сапожок еще оставался на ноге вместе со штаниной, и она потянулась к голенищу, достала стилет и осторожно – лезвие-то отравлено! – перерезала ремень, стягивавший грудь пленника. Он резко выпрямился, спеша избавиться от остальных.

– Помоги, – сквозь зубы бросил орк, и Ллиндарель, торопясь и путаясь, как юная девушка, кинулась помогать пленнику освободиться от ремней.

Едва последний ремень упал с него, орк рванулся к женщине, сгребая ее в объятия. Ллиндарель только пискнула – она не ожидала такого напора. Сильные жесткие руки сдирали с нее остатки формы. Она не успела опомниться, как осталась совершенно голой, и орк подмял ее под себя. Восставшая плоть уперлась ей в живот, и эльфийка застонала. Он ласкал ее грубо, жестко, как-то по-звериному, но – странное дело! – ей это даже нравилось. Забыв про все, она извивалась в сильных объятиях, мечтая только об одном...

– Сейчас, – словно угадав ее мысли, промолвил орк.

И его жесткие губы легли ей на рот.

А такие же жесткие руки – на горло.

Сначала она даже не поняла, что происходит. Голова сладко закружилась, сознание путалось и меркло, и когда перед глазами вспыхнул золотой свет и она все поняла, было уже поздно. Ллиндарель захрипела, рванулась, хватаясь за что попало руками, забилась, пытаясь освободиться, но свет все удалялся и удалялся, и наконец наступила тьма.

Глава 2

Оставшись один, он тихо приподнялся на локтях и прислушался. Кажется, никто ничего не слышал. Но в любой миг сюда могут войти.

Вывернув шею – его учили выворачивать суставы, и старая наука пригодилась там, в овраге, когда его пытались вздернуть на дыбу, – он осмотрел свои плечи. На них остались длинные глубокие царапины – эта эльфийка сопротивлялась отчаянно. Наверняка останутся шрамы, но так даже лучше. Никто из его сородичей не может похвастаться *таким* украшением. А это значит, что Паладайн просто обязан будет отдать ему свою дочь.

Но об этом потом. Сейчас надо отсюда выбираться... или помедлить и попытаться выяснить, откуда светловолосым известно про Золотую Ветвь?

Он мягко перекатился с ложа на пол, оставив на нем еще не остывший труп, отыскал свои штаны и сапоги и оделся, после чего легко вскочил. Ему хватило нескольких мгновений, чтобы сориентироваться.

Палатка была небольшой, с единственным колом, поддерживающим ее в центре. Кроме низкого ложа, складного стульча и двух сундуков, в ней ничего не было. С крюков на колу свисали бронзовые светильники, запасной плащ и два меча в ножнах. Один был легкий боевой эльфийский клинок, а второй потяжелее – судя по всему, ритуальный. И тот и другой были слишком легки для орочьей руки, но, помедлив, бывший пленник выбрал ритуальный.

И сразу понял, что ошибся, ибо едва он попытался извлечь клинок из ножен, как тот вспыхнул ярко-голубым светом, залив полумрак палатки сиянием.

Многие эльфийские клинки были зачарованы так, что чуяли присутствие врага. Чем ближе враг, тем ярче свет. Орку показалось, что он ослеп, и он поспешил сунуть меч назад.

– Светлая госпожа? – послышался голос снаружи. – У вас все в порядке?

Орк оскалился, сжимая кулаки. Конечно, всем было ясно, зачем мужчина и женщина остались одни, но звуки, доносящиеся из палатки, свидетельствовали отнюдь не о занятиях любовью – даже если один насилует другого. Да еще вспышка голубого света...

– Госпожа? – Вопросивший остановился у самого полога. – У вас все в порядке? Мне войти?

Он произнес эти слова таким тоном, что сразу стало ясно – он войдет в любом случае, даже если Наместница прикажет ему убираться вон. Какой бы звук не долетел изнутри, он войдет. Он уже коснулся рукой полога...

У бывшего пленника оставались доли секунды. И он успел принять решение.

Полог палатки только-только приподнялся, а бронзовый светильник уже летел в лоб легионеру. Удар был достаточно силен – незадачливый охранник потерял сознание, не успев ничего толком разглядеть. В следующий миг бывший пленник подхватил заваливающееся тело под мышки и втащил его внутрь. У легионера обнаружилась алебарда – тоже достаточно легкая для орочьих рук, но все-таки лучше, чем короткие тонкие эльфийские мечи.

– Что случилось? Что происходит? Госпожа?

Полог палатки опять откинулся – легионер был не один. Еще трое эльфов ворвались следом. Они настолько не ожидали увидеть то, что предстало их глазам, что замешкались, впившись взглядами в обнаженный женский труп на ложе, в распростертого на земле десятника и в пленного орка с алебардой наперевес.

Пленник прыгнул вперед, подобравшись всем телом, как огромный хищник. Отточенное лезвие вспыхнуло голубым огнем, но ничто не могло ему помешать – и ближайший легионер рухнул с разрубленной грудью. Второго лезвие зацепило на отлете, пропорвав ему

бок. Лишь третий успел отступить и даже поднять свое оружие, но лишь для того, чтобы встретить смерть, как и положено воину – в бою.

Шум и суета вокруг палатки Наместницы привлекли внимание других эльфов. Они со всех сторон сбегались сюда, когда им навстречу выскочил орк. Это удивило многих: хотя в лагере успели узнать, что разведчики добыли «языка», но мало кто мог даже подозревать, где он сейчас находится. Алебарда в руках орка описала полукруг, прочертив в рядах нападавших кровавую полосу, но остальные теснее сомкнули ряды. Их было больше, и они легко могли взять его числом.

– Где Наместница? Что с Наместницей? – раздавались голоса в задних рядах.

Орк не стал ждать, пока его раздавят, как блоху между ногтями. Он подпрыгнул на месте, поджимая ноги – и передние ряды эльфов невольно помогли ему, втянув головы в плечи. В прыжке он замахнулся и приземлился как раз на этих доброхотов, довершая удар и прорубая себе дорогу к бегству.

Из начавшего смыкаться кольца, но еще отнюдь не к свободе. Ибо лагерь пришел в движение. Трубаچی повсюду трубили тревогу, и легионеры спешно вооружались и спешили к месту схватки. Один против всех, орк еще какое-то время мог сопротивляться и даже зарубить нескольких противников, но конец все равно один. Эльфы не будут больше класть своих – они просто расстреляют его из луков. Темно-серые туники лучников уже мелькали между доспехами легионеров.

Орк рванулся бежать, петляя между палатками, с алебардой наперевес и стараясь как можно чаще менять направление бега, чтобы стрелки не успели пристреляться. Несколько стрел просвистело совсем рядом, еще одна оцарапала ногу. Вторая на излете достала плечо, но отвалилась, оставив лишь царапину. Он еще прибавил шаг, потом резко затормозил – две стрелы воткнулись в землю в том месте, где только что была его нога, – сиганул за палатку, в очередной раз изменил траекторию и налетел на нее.

Вместе с несколькими легионерами Видящая спешила к месту схватки. Она *знала*, где и когда ей суждено встретить беглеца, и уверенно вывела воинов навстречу. Полы светлого балахона взметнулись, когда волшебница подняла посох, нацеливая его в лицо орку.

На долю секунды все замерли – орк и Видящая друг напротив друга, легионеры полукругом чуть поодаль. Казалось, даже стрелы застыли в воздухе. Вделанный в навершие посоха изумруд уже вспыхнул и замерцал, концентрируя магическую энергию, но в этот миг лицо Видящей странно дрогнуло. Она взглянула в черные прищуренные глаза своего противника – и опустила посох. Руки ее бессильно повисли вдоль тела, и орк, мгновением раньше рванувшись вперед, обхватил ее поперек туловища, выставив перед собой, как щит.

Видящая попыталась оказать сопротивление – в складках ее балахона пряталось достаточно оружия, – но даже со стилетом две ее руки были слабее одной орочьей. Бывший пленник легко отобрал оружие и приставил кончик стилета к ее горлу.

– Одно движение – и она умрет! – прорычал он.

Видящая безвольно обмякла в его руках, закрыв глаза. Она знала, что так будет. Ужасно помнить о том, чему только суждено свершиться! Сейчас ее обнимали те же самые руки, которые несколько минут назад убили ее сестру. Пусть нелюбимую и вечную соперницу – но сестру! И что-то подсказывало ей, что и ее шея однажды окажется стиснутой его лапами, и она умрет точно так же, глядя в ненавидящие черные глаза и чувствуя свою полную беспомощность.

Легионеры замешкались. Даже подоспевший лорд Иоватар не смог изменить соотношения сил. Только что легионы лишились Наместницы, а теперь и Видящая оказалась в руках врага. Было от чего заколебаться. Окажись здесь вторая волшебница, даже самая

слабая, вопрос был бы решен. Но Наместница настолько не доверяла женщинам, что с трудом согласилась на присутствие всего одной...

Медленно разворачиваясь вокруг оси, чтобы лучше видеть тылы, орк отступал к внешней границе укрепленного лагеря. Эльфы не собирались стоять тут долго – как такового внешнего укрепления просто не было. Они ограничились тем, что расчистили пространство вокруг палаток, чтобы помешать врагу подобраться незамеченным. Спасительную чащу отделяло от них тридцать шагов голой земли, покрытой лишь примятой травой. Да под ближайшими деревьями был заботливо вырублен весь подлесок.

Эти тридцать шагов орк прошел спиной вперед, волоча почти потерявшую сознание Видящую. Лишь упершись спиной в дерево, он остановился, одним движением вскинул волшебницу на плечо, как овцу, и бегом бросился прочь. Вслед ему полетели стрелы, но воткнулись они в стволы и землю, не причинив вреда ни беглецу, ни его пленнице.

– В погоню!

Лорд Иоватар сам возглавил стихийно образовавшийся отряд спасателей и побежал в чащу. Десятка три легионеров спешили следом. Среди них были меченосцы, пращники и лучники. Впереди неслись личная охрана легата и двое уцелевших охранников самой Наместницы. Эти бежали, набычившись, с каменными лицами. Ритуал предписывал им умереть, пытаясь отомстить за гибель своей госпожи. Лорд Иоватар знал, что они будут преследовать врага, пока сами не падут. Ибо он еще может вернуться в лагерь и принять командование, но для них пути назад не было.

В лесу уже сгустился вечерний сумрак, но светлое одеяние Видящей мелькало впереди и служило отличным ориентиром. Волшебница не подавала признаков жизни, но она была жива – иначе зачем орку тащить ее с собой? Он мчался напрямик, выбирая, как нарочно, сплошной бурелом и заросли кустарника. На ветках тут и там попадались обрывки балахона Видящей. Несколько раз преследователи заметили капли крови, но чья она была – останавливаться и выяснять было некогда.

Несмотря на ношу, орк первым добрался до реки. На преследователей пахло водой и свежестью, а в следующий миг светлое пятно исчезло из поля зрения, и практически одновременно послышался плеск.

Преследователи вылетели на крутой обрывистый берег неширокой лесной речушки. Круги на масляно-темной воде уже почти успокоились, и даже вездесущие комары снова завели свою надсадную песню. Поломанный тальник красноречиво указывал место, где беглец прыгнул в воду со своей добычей, но на том берегу не было заметно следов. И в речной глубине нигде не мелькало светлое одеяние...

Лорд Иоватар оглянулся по сторонам. Беглец мог вынырнуть где угодно. Вплоть до того, что сейчас тихо-мирно сидит под прикрытием ближайших кустов и дышит через соломинку, дожидаясь, пока погоне не надоест кормить собой комаров. Кто их знает, этих орков! Они жестоки и коварны. В них нет ничего доброго и светлого. Низкие души, бывшие рабы, ошибка природы...

Лорд Иоватар еще застал те времена, когда орки были рабами эльфов. Хотя тогда он был совсем мальчишкой, но хорошо запомнил, *какими* они были тогда. Теперь лорд понимал отца, который настаивал на полном уничтожении рабов и первым перерезал всех орков в своем поместье – от стариков до детей, не пощадив даже собственного сына, рожденного от наложницы-орчихи. Маленький Иоватар заплакал тогда, увидев смерть своего товарища по детским играм, – детям редко свойственны предрассудки взрослых. Впрочем, восстание быстро высушило его слезы, а смерть отца, которого орки повесили на воротах замка, вовсе отучила его плакать.

Лорд оглянулся на своих спутников. Легионеры взирали на командира молча – они заранее были согласны с любым его решением. Двое телохранителей Наместницы держались обособленно и смотрели исподлобья.

– Идите, – приказал им лорд Иоватар. – Вы знаете, в чем состоит ваш долг. Если вы принесете его голову, вам подарят легкую смерть. А если паче чаяния вы вернете Видящую живой, вас всего-навсего сошлют.

Телохранители молча отсалютовали легату, повернулись и скрылись в кустарнике.

– Остальные за мной. – Лорд подавил вздох и зашагал обратно в лагерь. Как командующий Первым легионом, именно он должен был принять общее командование. И именно ему предстояло объясняться с Наместником Шандиаром, когда тот узнает о гибели супруги.

Видящая потеряла сознание в тот миг, когда темная вода сомкнулась над ее головой – волшебница совершенно не умела плавать и перепугалась.

Очнулась она много позже – на берегу, мокрая с головы до ног – от прикосновения грубых мужских рук, которые бесцеремонно вертели ее так и эдак, сдирая одежду.

– Нет! – воскликнула она, попытавшись вырваться. – Пустите!..

Ответом ей было сдавленное рычание и увесистая оплеуха. Видящая замерла, задыхавшись от страха. Ее еще никогда не били. К волшебницам вообще отношение благоговейное – мужчины, даже родственники, опасаются лишний раз просто прикоснуться к их руке, дабы не «распылить волшебную силу». И вдруг... Что с нею будет? Ее убьют, надругаются или просто бросят на произвол судьбы? Как назло в голове было пусто, она не могла сосредоточиться и *увидеть* свое будущее, хотя в прежнее время ее часто посещали видения того, что может произойти буквально через несколько минут.

Тем временем похититель вытряхнул ее из балахона наземь. Оставшись без верхней одежды, Видящая покатила по траве, пытаясь прикрыться руками. На ней были только короткая туника без рукавов, доходившая до ягодиц, обтягивающие штанишки до середины бедра и льняные чулки. Кожаные башмачки и шапочку, прикрывавшую волосы, она потеряла во время бегства по лесу и теперь чувствовала себя голой.

Похитивший ее орк стоял над пленницей на коленях. Не обращая внимания на испуг волшебницы, он резким рывком разорвал ее и без того драный балахон на полосы и, подтянув эльфийку к себе за ногу, резким рывком перевернул на спину.

Видящая забилась, пытаясь вырваться, но новый удар обрушился на нее, и она вскрикнула от страха и боли. А орк новым рывком схватил ее запястья, вывернув их назад, и ловко скрутил обрывком балахона. Потом бесцеремонно поднял ее голову за волосы и поднес к самому носу грязный кулак:

– Молчи!

– Ты не понимаешь, – возмущенно начала она. – Меня будут искать! Я...

Шлепок по губам заставил ее замолчать. Пленница свернулась в клубочек, давясь слезами. От страха и унижения она не могла даже думать. В каком-то оцепенении она наблюдала, как орк дорывает ее одеяние и, помогая себе зубами, перетягивает себе раненое плечо. Стрелу он уже вытащил – ее обломанный наконечник валялся рядом. Потом третьей полосой он перетянул бедро, а четвертую скрутил наподобие жгута и снова склонился над пленницей:

– Вставай.

– Отпусти меня, и я...

Орк рывком поставил ее на ноги и встряхнул.

– Ты прикажешь, чтобы мне подарили рабскую смерть? – прорычал он. – Смотри. Ты узнаешь этот знак?

Волшебница была гораздо ниже ростом, чем ее сестра Наместница, и буквально уперлась носом в орковы ключицы. Знак с тремя чертами оказался у нее перед глазами.

– Как ты думаешь, светловолосая, – прогремел над нею хриплый голос, – может ли носящий подобный знак умереть, как раб? *В моем роду никогда не было рабов!*

Она, конечно, узнала этот знак и почувствовала, что на сей раз орк говорит правду. Но если это так, то... Видящая сглотнула и покачнулась, едва не теряя сознание. Если это правда, то страшно даже подумать, кто перед нею. Этого просто не может быть! Этого не должно быть!

Пока она пребывала в прострации, орк действовал. Он развернул ее к себе спиной и крепко привязал тряпчатый жгут к ее запястьям. После чего толкнул в спину:

– Иди.

Сопrotивляться было бессмысленно, и Видящая побрела через ночной лес. Непривычная к долгим походам, она то и дело запиналась о коряги, сучки и какие-то то ли шишки, то ли иголки. Она изо всех сил старалась ступать как можно осторожнее. Льяные чулки только частично защищали ее ступни. Орк шагал сзади и время от времени толкал пленницу, если эльфийка сворачивала не туда.

Они брели всю ночь. Только на рассвете, когда вокруг зазвенели птичьи голоса, а лес посветлел, орк остановился на короткий привал. К тому времени пленница так выдохлась, что, едва получив приказ остановиться, без сил опустилась на колени, а потом завалилась набок. Она все-таки порвала чулки, и исколотые ступни горели, а все тело было исхлестано ветками. Даже не мысля о побеге, Видящая погрузилась в обморочный сон, полный кошмаров.

А проснулась внезапно – от усталости. И какое-то время просто лежала с открытыми глазами, пытаясь понять, где она и что происходит.

Над волшебницей смыкались колючие ветви густого кустарника. Ложe было устроено в ямке под корнями. Она лежала на боку, ближе к выходу, живым щитом между опасностью и ее похитителем. Сам орк устроился у нее за спиной, прижимаясь к ней всем телом и едва не раздавив своей тяжестью. Его горячее дыхание щекотало Видящей затылок. Она даже не сразу поняла, что «подушка», на которой лежит ее щека, – локоть орка. Хвала Покровителям – он все-таки развязал ее порядком затекшие кисти, но все равно ее запястья надежно были сжаты в его огромной руке. Этой же рукой похититель прижимал пленницу к себе.

Все тело затекло от неудобной позы, но едва Видящая попыталась пошевелиться, орк что-то проворчал и крепче стиснул ее. Локоть при этом врезался в грудь, и волшебница задохнулась.

Никогда еще ей не было так плохо. Она не могла ни о чем думать, боялась даже снова пошевелиться. Эльфийка просто лежала, глядя вперед остановившимися глазами, и крупные слезинки одна за другой стекали по ее щекам на землю.

Глава 3

Объясняться с Наместником Шандиаром лорду Иоватару не пришлось – тот уже все знал.

Состоявшая при Наместнике Видящая подробно описала ему побоище в лагере Наместницы. Она видела все глазами тамошней Видящей и через ее мысли знала о печальной участи Наместницы Ллиндарель. Мысль оборвалась, когда похищенная волшебница потеряла сознание, и Наместник забеспокоился. Он приказал пяти своим легионам ускоренным маршем двигаться на соединение с армией Наместницы, а сам налегке, в окружении только когорты своих Преданных, поскакал в лагерь.

Они мчались всю ночь и прибыли поздним утром, когда в лагере уже восстановился какой-то порядок. Тело Наместницы вынесли из палатки, обрядили в ритуальные одежды и уложили вместе с ее вещами в наспех выдолбленный челн. Покойную должны были сопровождать в иной мир четверо ее Преданных – их тела поместили там же, на носу челна, придав им естественные позы. Только Наместница лежала со сложенными руками на груди, словно спала.

Лорд Иоватар встретил Наместника Шандиара возле погребального челна. Они собирались проводить тело Наместницы в последний путь в полдень, как положено, и были рады, что супруг успеет проститься с покойной.

Последние несколько саженей, отделявших берег от лагеря, Наместник Шандиар почти бежал на подгибающихся от усталости и волнения ногах. Одним прыжком вскочил на борт и опустил перед телом супруги на колени. Лорд Иоватар остался на берегу, вместе с Преданными Наместника. Он уже простился с Ллиндарелью. Лишние слова были не нужны.

Покойная Наместница была его младшей сестрой – его сводной сестрой, ибо отцы у них были разные. Отца самого Иоватара повесили восставшие орки. Мать спаслась чудом – она и еще четырнадцать ее придворных дам и несколько примкнувших к ним незнатных эльфиек. Девятнадцать женщин и одиннадцать детей больше трех недель скитались по охваченной войной стране, голодая и всякий миг ожидая, что вот-вот на них налетит орочья банда. Все эльфийки потеряли своих мужчин – отцов, братьев, мужей, сыновей, а некоторые – дочерей и младших сестер. Ибо орки сохраняли жизнь только девственницам, которых брали в наложницы. Девушке несказанно везло, если ее брал себе главарь отряда – в противном случае ее насиловали все по очереди. Многие не выдерживали этого, сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. У матери Иоватара пропала младшая сестра...

На четвертой неделе беглецам повезло – их нашел какой-то лорд, чей замок чудом уцелел и даже накануне сумел отбить атаку орков. Еще не всех погибших похоронили, в замке было полно раненых, но лорд приютил беглянок. Год спустя он сумел как-то отыскать и освободить тетку Иоватара, а еще через некоторое время предложил его матери руку и сердце. Ее сестру он захотел выдать замуж за одного своего родственника и вассала. Обе свадьбы сыграли двадцать лет спустя, когда война понемногу откатилась на дальние рубежи. Еще через несколько лет родилась Ллиндарель. Чуть позже свет увидела и ее двоюродная сестра – Видящая... До завершения Смутного Времени оставалось еще сто одиннадцать лет.

Рядом с Иоватаром остановилась Видящая Наместника Шандиара. Остановилась, опираясь на посох, покосилась и вдруг отвесила короткий поклон. Она была старше пропавшей кузины, была почти ему ровесницей.

– Она жива? – спросил Иоватар, думая о сестре.

– Да.

– Где она?

– Далеко. – Взор Видящей затуманился. – И в то же время близко. Мне трудно пробиться к ее разуму сейчас.

– Я еще увижу ее?

– Трудно сказать. Возможно. Но это будет не скоро.

– Я хочу сказать... она не погибнет?

– Не вижу.

На челне лорд Шандиар выпрямился и встал, сжимая кулаки. Его лицо было похоже на каменную маску, вырезанную неумелым скульптором, – только глаза, нос и рот, но полное отсутствие мыслей и чувств. Двое Преданных, шлепая по воде, подошли к борту и помогли Наместнику спуститься. Он принял их помощь равнодушно и встал рядом с Иоватаром, как ближайшим своим родственником. Лорд Гандивэр держался позади, рядом с притихшей Видящей.

Сама церемония прощания была проста. Каждый обращался к покойнице с последним словом – то ли прощания, то ли напутствия. Молчал только вдовец – все слова уже были сказаны им там, наедине с супругой. Когда свое слово сказали лорды, волшебница выступила вперед. Подняв посох, она прочла короткое заклинание, и с последними словами челн ожил и сам собой выплыл на середину реки. Плыть ему было недалеко – река была неширокой. Но заклинание подействовало на воду – она сама должна была донести челн с покойной Наместницей до моря, не задержав его нигде, и доверить первому же грозovому шторму.

Обычно над покойниками дают клятвы. И, когда челн неспешно поплыл по течению, Наместник Шандиар шагнул вперед, к самой воде.

– Я клянусь, – промолвил он, глядя вслед отплывавшей погребальной ладье, – что не успокоюсь, пока не увижу голову твоего убийцы отделенной от туловища, и либо погибну, либо покараю его. И клянусь, что пятьсот лет после этого не посмотрю ни на одну женщину! Прощай, Ллиндарель.

Лорд Иоватар тоже сделал шаг и встал рядом.

– А я обещаю, что освобожу нашу сестру, Видящую, похищенную этим вырождением, – добавил он. – И до тех пор тоже не посмотрю ни на одну женщину, кем бы она ни была! Прощай, Ллиндарель.

– Услышано и засвидетельствовано, – негромко произнесла за их спинами Видящая.

Лорд Иоватар оглянулся и поймал ее пытливый взгляд. Волшебница смотрела оценивающе, словно на кандидата на важную должность.

Формально эльфы живут в народоправстве, ибо верховного правителя у них нет уже много веков. О темной истории, почему и как пресеклась правящая ветвь, знают только в Совете Видящих, и лишь единицы непосвященных эльфов слышали часть правды. Всем Архипелагом управляет Совет Наместников – по одному от каждого Острова. Титул Наместника наследственный, передается от отца к сыну. Но если Наместник погибает, а сыновей несколько, власть не всегда достается самому старшему, отец вправе назначить своим преемником кого угодно, даже бастарда. Когда прямых наследников нет, то объявляется турнир. И все ближайшие родственники мужского пола имеют право в честном бою оспаривать право на титул. Шанс есть у каждого. Исключение бывает только в одном случае – если у Наместника есть дочь, и если у этой дочери есть муж или нареченный жених. Тогда титул Наместника получает он. Однако через пятьсот лет старшая дочь Ллиндарели только-только вступит в брачный возраст. Вряд ли у нее появится жених – по традиции подбирать пары своим детям супруги могут только, когда уже перестанут производить на свет потомство, а Шандиар наверняка надеется во втором браке получить сына-наследника. Он не станет искать для дочери жениха. За пятьсот лет все может произойти, и тогда у лорда Иоватара появится шанс. Тем более что сын у него уже есть...

– И еще, – жесткий голос Наместника Шандиара прервал размышления лорда Иоватара, – я хочу знать, как это случилось. И что вы предприняли?

Как – уже в общих чертах рассказала ему Видящая. Лорд Иоватар добавил только кое-какие подробности, опустив, что обожаемая Наместница была обнаружена совершенно голой.

– По его следам пошли двое оставшихся Преданных, – сказал он.

Наместник Шандиар коротко кивнул. Он знал, что Преданных может остановить только смерть.

– Они найдут его?

Этот вопрос относился к Видящей, и та, прикрыв на миг глаза, кивнула:

– Да.

– Скоро?

– Да.

– И убьют? – сжимая кулаки, воскликнул Наместник. Мысль о том, что кто-то другой покарает убийцу его жены, была невыносима.

– Я вижу кровь, – помолчав, заговорила Видящая. – Много крови. Орочьей крови. Он ранен. Серьезно... Больше ничего. Пока ничего.

– А моя кузина? – подал голос лорд Иоватар.

– Что-то мешает мне. Я не знаю ее. Да и его тоже. Если бы я могла как-то познакомиться... прикоснуться... Взять след...

– У вас остались какие-нибудь следы? – Наместник обернулся к лорду Иоватару. – Кровь, оружие, одежда?

Тот покачал головой. Даже сейчас он не мог допустить, чтобы кто-то посторонний рылся в вещах его сестры – Видящей. А что осталось от орка? Ничего!..

– Прошу прощения, великолепный господин. – Из толпы провожающих выступил палач, Мастер Разговоров. – Мы перед допросом сняли с пленного мундир... правда, его потом сожгли, но что-то могло остаться...

– Где это? – чуть ли не хором воскликнули Наместник и Видящая.

Костер, который разжег Мастер Разговоров, был устроен в том же овраге, где пытали пленника. Он давно погас, на земле чернело пятно золы и пепла. Среди углей нашли обшлаг грязно-серого мундира. Видящая брезгливо, двумя пальцами, подняла потерявшую всякую форму тряпицу, подержала ее на весу и с сожалением уронила.

– Этот мундир с чужого плеча, – объявила она. – Он носил его слишком мало. Нет шансов... Хотя... магия крови...

– Я готов. – Лорд Иоватар сделал шаг вперед, протягивая обе руки.

Магия крови позволяла очень многое – посредством общения кровных родственников можно было на расстоянии исцелять болезни, искать пропавших, управлять сознанием и чувствами. Но только при условии, если речь шла о действительно кровных родственниках – родителях и детях, братьях и сестрах, племянниках и дядях. Лорд Иоватар, двоюродный брат похищенной Видящей, подходил для этого как нельзя лучше.

Особого ритуала не было и здесь. Видящая просто взяла его за руки, сосредоточилась и, закрыв глаза, приготовилась к общению.

Она очнулась внезапно, от пришедшего извне толчка. Кто-то настойчиво звал ее – кто-то знакомый и близкий, кто-то, оставшийся в той жизни, где все было легко и просто. Волшебница уже собиралась ответить, но тут очнулся ее похититель.

Орк действовал не задумываясь – резко выпрямившись, он коротко врезал ей под ребра. Пленница задохнулась, скорчившись на земле, а ее враг перешагнул через дрожащее тело и на четвереньках, пригнувшись, как зверь, выполз из кустарника. Потом за ногу подтя-

нул ее за собой и привычным движением заломил ей руки назад и снова связал запястья. Она не сопротивлялась, тупо глядя перед собой. Молча поднялась на ноги и также молча побрела через лес, куда тащили.

Теперь орк выбирал дорогу, волоча пленницу за собой, но, пройдя всего несколько шагов, остановился и сунул ей под нос кулак:

– Не вздумай позвать их. Убью!

Волшебница только молча втянула голову в плечи. Ей было страшно, так страшно, что она не могла даже думать, не то чтобы говорить. Ей уже казалось, что она целую вечность бредет вот так, спотыкаясь, на привязи, за широкой спиной похитителя, и острая трава, корни и камешки ранят ее ноги.

Вскоре они вышли к ручью. Оставив пленницу в кустах, орк долго с наслаждением пил, хватая воду ртом. Потом выпрямился, держа ладони сложенными лодочкой, и подошел к пленнице. Она вздрогнула и отшатнулась, когда он поднес их к ее лицу, и не сразу сообразила, что в ладонях орк держит воду.

– Пей, – приказал он.

Она послушно наклонилась, сделала глоток. Когда вода кончилась и орк встряхнул мокрые ладони, она даже не подумала, чтобы попросить еще. Ей ничего не хотелось. Она ничего не могла. Ей было все равно, и только одна мысль билась где-то на дне сознания, не давая ему погаснуть окончательно, – скорее бы закончился этот кошмар. Все, что угодно, даже смерть – лишь бы все закончилось. Ей казалось, что хуже и страшнее быть уже не может.

Но самое страшное, как всегда, было еще впереди.

Видящая открыла глаза и встретила потемневший взгляд лорда Иоватара. Он видел и чувствовал все то же, что и она, но чуть яснее – ведь кровная связь не слабеет, пока родич жив.

– Это чудовище, – прошептал он. – Он недостойн легкой смерти. Я не знаю, что сделаю с ним, если он попадет мне в руки! Так издеваться над моей сестрой...

– Где они? – вступил в разговор Наместник Шандиар. – Вы что-нибудь узнали?

– Узнали. – Лицо Видящей осунулось. Она тоже не могла спокойно *смотреть* на то, как обращались с ее коллегой по гильдии. – Они идут в сторону города. Преданные Наместницы чуть-чуть отклонились в сторону. Я попытаюсь дозваться до них и скорректировать их путь. Это еще не поздно сделать.

– А мы пойдем к Лавошу. – Наместник Шандиар сжал кулаки. – Выступаем сразу, как только подойдут мои легионы. Я не оставлю камня на камне от этого проклятого городишки!

Судьба Лавоша была решена.

Пленница свалилась внезапно. Еще минуту назад она брела, пошатываясь, по лесному бездорожью, а потом вдруг упала, дернув веревку. Орк остановился. Пленница лежала на земле, еле дышала и никак не реагировала на тычки.

Проще простого было бросить пленницу здесь и спешить по своим делам. Но она еще была ему нужна. И орк легко вскинул ее на плечо, как тушу убитого на охоте зверя. Эльфийка была совсем легкой. Она висела на его плече, не подавая признаков жизни. С такой ношей орк сразу зашагал быстрее...

Но все-таки недостаточно быстро. Ибо, убегая от погони, он отклонился чуть в сторону и теперь шел к Лавошу более длинной дорогой.

Ветер дул в сторону, относя запахи прочь, за шелестом листвы и редкими голосами птиц не было слышно шума и треска, и лишь когда впереди развиднелось и показалась

опушка, он заметил впереди дым. Одним движением сбросил с плеча пленницу и крепко прикрутил ее запястья к ближайшему стволу. Эльфийка даже не пошевелилась – она была почти в обмороке. Напоследок сунув ей в рот самодельный кляп из еловой шишки, обмотанной тряпкой, орк побежал.

Он выскочил из леса и едва затормозил, хватаясь за ствол удачно подвернувшегося явора. Ноги приросли к земле.

Небольшой городок Лавош умирал. Долгий день клонился к вечеру, солнце садилось в луга, но вместо него на земле полыхало рукотворное светило, отражаясь в водах узкой, поросшей тальником и тростником реки. Кусты были поломаны эльфийскими легионами, которые окружили Лавош и запалили город с четырех сторон, даже не пытаясь сперва взять его приступом. Орки какое-то время боролись с огнем, но обмотанные горячей паклей стрелы летели, словно дождь. Лучники старались вовсю, а мечники, взяв город в кольцо, рубили жителей, отчаянно пытавшихся прорваться к воде. Тех, кто все-таки ухитрялся прорваться сквозь стальное кольцо, гнали по полю всадники. Горели ворота, горели стены, дымы поднимались над крышами, повсюду слышались крики и стоны.

Несколько всадников замерли в отдалении в кольце личных телохранителей – шестеро мужчин и женщина в балахоне Видящей. Она стояла в стременах, высоко подняв руки, и что-то говорила. Ветер относил ее слова в сторону, их заглушали треск пламени и крики умирающих, но смысл был понятен и так.

Наместник Шандиар нервно тискал в кулаке повод. Он не принимал участия в расстреле города и резне – это была не месть, а всего лишь разминка. Он пойдет дальше, по орочьей проклятой земле, и всюду будет оставлять только пепел и трупы. И будет ходить так до тех пор, пока не отыщет убийцу своей жены или пока не падет в бою. Но, если есть на свете справедливость, если Покровители не совсем слепы и не слишком заняты, они просто обязаны послать ему удачу. Ибо орки – ошибка природы и просто недостойны жить.

До позднего вечера продолжалась резня. До поздней ночи над городом вставала стена огня. Постепенно поток живых иссяк, крики заживо сгоравших больше не тревожили ночь, и перед рассветом легионы отступили, расположившись лагерем в виду городища. Только тогда на пепелище вступили Преданные Наместника, прочесывавшие дымящиеся развалины в тщетных поисках чудом уцелевших. Но единственный выживший – тот, ради кого все и затевалось, – еще раньше покинул опушку леса.

Теперь он мог идти, куда глаза глядят, но вернулся к оставленной на произвол судьбы пленнице. Она пришла в себя и смотрела в пространство остановившимися глазами. Какое-то время орк стоял над ее скорчившимся телом, сжимая кулаки. Она была так беспомощна, ничего не стоило убить ее сейчас – тонкая шея так легко хрустнет между пальцами!.. Она даже не заметит, как к ней пришла смерть... Но нет! Рано! Еще рано! Сначала он должен узнать. А для этого надо заставить ее говорить.

Не выдержав, орк все-таки пнул ее ногой, и эльфийка пошевелилась.

– Т-там, – задыхаясь, выдавил он, – твои соплеменники... они уничтожили всех... Ни в чем не повинные женщины и дети... А ты... ты... проклятое отродье... Ты!

Он опять пнул ее, вымещая досаду, но вовремя остановился. Слишком покорно, как-то по-животному, принимала она избиение. Да и не к лицу *ему* выказывать лишние эмоции, даже перед нею. Тем более перед нею! Она этого не достойна. Никто из их проклятого племени не достоин. Тем более что в Лавоше у него не было ни родственников, ни близких друзей. Он и жил-то в этом городке всего пару месяцев и лишь успел обрести знакомцами – как всегда бывает, когда в городке все знают друг друга... знали.

– Вставай, тварь. – Он отвязал от дерева поводок и дернул. – Пошли.

Она встала, когда орк дернул за повод – встала покорно, как жертва, ведомая на заклание, и побрела вперед, пошатываясь на каждом шагу. Голова пленницы была опущена, спу-

тавшие и уже не такие светлые волосы падали на лицо. Споткнувшись, она повалилась и, наверное, ударилась, но не издала ни звука.

Орк склонился над нею. Пленница лежала на боку, не делая попыток подняться. Она уже была наполовину мертва, дышала с хрипом, как загнанная лошадь. Проще простого было сейчас прервать ее мучения и идти дальше налегке, но эльфийка была пока нужна. Если бы орк мог покопаться в ее мозгу так же, как она копалась в его разуме! Тогда Видящая, правда, прочла лишь то, что вложил ему в память шаман, но ему, среди всех талантов, которыми наградили его боги, не доставало именно этого. А значит, пусть эльфийка поживет еще. И, если он хочет получить от нее кое-что, ему придется ухаживать за нею, как это ни противно.

Обоняние у орков отменное – он издали учуял ягодную поляну и поволок пленницу туда. Земляника еще не вся поспела, многие ягоды были белыми с зеленоватыми боками, но выбирать не приходилось. Ставив с пленницы чулки, он бросил эльфийку на краю поляны, быстро сплел из льняных ниток силки и зарядил его чуть в стороне, неподалеку от ручейка. Потом вернулся к пленнице.

Она лежала в той же позе, в какой он ее оставил, – несмотря на то что руки ее были развязаны, эльфийка не сделала попытки убежать. Проклиная слабых эльфийских женщин, орк стал собирать ягоды в горсть. Потом подобрался к пленнице.

– Ешь.

Она продолжала смотреть в одну точку и только еле слышно вздохнула. Тогда орк пальцем раздвинул ей губы и стал запихивать ягоды в рот.

– Жри, паскуда, – шепотом ругался он. – Жри, иначе я тебя прикончу прямо тут! На кой ты мне сдалась такая дохлая! Проклятое племя!

В какой-то миг ее губы задвигались. Она проглотила те ягоды, что попали ей в рот, и дальше дело пошло на лад. Орку удалось скормить ей целых две горсти, после чего он подхватил эльфийку в охапку и оттащил подальше от поляны. Еще раньше он присмотрел удобное местечко под корнями старого вяза, где лежал толстый слой прошлогодней листвы. Туда он бросил пленницу и занялся костром. Настоящий воин должен уметь разжечь огонь голыми руками, и вскоре на земле трепетал маленький костерок. Крошечные язычки пламени почти не давали дыма. Нужно было обладать поистине звериным чутьем, чтобы услышать его.

Обследовав местность вокруг, орк нашел кое-какие съедобные корни. Одни можно было есть сырыми, другие сначала следовало запечь в золе. Те и другие он вымыл в ручье и разделил поровну. Конечно, будь рядом с ним нормальная орочья женщина, две трети корней досталось бы ему – он воин и защитник и должен лучше питаться. Но эта эльфийка слишком слаба.

– Ешь, – приказал он, положив рядом с нею корни. – Не отравись.

Видящая сидела неподвижно, уставясь в огонь глазами, но, бросив на пленницу беглый взгляд минуту спустя, орк заметил, что по ее щекам бегут слезы. Вот чего он ненавидел больше всего! Орк мгновенно оказался рядом и отвесил эльфийке оплеуху. От удара она рухнула наземь, лицом вниз, и плечи ее заходили ходуном от сдавленных рыданий.

Орк схватил ее за плечи, встряхнул и ударил снова. Рыдания стали громче. Слезы лились потоком, она всхлипывала, завывала и что-то лепетала, едва не дергаясь в судорогах. Только третья оплеуха помогла прекратить истерику, и пленница сжалась в его руках, испуганно хлопая глазами.

– Так, хорошо... – Он медленно разжал руки. На плечах остались синяки, левая щека казалась алой, на губе блестела капелька крови. – Ты меня слышишь?

Она осторожно кивнула.

– Еще лучше. Будешь говорить?

Новый кивок. Затем губы ее дрогнули, словно она уже хотела что-то сказать.

– Говори, – разрешил он. – Но если ты заорешь или вздумаешь колдовать, я тебя прикончу. Вы, эльфийские ведьмы, хуже чумы.

Видящая вздрогнула и втянула голову в плечи.

– Не надо, – промолвила еле слышно. – Умоляю... пощади...

– Там, в Лавоше, были женщины и дети, – проворчал он, чувствуя, как гнев опять закипает в нем. – Можно сражаться и убивать тех, кто держит в руках оружие, но убивать женщин и детей – это... это подлость! Ты тоже женщина. Почему я должен пощадить тебя?

Эльфика вновь сжалась, парализованная страхом, и орк подумал, что сейчас она опять замкнется в себе, и ему придется тратить время на то, чтобы разговорить пленницу. Тратить время, когда для него счет идет на часы. Он спешит. Ему некогда возиться с эльфийской обузой. Кроме того, – это неписаное правило почему-то действует в отношении всех рас! – обязательно привязываешься к тому, с кем делил пищу, тепло костра и с кем провел больше, чем один день. А ему никак нельзя привязываться ни к кому. Особенно сейчас, когда идет война. Особенно к существу иного вида. Особенно к эльфийской ведьме.

– Я тебя пощажу, – пообещал он, – если ты мне кое-что скажешь.

Видящая подняла глаза. В них еще было полно страха, но тупой животный ужас уже отступал.

– Я скажу, – пролепетала она. – Если знаю... я могу и не знать...

– Знаешь, – отмахнулся он. – Ты – эльфийская ведьма и не можешь этого не знать.

Он подался вперед так, что она почувствовала на коже его горячее дыхание:

– Что ты знаешь о Золотой Ветви?

Глава 4

Цитадель Верховного Паладайна Золотой Ветви напоминала что угодно, но только не замок высокородного правителя. Это была система пещер в скале, вход в которые был скрыт в недрах огромного водопада. Три входа открывались среди его пенных струй, еще два, запасных, в виде звериных нор уходили далеко в лес, за пределы столицы. Собственно, Цитадель и была столицей, ибо в ней жили девять десятых всех орков. Оставшуюся одну десятую составляли воины, охранявшие подступы к Цитадели.

Сама внутренняя часть Цитадели состояла из переплетений подземных ходов, которые соединяли между собой многочисленные пещеры. В них постоянно царил сумрак – свет давали гнилушки и свечи. Лишь в трех больших залах было светлее – там вместо одной стены находился водопад. Солнце, проникавшее сквозь струи, дробилось и давало рассеянный свет.

Верховный Паладайн, сутулясь, шагал по узкому проходу. Позади с факелами шествовали его телохранители – четверо орков в полном боевом вооружении. Встречные орки спешили вжаться в стены не только из чинопочитания – просто ход был слишком узок, чтобы разойтись без помех. Да и неизвестно, в каком настроении Верховный Паладайн.

Тяжелые шаги гулко отражались от стен, бряцало оружие, и потому о приближении неожиданных гостей узнали заранее. Склонившийся над котлом старый орк с почти вылезшими волосами поспешил разогнуться и снова склониться в поклоне, а две молоденькие орчихи вовсе рухнули на колени, касаясь лбами пола. Мужчина, воин, да еще и сам Паладайн был существом почти божественным.

– Встать, – приказал тот, едва переступив порог. Обычно он не обращал внимания на женщин – за исключением тех случаев, когда того требовала плоть, – но одна из них ему показалась знакомой.

Так и есть! Одета в светлое кожаное платье с оторочкой из пятнистого меха рыси, перед ним на коленях стояла его собственная дочь. И почему боги не дали ему сына? Почему три мальчика, рожденные его женщиной, умерли, едва увидев свет, и почему выжила только она? Никчемная девчонка, от которой настоящему воину не было никакой пользы!

– Что ты здесь делаешь? – прорычал он, выпятив нижнюю челюсть. – Как ты посмела покинуть свои покои?

– Я... мы... – Девушка затрепетала. Внешне она ничем не отличалась от других молоденьких орчих, разве что была одета чуть лучше, да на запястьях и щиколотках красовались бронзовые и плетеные браслеты, а на лбу был вытатуирован замысловатый узор.

– Я привела ее, мой господин, – взяла вину на себя ее подруга, снова касаясь лбом пола.

– Потому что так ей велел я! – подал голос старик. – Служанка выполняла мой приказ!

– Твой приказ, шаман? – Верховный Паладайн мгновенно переключился на старика. – Зачем тебе понадобилась моя дочь? Ты учишь ее колдовать?

В отличие от эльфов, у орков, как и у людей, и мужчины обладали способностью к магии. Причем если среди людей мужчин-магов было все-таки большинство – ведь женщина-маг должна отказаться от материнства! – то у орков число волшебниц и магов было примерно одинаковым. Каждый двадцатый орчонок рождался с магическими способностями – только от желания родителей и их богатства зависело, будет ли их сын или дочь магом. Ведь обучение стоило довольно дорого!

– Да, мой Паладайн. – Старик-шаман выпрямился, стискивая узловатыми руками свой посох с навершием в виде оскаленной драконьей головы. – Ибо твоя дочь еще в детстве выказывала способности, и я давно обратил на нее внимание.

– Отец, я прихожу сюда уже пятый или шестой раз, – пролепетала девушка.

– Вот как? – Верховный Паладайн повернулся к дочери, и та медленно поднялась на ноги. – И чему же ты успела научиться?

– Пока немногому, – прошептала девушка. – Мне приходится учиться тайком... Я боялась, что ты узнаешь и велишь меня наказать.

Одним из важных факторов воспитания детей орки считали абсолютную честность по отношению к родителям. Взрослые еще могли солгать детям, если считали, что малышне негоже знать правду, но дети не должны были лгать никогда. За ложь наказание следовало едва ли не более тяжелое, чем за проступки.

– Твоя мать знает об этом?

– Я сказала ей, что хожу к шаману. Она больше ни о чем меня не спрашивала, и я промолчала насчет остального.

– Ну и дура!

Это замечание относилось к жене Верховного Паладайна. Он недолюбливал ее с тех пор, как понял, что больше жена не сможет рожать. Не так давно он даже взял себе наложницу, чтобы хоть от нее получить желаемого сына, но пока девушка оставалась бесплодной.

– Итак, – Паладайн снова оглянулся на шамана, – и чему же ты учил мою дочь, когда я пришел?

– Я учил ее, – старик заглянул в котел, – учил предсказывать будущее. Они помогали мне составлять настой, с помощью паров которого можно погрузиться в транс и перенестись мыслью и чувствами в будущее, сколь бы далеко оно ни было!

– У нас почти все готово, отец, – снова заговорила его дочь. – Надо было лишь дать отвару вскипеть, и потом вдохнуть его пары и...

– Так действуйте! – Верховный Паладайн небрежно смахнул со стоящего у стены сундука содержимое и уселся, оперев руки в колени. – А я буду смотреть!

Обе орчихи переглянулись со стариком-шаманом, но тот с серьезным видом махнул им рукой, и они, то и дело бросая на грозного Паладайна взгляды, стали подбрасывать под котел дрова.

Небольшую пещерку вскоре заволокло дымом. Он поднимался к потолку и пропадал в вытяжной норе. В ней что-то сердито зачихало и завозило – подземные чешуйчатые крысы и многоножки были постоянными спутниками орочьих поселений и иногда служили дополнением к рациону. Кстати, именно поэтому орков почти невозможно взять измором, если они успели укрыться в пещерах. Одна крыса, чересчур наглотавшись дыма, рухнула с потолка прямо на Верховного Паладайна. Тот прихлопнул зверька ладонью, свернул шею и захрустел чешуйчатым панцирем, перекусывая в ожидании начала действия.

Обе девушки старались, как могли. Сквозь потрескивание пламени слышалось бормотание шамана и частые дробные удары в бубен. Потом к его голосу присоединился второй, и уже два бубна зазвучали, сплетая замысловатую мелодию. Брови Верховного Паладайна поползли вверх – он узнал голос собственной дочери. Девушка читала заклинание столь уверенно, что властитель даже удивился ее таланту.

Два силуэта закружились вокруг котла, в котором закипал травяной отвар. По пещере пополз резкий аромат, смешиваясь с дымом костра, – там горели ветки можжевельника. Служанка, стоя на коленях, время от времени подбрасывала в огонь одну-две ароматические палочки. От их запаха и дыма у Паладайна начало чесаться в носу.

Пляска шаманов становилась все неистовее, их гортанные выкрики – все глуше и истеричнее, а потом девушка, отбросив свой бубен, одним прыжком вскочила на шаткий треножник, установленный над самым котлом. Дым окутал ее с головы до ног – виднелись только покрасневшее лицо, лоснящееся от пота, со встрепанными волосами и страшно выкаченными глазами, да две машущие над головой руки.

– Вижу! – визгливо завопила она, чудом удерживаясь на шатающемся треножнике. – Вижу наследника! Младенец! Новорожденный мальчик! Он поднимет Золотую Ветвь! Он придет! Он прекрасен! Наследник!

– Что? – Верховный Паладайн вскочил и рванулся к дочери. – Чей это будет сын? Ты видишь, кто его отец? Чья кровь течет в его жилах?

– Кровь... – завывала девушка. – Кровь... много крови пролилось... и еще больше прольется! Золотая Ветвь будет пить кровь, пока не насытится!

– Имя отца! – теряя терпение, закричал Паладайн. – Скажи имя!

– Мальчик-маг! – выкрикнула дочь. – Он...

И тут случилось невероятное – Верховный Паладайн чихнул.

Обычно он старался бороться с подобными позывами, считая, что это недопустимо для Верховного Паладайна и почти императора орочьей империи. Никто не помнил, чтобы он чихал, кашлял или издавал другие подобные звуки, но тут...

От резкого звука девушка на треножнике покачнулась и, потеряв равновесие, рухнула на пол. Падая, она толкнула котел ногой, и часть отвара выплеснулась на угли, наполовину погасив костер. Белый густой дым поднялся и заполнил пещеру. Расчихавшись самым отчаянным образом, Верховный Паладайн сломя голову выскочил наружу, где его ждали телохранители.

Прошло несколько минут, прежде чем дым кое-как выветрился и в пещере можно было находиться посторонним. Протирая слезящиеся глаза, Паладайн снова шагнул через порог.

– Отец... – Дочь с трудом поднялась ему навстречу. – Отец, я видела...

– Знаю, что ты видела, – отмахнулся тот. – Чей он будет сын?

– Кто? – Молодая шаманка искренне захлопала глазами. Она решительно ничего не помнила из того, что только что ей открылось. – Я видела кровь и смерть. И еще – светловолосые. Они явно что-то задумали. Будь осторожен, отец!

Верховный Паладайн обернулся на шамана, требуя объяснений, но тот только развел руками – мол, такова воля высших сил.

Кто-то подергал его за штанину. Паладайн глянул – служанка стояла на коленях, и в ее темно-карих глазах дрожали слезы.

– Прости меня, повелитель, – пролепетала она, – это я во всем виновата! Я должна была следить за костром, чтобы дым не летел в твою сторону, но не смогла... Прости! Это из-за меня ты не узнал самого важного... Накажи меня, как хочешь!

Она сжалась в комок, касаясь лбом пола, и Паладайн несколько раз пнул ее ногой. Он не видел ничего зазорного в том, чтобы ударить провинившуюся служанку, когда та сама признает свою вину – подлинную или мнимую. Но если орчиху обидели незаслуженно, та же забитая служанка могла поднять такой скандал, что только держись! Свершив таким образом наказание, Верховный Паладайн кивнул шаману и покинул пещеру. То, что узнала дочь про козни светловолосых, выяснится в свой черед. А сейчас он хотел кое-что узнать про младенца.

Покои его наложницы находились там же, где жила и первая жена Верховного Паладайна. Когда повелитель откинул кожаный полог, закрывавший вход в пещеру, выяснилось, что наложница не одна. У нее были гости – три молоденькие орчихи, увешанные браслетами и расписанные татуировками, восседали на подушках и жадно хрустели поджаренными сверчками. Две служанки, обе почти лысые старухи, стояли позади на коленях.

Верховный Паладайн поморщился. Старость он не любил – даже свою мать, едва та начала стареть, он выслал в приграничный городок и велел никогда не показываться на глаза. Со стариками-орками он расправлялся еще беспощаднее – они должны были находиться под домашним арестом, а тех, кто осмеливался скрывать свой возраст, ждала кара. Исключение делалось только для шаманов.

Сам Верховный Паладайн был еще молод – ему было лишь восемьдесят девять лет, самый расцвет сил для орка. Старость у них выражалась не только в морщинах – смуглая кожа начинала сереть и покрываться складками, старики худели до состояния скелета, а также у них начинали вылезать волосы. Так что самые дряхлые были похожи на обтянутые серой морщинистой кожей абсолютно лысые скелеты.

Его наложница была тоже молода – ей лишь недавно миновало двадцать шесть лет, что для орков соответствует подростковому возрасту. Она радостно взвизгнула, узнав своего повелителя, и вскочила, стряхнув с колен крошки.

– Господин мой!

Паладайн подхватил ее в объятия. Несмотря на более чем юные годы – брачный возраст для орчих наступает только после тридцати, – тело ее было развито, как у взрослой женщины. Его приятно было подержать в руках, не то что старую жену, которая обрюзгла от постоянных родов и переедания. Вообще-то старую жену следовало отдать наложнице в служанки, но, во-первых, она все-таки не была бесплодна, а во-вторых, он все-таки Верховный Паладайн, и ему нужен законный наследник. Значит, сын, рожденный наложницей, будет объявлен сыном его законной жены.

– Ты не беременна случайно? – поинтересовался он, все еще держа наложницу в объятиях.

Она сразу засмушалась и постаралась освободиться от объятий:

– Я... я... мой господин...

– Духи сказали, что скоро у меня родится наследник, – объявил Паладайн. – Так что постарайся! На тебя вся надежда!

– Я попробую, мой господин. – Она потупилась и зарделась. – Но мой любимый повелитель бывает дома так редко... Я не видела его две луны...

– Хорошо. – Паладайн поставил наложницу на пол и потрепал по пухлой щеке. – Жди меня сегодня ночью.

Выходя, он слышал, как наложница визгливым голосом разгоняет подружек и отдает приказы служанкам.

Уже поздно ночью, когда он отдыхал в объятиях наложницы, пришла весть о прорыве эльфийских легионов в глубь его земель. Заградительные гарнизоны были смяты, и орда светловолосых беспрепятственно движется к Цитадели, почти не встречая сопротивления.

Бросив наложницу посреди ночи, Верховный Паладайн спешно отбыл навстречу врагам. Уже на полпути его настигли две вести – первая была о гибели города Лавоша, а вторая – о загадочном исчезновении капитана Хаука аш-Гарбажа.

– Что ты знаешь о Золотой Ветви?

Пленница недоуменно захлопала ресницами. Девушке понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, о чем у нее спросили. И дело было не только в чудовищном орочьем акценте – хотя эльфы и орки говорили на одном языке, за тысячу лет независимости орки настолько исказили эльфийское благозвучное наречие, что сейчас враждующие народы понимали друг друга с пятого на десятое. «Что ты знаешь о Желтой Ветви?» – так прозвучал для нее вопрос ее похитителя. Наконец, она вспомнила, что желтым орки называют золото – из-за его цвета. Ни одному эльфу не придет в голову называть золото – «желтым».

– О Золотой Ветви? – переспросила она, чтобы быть уверенной. Странность вопроса почему-то успокоила ее сильнее, чем все уверения в ее безопасности и скорейшем освобождении.

– Да. Ты – ведьма. Ты должна знать.

– Но я не... – Она осеклась под его пристальным взглядом. Эти черные, чуть раскосые глаза действовали завораживающе, как взгляд змеи действует на ее жертву. – Я не знаю.

– Ты ведьма! – Орк стукнул кулаком по земле. – Все ведьмы это знают!

– Но я еще слишком молода! Меня не успели посвятить! Я знаю слишком мало – только то, что она существует...

На самом деле она знала еще кое-что, но эту же информацию мог выдать любой знатный эльф.

Когда-то Золотая Ветвь принадлежала эльфийскому народу. Было это в те благословенные времена, о которых ныне даже долгоживущие (но отнюдь не бессмертные) эльфы слагают противоречивые легенды. Со временем блеск ее золота потускнел, слава померкла, и незадолго до восстания орков она была утеряна. По правде говоря, уже тогда она была не более чем легендой. Одни говорили, что орки сами ее уничтожили или даже похитили, дабы подорвать мощь своих поработителей. Другие утверждали, что именно исчезновение Золотой Ветви спровоцировало среди рабов воинственные настроения – дескать, не стало сдерживающего фактора. Как бы там ни было, но эти события оказались связаны. Эльфы много раз пытались отыскать Золотую Ветвь, но следы ее все время терялись. Уже начали поговаривать, что ее вовсе не было, что это не более чем красивая легенда... Пока не объявился Верховный Паладайн Золотой Ветви. Отсюда следовал только один вывод – орки *знали правду* о том, что это такое и где оно находится. Или, по крайней мере, считали, что знают правду.

Тень этих раздумий отразилась на лице пленницы, и орк снова стукнул кулаком по земле.

– Ты что-то знаешь, – прорычал он. – Но не надейся, что сумеешь скрыть от меня правду. Я найду того, кто вытащит ее из твоей головы!

Их нагнали ближе к вечеру.

За ночь в силоч попал крупный рябчик, которого орк испек на костре. Доев остатки ягод и кореньев вместе с мясом, пленница повеселела, и ее можно было не тащить за собой, как мешок с костями. Правда, с такой обузой орку все равно приходилось шагать ровно в два раза медленнее, чем обычно, а все время тащить эту ведьму на закорках – хм, слишком много чести. Кто она такая? Ущербная дочь проклятого племени, да еще и ведьма! Люди таких сжигают на кострах – если, конечно, речь идет о ведьме человеческого рода. Орк имел весьма одностороннее представление об обычаях людей, хотя сам несколько раз воевал на их стороне и даже несколько месяцев прожил в человеческом городе. Он видел, как сожгли однажды ведьму, но не знал, что это была высшая и чрезвычайно редкая мера наказания за преступления, которые совершила отступница. И, конечно, не знал, что осужденной перед смертью дали выпить одурманивающего настоя.

Где-то после полудня, когда они ненадолго задержались у ручья, чтобы напиться, пленница почувствовала *зов*. Ее искали, осторожно и неумело, но искали. Девушка встрепенулась. Она снова почувствовала себя волшебницей и Видящей. Правда, силы ее были основательно подорваны долгим маршем, усталостью и недоеданием, а еще и страхом, и она не смогла полноценно ответить на зов, но, пока ее похититель пил, оставила для преследователей в кустах на берегу метку. Знающий не пройдет мимо.

Помогая преследователям, она *знала*, что это были друзья. Через пару лиг Видящая споткнулась и упала, разодрав коленку. Было очень больно, несмотря на то, что она упала нарочно. На ее глазах даже показались слезы, когда она срывающимся голосом пролепетала:

– Я, кажется, не могу идти...

Орк встал над нею. Лицо его исказилось от такого бешенства, что девушка испугалась, что он сейчас ее убьет. Орк и в самом деле уже занес руку для удара, но оплеуха получилась слабой, словно он понимал – глупо бить того, кто и так полумертв от ужаса и усталости. А потом злодей вскинул ее на плечи, как овцу, и потащил. Висеть почти вниз головой было

неудобно, ветки хлестали по измученным ногам и лицу, но она терпела. Орк тоже живой, он тоже может устать, и тогда их догонят. Только бы преследователи не прошли мимо метки. Она была слишком слабой, неопытный чародей даже не разберет, что это такое.

Она не знала, что у преследователей был один из ее браслетов, подобранных у реки. Именно он помогал в поисках, и он же вывел их на метку.

Орочья земля, по которой они бежали, представляла собой сплошные густые леса, растущие в предгорьях. То и дело приходилось либо спускаться вниз по склону, либо карабкаться наверх. Иногда леса расступались, открывая альпийские луга, где паслись стада диких и домашних животных. Орки разводили только местных баранов и коз, которым нипочем были кручи. На прочих зверей они охотились, поедая даже лошадей, сусликов, лисиц и орлиные яйца из гнезд. Орки предпочитали именно предгорья потому, что привыкли селиться под землей, а на склонах легче было отыскать пещеры. Даже их дома в городах на равнинах представляли собой полуземлянки и неизменно ставились на крутом речном берегу или на холме, который можно было изрыть подземными ходами.

Лес в очередной раз расступился, открыв вид на цветущий луг. Солнце уже касалось краем горного склона, невдалеке бродило небольшое стадо горных баранов. Заметив орка, животные насторожились, а затем бросились наутек.

Орк со своей ношей уже пересек луг наполовину, когда запели стрелы. Солнце светило в глаза преследователям, и ни одна не причинила ему вреда. Но стрелы заставили похитителя оглянуться.

Из чащи леса показались двое эльфов в мундирах телохранителей. Девушка сразу узнала их, и сердце ее радостно стукнуло. Она не ожидала, что помощь придет так скоро!

Эльфы опять вскинули луки. Один из них что-то прокричал. Эхо искажило его слова, но угрожающую интонацию не узнать было невозможно.

Две стрелы разом взвились в воздух и воткнулись в землю у ног орка. Это был приказ остановиться – если бы не пленница на его плечах, негодяя давно бы уже истыкали стрелами, как мишень.

Орк выругался сквозь зубы и одним движением сбросил ношу наземь. Девушка вскрикнула от боли в боку, но он не обратил на ее возглас никакого внимания. Рывком вздернул на ноги и подтолкнул к одинокому дереву. Там, не дав опомниться, завел ее запястья назад и крепко прикрутил их к корявому стволу, пинком заставив пленницу встать на колени.

– А теперь подойдите и возьмите! – прорычал он, вставая рядом.

Эльфы – двое оставшихся Преданных Наместницы Ллиндарель – переглянулись. Они могли бы убить его стрелами, не трогаясь с места, но у них был и другой приказ – доставить орка Наместнику Шандиару для справедливой мести. Поэтому как ни противно, но придется сначала попытать счастья в бою.

Обнажив мечи – оба вспыхнули голубым светом, который становился все ярче по мере приближения к противнику, – они стали подходить, держась один справа, а другой слева. Орк стоял на месте, ссутулившись и слегка расставив руки, косясь глазами то на одного, то на другого. Если они бросятся одновременно, у него будет довольно мало шансов – ведь он безоружен, разве что реакция у орков такова, какой нет и не может быть у нормального противника. Беглец прошел науку, которой не обучался практически никто из его ровесников-орков и тем более о которой вряд ли помнили эти двое.

Преданные не стали терять времени даром – им было мучительно больно жить, не имея возможности отомстить. И каждая лишняя минута только увеличивала эту боль. Они приблизились практически одновременно – и самый внимательный наблюдатель не смог бы заметить момента, когда один пропустил вперед другого. У орка просто не было возможности выбора, на кого из противников бросаться первым.

Два меча взлетели над его головой практически одновременно...

И столкнулись с лязгом и искрами, ибо головы орка там уже не было. Он кубарем прокатился по траве, оказавшись сбоку.

Пленница зажмурилась – это все произошло слишком близко от нее, а она не могла даже отстраниться. Но Преданные не стали терять на нее время и круто развернулись навстречу врагу. Тот успел, кувыркаясь, набрать полные горсти травы и земли и швырнуть их в лица противников. Те невольно вздрогнули, теряя доли секунды, и орк совершил еще один кувырок, уходя еще дальше.

На сей раз он оказался совсем близко к старому, наполовину высохшему кедрачу, который еще цеплялся корнями за почву, но уже умирал. Кора висела на стволе клочьями. Дерево с самого начала выросло неудачно. Недолго думая орк обхватил больной ствол и вырвал с корнями, метнув в приближающихся эльфов.

Девушка вскрикнула, когда ствол взмыл в воздух. Но кедрач был слишком тяжел даже для железных мускулов ее похитителя и рухнул, чуть-чуть не долетев до вовремя притормозивших эльфов. Однако это дало орку еще миг преимущества. Он успел подхватить два камня и прицельно метнул их один за другим.

Ближний Преданный успел уклониться, но его товарищу повезло меньше – булыжник ударил беднягу в плечо. Пленница снова закричала – на сей раз от сострадания и от мгновенного осознания того, что сейчас произойдет.

Видение, открывшееся ей, лишь на миг опередило действительные события. Орк метнулся к раненому эльфу, презрев его товарища. Тот попытался сопротивляться, но плечо болело слишком сильно, и Преданный запоздал. Кулак врезался ему в скулу, орк схватил за запястье руку с занесенным мечом и сдавил. Послышался хруст ломающейся кости. Эльф коротко вскрикнул, роняя меч, и опрокинулся на спину. Орк на ходу подхватил оружие – и в этот миг второй Преданный ударил его в спину.

Вернее, в плечо, потому что орк успел заметить ярко-голубой блеск и уже начал разворачиваться навстречу. Реакция спасла его – меч не воткнулся меж лопаток, а всего лишь скользнул по руке, распоров мышцы и кожу почти до кости. Брызнула кровь. Опять закричала эльфийка. Что она все время орет? Никогда крови не видела, что ли?

Мысль мелькнула и погасла, уступив ярости схватки. Правое плечо отзывалось болью на каждое движение, и, чтобы не истечь кровью, орк перекинул меч в левую руку. Он умел достаточно хорошо фехтовать обеими руками. Но в траве у ног ползал второй противник – пусть у него сломана кисть правой руки и свернута челюсть, но он достаточно силен, чтобы помешать орку. Хотя бы тем, что вонзит нож ему в ногу. И только орк так подумал, как икру пронзила боль – поверженный эльф нанес удар.

Не прерывая схватки, орк нанес удар ногой в голову лежавшему противнику и отскочил подальше. Теперь для него счет шел на секунды, и каждая секунда стоила лишней капли крови.

Пленница с замиранием сердца следила за схваткой. Она не могла понять, почему орк продолжает сопротивляться, несмотря на преимущество противников. На его месте она бы давно выдвинула условие – жизнь в обмен на свободу пленницы. Эльфийка даже согласилась бы просить, чтобы его удостоили легкой смерти за такой поступок. Волшебница настолько ясно увидела себя в роли просительницы, что ненадолго отвлеклась, целиком сосредоточившись на мелькавших в сознании образах...

А потом ее заставил очнуться резкий гортанный возглас.

Она пропустила кульминацию схватки – орк внезапно прыгнул вперед и резким тычком вонзил меч в живот противника. Кольчуга защитила жизнь эльфу, но сила удара была такова, что он согнулся почти пополам, переживая короткий приступ боли. В бою его бы прикрыли товарищи, но здесь, один на один, орк не стал ждать, пока враг восстановит дыха-

ние. Он крутнулся на здоровой ноге, меч описал ярко-голубую дугу, и голова Преданного скатилась с плеч. Тело еще какое-то мгновение стояло, а потом упало.

Раненый Преданный тем временем успел подняться и теперь, пошатываясь, брел наперез орку, сжимая в левой руке нож. От удара по голове его сознание еще мутилось, но оставаться безучастным он не мог. Отомстить или умереть – другого не дано. Орк подпустил его поближе – из-за раны в ноге он не мог быстро перемещаться, – и двумя ударами покончил с противником.

Однако победа далась нелегко. Кровь текла из двух глубоких ран, и орк, несмотря на всю силу воли и презрение к боли, шатался, как пьяный. Он был почти уверен, что вот-вот истечет кровью, что ему не уйти далеко, но прежде, чем позволить сознанию погаснуть, он должен сделать одно, последнее, дело.

Зажимая левой рукой рану на плече, он подковылял к связанной эльфийке. Она стояла у дерева на коленях, запрокинув голову. Ее шея еще тоньше, чем у той, задушенной. Она не станет сопротивляться. Конечно, жаль, что он так ничего и не узнал, но зачем лишние знания мертвецу? Орки верили, что после смерти встречаются со своими предками, и только тогда могут получить ответы на все вопросы.

Девушка видела, как он подходит, волоча ногу и скособочившись от раны в плече. Она запрокинула голову, пытаясь поймать его взгляд, и когда глаза их наконец встретились, прочла в них свое будущее.

Он ее убьет. С такими ранами он, может быть, и выживет. Но вот она станет обузой. Она ему не нужна. С ее спасителями он расправился и так же легко прервет ее жизнь. Еще вчера ей было все равно, она была тупым животным, ведомым на заклятие, – будь что будет, лишь бы наступил конец. Но теперь ей стало страшно. Она должна что-то сделать, чтобы спасти свою жизнь. И девушка шевельнула дрожащими губами:

– Освободи меня. Я... я помогу. Я целительница...

«Я готова на все, только не убивай!» – умоляли ее ярко-синие глаза в ореоле длинных ресниц. Орк опустился на колени. Несколько долгих секунд, которые отмечались стекающими наземь каплями крови, он смотрел ей в лицо, а потом за локоть развернул спиной к себе и стал непослушными пальцами распутывать на совесть сделанный узел.

Освободившись, волшебница обхватила себя руками, чувствуя, как покалывает в кистях, разбегаясь по жилам, застоявшаяся кровь. Ей вдруг стало холодно, все тело пронизала дрожь, и она еле заставила зубы не стучать. Только что на ее глазах погибли двое эльфов, пытавшихся ее спасти.

– Ну? – послышался за спиной хриплый голос.

Орк сидел в траве, вытянув раненую ногу и пристроив правую руку, как неживую, на коленях. Его грубое смуглое лицо с резкими скулами и широким носом не выражало никаких чувств. На лбу и висках блестел пот, и мокрые черные волосы прядями прилипли ко лбу.

Девушка на коленях подползла ближе, стараясь не смотреть на это порядком надоевшее ей ли... нет, не лицо, а морду! Преодолев приступ тошноты, она протянула руки:

– Дай... посмотреть!

Орк повернулся к ней плечом. Рана была глубокой, ее края уже начали чернеть. Обычными средствами тут не помочь – без магии руку пришлось бы отнять из-за нагноения уже на вторые сутки. Девушка осторожно коснулась кончиками пальцев кожи у самого разрыва. Сосредоточилась, закрывая глаза и представляя, как смыкаются порванные мышцы, как снова находят друг друга края кровеносных сосудов и как живительная жидкость стремительно вымывает из тела яд. Края раны закроются потом, когда внутри не останется ничего чужеродного.

Руки налились тяжестью, словно окаменели, потом по ним стал от кончиков пальцев выше и выше распространяться жар. Он добрался до головы, потом перекинулся на все тело. Сознание замутилось. Волшебница покачнулась, чудом не прервав контакт...

И ткнулась носом в широкую твердую грудь.

Сильная рука обхватила ее за плечи, не давая упасть, и девушка бессознательно прижалась к этому мощному телу, черпая в нем уверенность. Сидеть рядом было так уютно, так тепло и хорошо!

Видящая не сразу сообразила, кто обнимает ее за плечи и к кому она прильнула, как ребенок. А когда поняла, отпрянула, как от чумного:

– Нет!

Орк ослабил хватку и перевел взгляд на свое плечо. Остался только алый шрам тонкой молодой кожи. Через день-два от него не останется и следа. Рука повиновалась, как прежде, и в его глазах, когда он перевел их на пленницу, было что-то похожее на уважение.

– Ты шаманка? – спросил он.

Она отчаянно замотала головой:

– Нет! Нет!

– Ты в порядке? – Орк схватил ее за руку.

– Пусти! – вскрикнула девушка, рванувшись изо всех сил. – Мне надо еще посмотреть твою ногу!

Он кивнул и медленно разжал пальцы.

Глава 5

Верховный Паладайн встретился со своими войсками на марше. Орочьи полки отходили, огрызаясь короткими стычками. Эльфийские легионы продолжали победное шествие в глубь страны. Оберегая мирных жителей, орки отступали кружными дорогами, уводя эльфов подальше от заселенных районов. Равнины давно остались позади, вокруг были предгорья, а впереди вставали горы. Еще один-два дневных перехода, и можно будет искать подходящее место для решительного боя – если, конечно, не произойдет ничего непредвиденного.

Старший командующий генерал Эрдан аш-Гарбаж вышел навстречу Верховному Паладайну один, даже без приличной орку его ранга свиты. Не говоря ни слова, Верховный спешился с ездового барана и с размаху отвесил генералу пощечину. Тот снес это спокойно – никого из свиты рядом не было, значит, нет и свидетелей, которых надо опасаться. А Верховный Паладайн волен в жизни и смерти своих подданных, тем более если они провинились перед ним. Тем более в военное время. Так же спокойно он снес и вторую оплеуху, а потом и третью.

Наконец Верховному Паладайну надоело без толку выплескивать свой гнев на генерала, и он махнул рукой, показывая, что экзекуция закончена.

– Но скажи ты мне, что происходит? – рявкнул он. – По какому праву вы отступаете? Вы что, забыли о судьбе Лавоша? Вы решили спустить это светловолосым? Вы свободно позволили им проникнуть так далеко на нашу территорию? Тебе надоел твой мундир? Я запросто могу разжаловать тебя в рядовые, а то и вовсе отдам под трибунал!

– Мой Паладайн, у светловолосых численное преимущество, – спокойно ответил аш-Гарбаж. – Мы дали им три сражения, и в двух из них они просто раздавили нас числом. Кроме того, давно не было пополнений...

– Если речь только об этом, то уже к следующей луне у тебя будет еще один полк. Я прикажу, чтобы лишних две-три сотни перебросили с других участков фронта. Но для этого не обязательно пропускать врага так глубоко...

– Мой Паладайн, мы выбирали удобное место для сражения. Эльфы не так хорошо знают горы. Явное преимущество у них на равнине, мы стараемся лишить их этого! Кроме того, если они так далеко оторвутся от своих обозов, их легче будет окружить и раздавить. Хотя бы на обратном пути!

Спокойная речь генерала подействовала – Верховный Паладайн прислушался к его аргументам. Однако он все еще кипел.

– Что еще за обратный путь? Вы что, намерены отпустить светловолосых восвояси? Или допускаете, что они могут отступить? Нельзя недооценивать врага, генерал! Это проклятое племя коварно. Не забывай историю! А то ты, я вижу, совсем тут распустился... И солдат своих распустил!

– Мой Паладайн, я строго слежу за дисциплиной...

– В таком случае, где капитан Хаук аш-Гарбаж? Я хочу его видеть и немедленно!

Это был удар ниже пояса. Генерал оглянулся на свою свиту. Они только сейчас осмелились подойти, но все еще стояли слишком далеко, чтобы как-то помочь своему командиру.

– Мой Паладайн, капитан Хаук выполняет важное задание...

– На которое конечно же нельзя послать кого-нибудь рангом пониже! Это уже пахнет дезертирством. А ты не хуже меня знаешь, Эрдан, как надо расправляться с дезертирами!

Генерал задержал дыхание, сжав кулаки. Он был старше Паладайна на сорок три года – на срок жизни его сына. Когда-то будущий Верховный Паладайн начинал служить под его началом, но быстро обошел своего наставника и учителя и пробился наверх исключительно

благодаря отсутствию щепетильности и наличию честолюбия. Он никогда никого не щадил. Если ему надо, он легко переступит через любого. Он и Верховным-то Паладайном себя объявил после того, как перебил всех конкурентов. И если кто-то захочет при *таком* Верховном Паладаине чего-то добиться, ему надо научиться поступать также. Например, отдав под трибунал собственного сына и даже самолично подписав приказ о его казни за дезертирство.

Когда-то генерал Эрдан с легкостью подмахивал такие бумаги и даже однажды осиротил свою племянницу недрогнувшей рукой. Но кроме Хаука, у него не было других наследников. У них с женой слишком долго не было детей. Хаук *вообще был единственным* мужчиной – продолжателем рода аш-Гарбаж, не считая полукровок, рожденных двоюродным братом от человеческой женщины. Обречь его на казнь, значит уничтожить свой род. А этого не мог допустить ни один орк.

– Мой Паладайн, капитан Хаук отсутствует в расположении части потому, что мы ушли оттуда слишком быстро. Он просто не успел нас догнать, – сказал он. – Я надеюсь, что причина задержки только в этом, и спрошу у него, едва капитан появится здесь.

– Для него же лучше, если это будет правда! – скривился Верховный. – И если он вообще появится здесь! Потому что я намерен присутствовать при вашем разговоре!

Он махнул рукой своей свите и прошел мимо замершего генерала, даже не пригласив его следовать за собой. Эрдан аш-Гарбаж понял, что надо спасать свою карьеру.

– Мой Паладайн, – крикнул он в спину повелителю, – капитан Хаук должен был кое с кем встретиться из легионеров.

– С кем это? – чуть замедлил шаг Верховный.

– Со шпионом.

Лорд Гандивэр придержал коня, оглядываясь назад, на марширующих легионеров. Солдаты продолжали шагать так же спокойно и размеренно, как и утром, хотя день уже клонился к вечеру, а они отмахали несколько лиг по горным склонам, среди пыли, по труднопроходимой дороге.

Уже несколько суток они преследовали отступавшую армию орков. Время от времени огрызались короткими схватками, но пока еще не переходили от отступления к решительной обороне. Это могло означать одно из двух – либо орки заманивают противника в ловушку, либо в самом деле отступают и надеются, что в один прекрасный момент эльфам надоест преследование и они повернут назад. Как-никак здесь только пять легионов, а до ближайшего Острова Радужного Архипелага ой как далеко!

Позавчера Видящая Наместника Шандиара рассказала о встрече беглеца-орка и последних Преданных Наместницы Ллиндарель. Легкость и жестокость, с какой он расправился с двумя закаленными бойцами, повергла знатных лордов в уныние. Наместник Шандиар рвал и метал, лорд Иоватар все искал, на ком бы сорвать злобу, а Видящая вслед за своей молодой коллегой твердила, что они совершают ошибку.

Она как раз поравнялась с лордом Гандивэром. Волшебница боком сидела на смирной кобыле, крепко держась за поводья одной рукой, – во второй у нее был посох. Темный капюшон был надвинут на глаза, плащ скрывал фигуру. Придержав коня, она тоже огляделась по сторонам.

– Не нравится мне это место, легат, – сказала она. – Мы совершаем ошибку.

– *Мы?* – Лорд Гандивэр попытался поймать взгляд Видящей.

– Все. И ты в первую очередь!

Легат невольно сжал кулаки. От Видящей ничего не скроется. Она прозревает будущее и может заранее сказать, кто и что сделает или подумает.

– Я не вправе изменять то, что будет, – продолжала Видящая. – Я могу лишь предупредить, а окончательное решение каждый принимает сам и либо покоряется судьбе, либо изменяет ее.

– А тебе никто не говорил, что лишнее знание может быть опасно?

– Иногда видения бывают расплывчаты, их нельзя трактовать однозначно, – пожалала плечами Видящая. – И ты прав, не обо всем можно сказать прямо... Иногда достаточно намека, чтобы исправить оплошность.

– Я это запомню, – кивнул лорд Гандивэр.

Настроение у него испортилось. «Эта Видящая слишком много знает! – подумал он, глядя ей вслед. – Ее предшественница была мне более удобна – юная, неопытная, боится лишнее слово сказать. Надо что-то делать, но так, чтобы никто ни о чем не догадался...»

А, впрочем, что тут придумывать? На войне всякое может произойти, даже с Видящими. В конце концов, волшебницы ненамного отличаются от обычных эльфов.

Перед закатом войско втянулось в долину, с двух сторон стиснутую склонами, поросшими редколесьем. Эльфы привыкли к лесам, их Острова на четыре пятых состояли из лесов и рощ, и они с некоторой опаской смотрели по сторонам.

– Не нравится мне тут, – заявила Видящая, не торопясь спешиваться. – Я чувствую опасность! Враг уже близко!

– Конечно, близко! – воскликнул Наместник. – Мы же его почти догнали!

– Чем это может грозить нам? – спросил у волшебницы лорд Гандивэр. Она с удивлением покосилась на него – после недавнего разговора это были первые слова, которые сказал лорд.

– Орки близко! Я предчувствую большой бой!

– Отлично! – воскликнул Наместник. – А то мне уже надоели эти мелкие стычки! Мои солдаты устали! Так! – Он прошелся по камням. – Если орки придут, мы дадим им бой! Видящая! Как ты думаешь, как нам расположить войска, чтобы победа была за нами?

Волшебница боком соскользнула с седла, оперлась на посох, озираясь по сторонам. Лорд Гандивэр положил руку на рукоять меча: «Если она скажет про меня хоть слово, я ее убью. И будь что будет!»

Волшебница почувствовала его взгляд и обернулась.

– Я ничего не могу сказать, – промолвила она. – Победы не будет... Нам нужно уходить и как можно скорее!

Все легаты заговорили разом – никто не видел причины доверять словам Видящей. И только Наместник Шандиар помалкивал. Он чувствовал себя обманутым – столько дней преследовать врага, и когда наконец бой близок, отступить! Зачем они тогда вообще двинулись вперед!

– Мы дадим оркам бой! – воскликнул он, и все сразу примолкли. – Слушай мою команду!

Легаты сразу перестали спорить и придвинулись к нему. Лорд Гандивэр тоже подошел ближе, торопясь выслушать приказы, относящиеся к его легиону. Слушая, он поймал на себе взгляд Видящей. И поразился, какие у нее были глубокие глаза.

Орки не заставили себя ждать. Казалось, у них тоже есть свои Видящие, которые предугадали, что здесь и сейчас произойдет сражение. С первыми лучами солнца они черными муравьями посыпались в долину с северного склона.

– Легионы! Строй-ся! – проревел Наместник Шандиар, вскакивая в седло. – Сомкнуть ряды!

Короткая суэта быстро сменилась четкими отлаженными движениями. Эльфы постарались занять южный, противоположный склон долины, чтобы не оказаться в ловушке. Три легиона, которыми командовал лично Наместник, заняли центр. Легион лорда Иоватара

взял правое крыло, лорду Гандивэру досталось левое. Вперед выдвинулись лучники – четко, как на учениях. Они подождали, пока орки подойдут на расстояние выстрела, и одновременно вскинули луки.

Лорд Гандивэр даже залюбовался открывшимся зрелищем. Несколько сотен стрел взлетели в воздух одновременно и, на миг зависнув переливчатым дождем, обрушились на боевые порядки орков. Появились первые убитые и раненые. Живые орки разделились – одни продолжали бежать так же резво, подставляя себя под удар, другие остановились и тоже вскинули луки. Они были не в пример короче, чем эльфийские, и не такие мощные, да и ответный залп был втрое жиже, но и тут несколько стрел долетели до лучников противника. Эльфы мигом ответили вторым залпом, а два следующих слились в один.

Северный склон уже был наполовину засыпан мертвыми и умирающими, а орки все продолжали бежать и бежать. Казалось, их рождала сама земля, и так же бессмысленно, как камнепад, они сыпались навстречу легионам. До передних рядов, судя по всему, должен был добраться один из десяти, а то и из пятнадцати бойцов.

– Какие они дураки! – воскликнул рядом с лордом Гандивэром молодой сотник. – Сами лезут под выстрелы! Неудивительно, что они нас так ненавидят! Мы же превосходим их по всем статьям!

– Не спешите недооценивать врага, – откликнулся легат. – Их слишком много, а нас всего пять легионов. Кроме того, это их горы. Они вполне способны приготовить нам неприятный сюрприз!

Лорд Гандивэр как в воду глядел – не прошло и нескольких минут, как поток орков, бегущих с северного склона, изменился. Вместо легкой пехоты выдвинулись тяжеловооруженные и закованные в броню воины с топорами наперевес. Они двигались гораздо медленнее, но зато их практически не брали стрелы. Нужно было быть очень удачливым лучником, чтобы отыскать щель в сочленениях лат. А тратить время и выцеливать щели забрала эльфы просто не могли – уцелевшие все оказались пращниками, и сейчас на лучников легионов обрушился град камней. Кроме того, несколько десятков воинов успели добежать до первых рядов и завязали безнадежный, но зато очень даже отвлекающий бой.

Лорд Гандивэр завертел головой, изучая склоны. По замыслу Наместника, пока центр бьется с основными силами, оба крыла должны отойти в стороны, – как настоящая птица распахивает крылья, – а потом ударить с боков. Кажется, момент настал.

– Отходим! – воскликнул он. – Сотники! Приказ по рядам – всем отходить!

Настоящий солдат в бою не рассуждает, но тут у его подчиненных глаза полезли на лоб.

– Куда отходить? – вытянул шею молоденький сотник.

– Вверх по склону. Подальше за те камни! – легат указал рукой.

– Но мы же оголим фланг!..

– Думаешь, я этого не понимаю? Это приказ Наместника Шандиара! Выполнять!

Легион начал медленно подниматься по склону. Повернуться спиной к врагу не мог никто, и эльфы пятились, выставив щиты и держа наготове мечи и *глефы*¹. Тяжелая пехота орков уже одолела больше половины пути. Пращники и последние лучники затерялись в их рядах, продолжая обстрел. Эльфийские лучники еще отвечали им, но большинство уже спешило отступить под защиту своих товарищей.

– Сейчас начнется! – проворчал Наместник Шандиар, поглубже надвинув на голову шлем. – Иди в тыл, госпожа! Здесь тебе не место!

Видящая, к которой он обращался, покачала головой:

¹ *Глефа* (фр. glaive), она же *глевия* – вид древкового пехотного холодного оружия ближнего боя; состоит из древка и наконечника. – Здесь и далее примеч. авт.

– Мое место здесь. В любой момент ход боя может переломиться, и тогда только я смогу подсказать тебе верное решение!

– Ты считаешь, что мой план неудачен?

– Я считаю, что не все готовы повиноваться тебе с такой же легкостью, с какой ты отдаешь приказы!

– Госпожа! – прорычал Наместник. – Сейчас не время и не место для недомолвок! Или скажи сразу, или молчи! Мне некогда!

– Лорд Гандивэр!

– Брат моей матери? Никогда! Ни за что не поверю, пока не увижу своими глазами!

– Тогда оглянись.

Наместник бросил взгляд на левый фланг... и никого там не увидел. Легион лорда Гандивэра исчез! Нет, он еще был там, но продолжал пятиться вверх по склону, пройдя уже полпути до гребня.

– Что он делает? Он с ума сошел! Я его разжалую в сотники... нет, вдесятники... нет, в...

Договорить Наместник Шандиар не успел – со всех сторон, сверху и снизу, обрушился истошный орочий визг. Тяжелая пехота добралась до передних рядов его легионов, и завязалась рукопашная.

Но этого было мало – минуту или две спустя новая волна криков долетела с вершины южного склона. Там тоже показались орки-пехотинцы. И они ударили в спину, отрезая легион лорда Гандивэра от своих.

Когда первые враги появились рядом, казалось, что они выросли из камней, к которым стремились его легионеры. Лорд Гандивэр выхватил меч. Клинок вспыхнул ярко-голубым светом, по нему прошла волна искорок, будя вложенную магию, и лорд развернул коня навстречу оркам. Не дожидаясь приказа, его легионеры уже рубились с ними, не понимая, что происходит и как враги оказались тут. Это замешательство оказалось на руку оркам. Они легко смяли сопротивление, рассеяв легион по склону за считанные минуты, после чего разделились. Половина осталась добивать легион, а половина устремилась на незащищенные тылы центра.

На первый взгляд все орки были одинаковы, тем более в доспехах, выкрашенных под цвет камней и песка. Даже их командиры не носили знаков отличия – вот почему столь действенен оказался слух о том, что сражавшийся в первых рядах Верховный Паладайн несколько лет назад погиб на поле боя и затоптан эльфийской конницей. Где командиры их отрядов – оставалось тайной. Казалось, каждый орк сражается сам за себя.

И все же наметанный глаз лорда Гандивэра, пусть и не сразу, вычленил в толпе одного орка. У него единственного был поверх доспеха накинута плащ из желто-бурой шерсти. Почти неотличимый по цвету от камней и песка, этот плащ был тем не менее единственным плащом вообще. И лорд без колебаний поскакал ему навстречу.

Свита мигом окружила своего командира, оцетинившись оружием и готовясь дорого продать жизни. Все были уверены – легат скачет на поединок с командиром орков, и от исхода этого боя будет все зависеть. Вокруг песчано-желтого плаща тоже сгруппировались пехотинцы, что только подтверждало догадки.

Они двигались навстречу друг другу. К свите легата постепенно подтягивались остатки разгромленного легиона, поэтому, когда тот наконец остановился, вокруг него образовалось кольцо из трех с малым десятков эльфов – все, кто смог пробиться. Орки немедленно оценили его, выставив луки и зарядив пращи. Их было почти в полтора раза больше.

Лорд Гандивэр тронул коня, выезжая вперед. Поравнявшись с командиром орков, он спешился одним прыжком и промолвил:

– Ну наконец-то!

Сияющий голубым светом меч выпал из его руки и со звоном ударился о камни. А после этого легат снял шлем, открывая раскрасневшееся лицо с бисеринками пота на висках.

Остатки его легиона во все глаза смотрели на это зрелище. Лорд Гандивэр развернулся к ним, держа шлем в руке.

– Я – полукровка, – заявил он, выпячивая массивную нижнюю челюсть. – И предлагаю вам жизнь в обмен на почетную сдачу. Кто хочет жить, два шага вперед. Я обещаю вам относительную свободу и достойное обращение, а также возможность и дальше служить под моим началом.

Командир орков поудобнее перехватил свой топор и кивнул.

– Подтверждаю, – глухо прозвучал его голос из-под шлема.

– А остальные – увы, такова жизнь, – пожал плечами лорд Гандивэр. – Кто принял решение – два шага вперед!

Легионеры подавленно молчали. Кое-кто из свиты переглядывался, потом в их рядах появилось движение, и несколько молодых сотников протиснулись вперед и вышли из строя.

– Мы с вами, командир, – произнес один из них.

Почти тут же послышался свист, и все эльфы рухнули со стрелами в спинах. В толпе легионеров несколько лучников опустили луки.

Лорд Гандивэр и орк переглянулись.

– Фанатики, – скривился эльф и махнул рукой.

Орки дали залп. Эльфы ответили. С близкого расстояния стрелы пробивали щиты и доспехи, легко находя живую плоть. От них не могли спасти даже тяжелые доспехи орков-пехотинцев, но численное преимущество было на их стороне, и через несколько минут бойни в живых осталось всего несколько эльфов.

Убедившись, что все закончилось, командир орков небрежно сунул топор в ременную петлю за поясом. Лорд Гандивэр, стараясь не смотреть на своих сородичей-эльфов, обернулся к нему.

– Я долго вас ждал, – промолвил он. – Что случилось? Мы должны были встретиться еще неделю назад, Хаук? Меня чуть не вычислили! Эта новая Видящая... Я еле заставил ее замолчать!

– Хаука здесь нет, – промолвил командир орков и наконец-то снял шлем. – Он ушел на встречу с вами еще под Лавошем. И пропал!

Лорд Гандивэр взгляделся в его лицо, и слова застряли у него в горле. Он внезапно понял, *кто* убил жену его племянника.

Глава 6

Орочье поселение встало перед ними неожиданно. Еще полчаса назад они брели по каменистому склону в совершенно дикой местности, где их уединение нарушали только горные козлы и куропатки, и вот уже вокруг теснились нагромождения валунов, в которых угадывалось жильё.

Орк остановился так резко, что идущая за ним эльфийка не удержалась и налетела на него. Он толкнул ее локтем, безмолвно приказывая держать дистанцию, и девушка послушно отступила назад насколько позволяла веревка, стягивающая оба ее запястья. Похититель по-прежнему обращался с нею, как с пленницей, разве что шагал теперь впереди, ведя ее на поводу, как собачку, а не толкая перед собой.

Поселение было окружено невысокой каменной стеной, за которой в беспорядке располагались дома – кольцо плотно пригнанных друг к другу камней, над которыми нависала крыша из шкур, натянутых на распорки из корявых сучьев кедрача. Труб не было, и дым сочился из щелей в крыше или через распахнутые двери. Мелкие зверьки шныряли тут и там. Присмотревшись, девушка узнала крыс и содрогнулась, когда одна из них попыталась обнюхать ее ногу.

Их заметила вездесущая детвора, а вслед за детьми наружу из домов показались и взрослые. Большинство орков щеголяло в кожаных туниках или коротких, до колена, штанах. У молодых одежда была оторочена мехом, взрослые обходились без украшений. Они с любопытством таращились на пришельцев и исподтишка показывали пальцами на эльфийку. За спиной у девушки то и дело раздавался гортанный шепоток, а какая-то старуха, выскочив наперерез, принялась плевать, что-то бормотать и совать ей под нос кукиш. Потом она опять нырнула в дом, выскочила, неся горшок с каким-то варевом, и стала плескать им на пленницу. Девушка отворачивалась и жмурилась, но все равно несколько горячих дурно пахнущих капель попало ей на рубашку и волосы.

Навстречу им вышли трое мужчин с короткими копьями наперевес. За поясами у них торчали кривые ножи с широкими лезвиями. Старший, наполовину лысый, был покрыт шрамами, среди которых преобладали метки, оставленные дикими зверями. Он пригляделся к ритуальным ранам на груди гостя и склонился перед ним в поклоне. Следом также согнулись и все окружающие орки.

– Мне нужен шаман, – сказал гость. – Тот, кто умеет слушать.

– У нас есть шаман, – ответил старший орк. – Он живет вон там, на скале. Я сейчас пошлю за ним сына, а ты пока будь моим гостем. Отдохни с дороги и расскажи, как судьба привела тебя в наши края!

– Охотно, – кивнул пришелец. – Я очень хочу есть.

Словно только того и ждали, несколько женщин поспешили внутрь самой большой хижины, а остальные стали расходиться, шепотом обсуждая гостя.

Орк потащил пленницу к кедрачу, росшему возле хижины. Корявые сучья давали достаточно тени от палящего солнца, но земля вокруг него была вытоптана до твердости камня. Чуть в стороне, за плетеной изгородью, росло несколько плодовых деревьев и вьющийся кустарник, усыпанный мелкими лиловыми плодами. Орк заставил пленницу опуститься на колени и прикрутил ее запястья к стволу. Потом на всякий случай стянул ей щиколотки.

– Светловолосым нельзя переступать порог жилища свободных, – объяснил он в ответ на удивленный и испуганный взгляд. – Тебя накормят потом, перед заходом солнца.

Девушка посмотрела на небо. До захода оставалось еще много времени – они пришли в селение сразу после полудня. Что ж, хорошо хоть все это время ей не придется идти по кам-

ням, сбивая в кровь босые ноги. Девушка покосилась на свои ступни. Опухшие, сбитые, в порезах и ссадинах, ее грязные ноги являли собой ужасное зрелище. Сейчас она, с немытой головой, покрытая пылью и грязью, была не чище орчих, которые сновали вокруг, делая вид, что заняты своими делами, а на самом деле старались удовлетворить свое любопытство. Большинство из них никогда не видели эльфов и вряд ли знают точно, кто она такая.

«Ее» орк скрылся в доме вождя. Через пару минут оттуда выскочил подросток и помчался в сторону одиноко торчащей в некотором отдалении скалы. «Шаман! Он побежал за шаманом!» – вспомнила эльфийка. За тем, кто умеет слушать. Они намерены покопаться в ее памяти, уверенные, что она скрывает какую-то тайну. Но Видящая слишком мелкая сошка, чтобы что-то знать. Дочь младшей сестры и вассала богатого лорда, поднявшаяся только на первую ступень магического посвящения. Она просто не может ничего знать! Но поди втолкуй это оркам! Впрочем, если это поймет шаман, похититель догадается, что зря тащил ее столько времени и наверняка убьет или продаст в рабство тому же вождю. Какая участь ждет девушку?

...Огромная пещера – стены пропадают во мраке. Девять огней еле-еле разгоняют тьму. В центре высится каменный алтарь, на котором корчится в муках обнаженное девичье тело. Прикованная за руки и ноги девушка тщетно старается отвести глаза, тщетно пытается позвать на помощь – кляп надежно глушит ее крики, а глаза она не в силах закрыть от ужаса. Старик что-то бормочет и режет ее тело ножом. Рядом стоят две его помощницы с серебряными блюдами наготове. Они смотрят, как отворенная кровь стекает в священные сосуды, и готовы подхватить вырезанные из тела пленницы органы. Чтобы сердце, печень и глаза девственницы сохранили свою магическую силу, их надо вырезать у еще живой эльфийки. Она чувствует боль. Дикую, ни с чем не сравнимую боль, но кляп надежно глушит крик...

Пленница встrepенулась, на самом деле почувствовав боль. Камень ударил ее по ноге. Второй стукнул по спине меж лопаток. Третий пришелся на подставленные руки – она закрыла лицо, тщетно пытаясь спастись.

Радостный разноголосый крик был ответом на ее стон. Около десятка орчат-мальчишек скакали вокруг, вооружившись камнями. Один снова кинул камень, и девушка еле успела подставить плечо. Новый бросок был более удачным – камень попал по ссадине на ноге. Еще один – в живот. После этого камни посыпались градом. Тщетно пытаясь защититься, девушка закричала – на одной ноте, как раненое животное. Неужели ее так и забьют здесь эти жестокие дети? Камень, брошенный особо безжалостной рукой, ударил ее по голове, и она упала наземь, слишком избитая и напуганная, чтобы защищаться.

Но камнепад вдруг прекратился. Орчата брызнули во все стороны с визгом, а над нею раздался звериный рык. Потом сильная рука вздернула ее голову за волосы.

На нее взглянули черные глаза ее похитителя. Убедившись, что пленница жива, орк отпустил ее и встал между нею и мальчишками, уперев руки в бока. От него пахло жареным мясом и еще чем-то незнакомым, но таким вкусным, что девушку замутило от голода.

– Не смей! – прорычал орк. – Не трогайте ее!

– Но она же из народа врагов! – пропищал самый смелый из мальчишек. – Отец всегда говорил, что светловолосые наши враги и их надо убивать!

– Да. – Орк шагнул ближе к мальчишкам. – Светловолосые наши враги. Светловолосых надо убивать. Но это – моя добыча, и только я решу, как с нею надо поступать!

– Ну поиграть-то можно? – заканючили дети.

– Можно. Но кидать камнями нельзя!

Мальчишки что-то забормотали вразнобой. Пленница, приподнявшись, прислушивалась к их словам. Она не была уверена, что правильно перевела предыдущий разговор.

У орков было слишком много рычащих и шипящих звуков, да и многие гласные они произносили гортанно. Эльф назвал бы камень «блок», а орк произнес «грэг».

Убедившись, что его внушение дошло до детворы, орк вернулся в дом вождя доедать угощение. Умные ребята схватились за палки. Правда, они не кидали их, а всего лишь тыкали в пленницу с безопасного расстояния, но это уже было существенной разницей – от палки увернуться было все-таки легче.

В доме вождя тем временем шла неспешная беседа. Молоденькая незамужняя орчиха чего только не предпринимала, чтобы заслужить благосклонный взгляд знатного гостя – отец уже шепнул ей, что означает тройной шрам у него под ключицами, – но тот не обращал на ее ужимки никакого внимания. Воздав должное жареному мясу и рагу из местных съедобных растений, орк рассказывал вождю об очередной войне со светловолосыми. Здесь о войне знали – шесть самых сильных парней ушли в армию, – но подробностей и свежих новостей не ведали.

– Значит, они надеются отнять у нашего Паладайна Золотую Ветвь? – выслушав, подвел итог вождь. – Но она принадлежит нашему народу! Светловолосые утратили на нее все права!

– Кое-кто считает, что это не так, – пожал плечами орк. – Светловолосые всерьез надеются вернуть ее обратно.

– Почему? Разве она принадлежит им?

– Я не знаю. Но она, – орк кивнул в сторону выхода, – должна знать. Правда скрыта у нее в мозгу, но я не могу прочесть ничего. Вот для этого мне и нужен слушающий шаман.

– А она не ведьма? – с опаской спросил вождь. – Мы оставили ее у моего дома почти без присмотра. А там рядом мой огород... и дети бегают.

– Она шаманка, – поправил орк.

– Вот как. – Вождь почесал массивный подбородок, испачканный в жире. – Тогда другое дело. Пусть сидит... Эй! Ты!

Старая орчиха, сидевшая в дальнем углу за прялкой, подняла голову.

– Сходи отнеси светловолосой шаманке поесть, – приказал вождь.

Старая орчиха неуклюже поднялась, хромая, подошла к расставленным на ковре на полу блюдам, собрала в пустое блюдо несколько кусков мяса, сбоку свалила горкой недоеденные овощи и выбралась наружу. Кожаный полог, заменявший дверь, приоткрылся и задернулся опять.

Незамужняя орчиха, улыбаясь и кокетливо стреляя глазами, подала гостю хмельной просяной напиток, который тот принял с полнейшим равнодушием к ее чарам. А ведь она только что добавила в него свою слюну и кровь, как учила ее бабушка! Неужели правду говорят, что те, кто носит тройной знак, невосприимчивы к приворотным зельям?

Полог хижины вновь откинулся – это вернулся сын вождя. Он запыхался и наклонился, опираясь ладонями о колени.

– Отец, – воскликнул он, едва справившись с дыханием, – шаман прибудет завтра на рассвете.

– Отлично. Ты заночуешь у нас? – посмотрел вождь на гостя.

Тот коротко кивнул, и молоденькая орчиха просияла. Возможно, зелье просто еще не подействовало, и ему надо время, чтобы вызреть.

Пленница лежала на земле, свернувшись калачиком. От камней и палок все тело ее болело, она хотела есть и замерзла, но не осмеливалась попросить даже воды. Старая орчиха молча поставила перед ней глиняную миску, в которой были свалены куски мяса и превратившиеся в месиво овощи:

– Ешь!

Девушка не заставила себя просить дважды и даже не подумала отказаться – для этого она была слишком голодна. Кое-как выпрямившись, она руками загребла мясо вместе с овощами. Никогда ей не приходилось есть ничего вкуснее! Даже дома, у родителей, ее не кормили так хорошо!

Орчиха какое-то время стояла над пленницей, глядя, как та давится объедками. Потом ушла, но вскоре вернулась. На землю перед эльфийкой упало старое кожаное платье.

– Это тебе, – проворчала старуха. – Когда-то я тоже была худенькой и молодой.

Сшитое из кожи платье было довольно грубым – просто длинная полоса, сложенная вдвое, с дыркой для головы. По бокам были пришиты короткие рукава, отороченные вылезшим и свалявшимся старым мехом, которым, судя по его состоянию, не могла прельститься даже моль. Точно такой же мех был приторочен к подолу, но, видимо, не для красоты – просто у мастерицы не было кожи нужной длины, и она удлинила платье до нужного. С боков оно не сшивалось – вместо швов была старая шнуровка, которая позволяла расставлять платье с боков. Шнурки частично порвались и распустились. Да и сама кожа, из которой было сшито платье, оставляла желать лучшего – она пахла плесенью, землей и еще чем-то, а на спине было заметно несколько белесых пятен. Но пленница обрадовалась и такому наряду – в своей коротенькой нижней рубашке и исподних штанишках она чувствовала себя голой. Жаль, что связанные руки помешают ей надеть наряд прямо сейчас! Хотя, с другой стороны, его не помешает сперва выстирать и отчистить от грязи...

– Спасибо, – промолвила она, прижимая наряд к груди. Орчиха проворчала что-то нелюбезное – видимо, уже пожалела о своей доброте, – и ушла.

Селение успокоилось рано – солнце только-только зашло за горы, а на улице не осталось никого. Хозяйки загнали в дома дойных коз и овец, дети растащили ручных крыс, и на селение опустилась тишина. На улице сгустился мрак – только из-под дверей-пологов тут и там пробивались полоски света, да кое-где в наступившей тишине из домов доносились отголоски речи. Постепенно, один за другим, стали гаснуть огни в очагах. С последним проблеском огня умолкли и все разговоры.

Пленница впервые осталась одна. На нее вот уже несколько часов не обращали внимания, и она рискнула сделать то, на что не решалась все это время. Она поднесла связанные запястья к лицу и стала сосредоточенно грызть стягивающую их ткань. Развязать добротно закрученный узел у нее не хватало сил. Она терла зубами тонкие шелковые волокна, пытаясь перегрызть, жевала и мусолила, дергала и трепала, но результатов не было никаких. Вербки похитивший ее орк сделал из обрывков балахона волшебницы, а в прочности эльфийских тканей нет сомнений. Тем более если ткань сложена в несколько раз, перекручена и заскоруждана от частого использования. А ведь есть еще ошейник, за который она прикручена к дереву, и путы на ногах!..

Девушка уткнулась лицом в землю и беззвучно заплакала.

Ночь принесла с собой холод. Девушка дрожала на голой земле, сжавшись в комочек и тщетно пытаясь согреться. Зубы ее стучали так, что она даже не расслышала тяжелых шагов над головой и вскрикнула от неожиданности, когда на нее сверху легла шкура, еще хранившая тепло живого тела.

Набросив на пленницу шкуру, орк бросил рядом охапку соломы и перекатил на нее девушку, при этом еще туже закутав ее в шкуру-одеяло так, что наружу осталась торчать только ее голова. Девушка с удивлением подняла на него глаза. В темноте эльфы видят очень хорошо, и она легко могла рассмотреть бесстрастные черты своего похитителя.

– Спасибо, – прошептала она, но ее благодарность почти сразу улетучилась, потому что орк тут же опустил ее на ее ложе и устроился рядом.

Он ушел перед рассветом, когда селение начало пробуждаться, и тут и там над крышами стали появляться дымки. Ушел и забрал с собой постель, оставив ее опять на голой

земле совершенно одну. Но пленница не успела замерзнуть как следует – не прошло и получаса, как с окраины раздались трубные звуки, похожие на вопли какого-то животного.

Селение мигом ожило и засуетилось. Отовсюду выскакивали орки, иные на ходу набрасывали на себя одежду. Вождь и его гость остановились у входа в хижину, а остальные бросились навстречу странному источнику звуков. Послышались возбужденные голоса, визг детей и распевные причитания женщин. В селение вступил шаман. Трубный глас возвещал о его появлении.

Пленница встала на колени, вытягивая шею. Орк подошел и положил руку ей на плечо. «Словно я его собака или другое домашнее животное», – обиженно подумала девушка и попыталась отодвинуться, но жесткие пальцы с силой сжали ее плечо. Наверняка останутся синяки. Закусив губу, девушка осталась стоять, глядя прямо перед собой и борясь с подступающими слезами, но потом любопытство пересилило, и она подняла глаза навстречу шаману.

К ней, приплясывая и завывая, зигзагами приближался самый уродливый орк, какого она только видела даже на картинках. Мало того, что серая шкура висела на нем бахромой, он был совершенно лыс и покрыт татуировками, которые от возраста просели и утратили образ. Его балахон был сшит из клоков старых шкур и увешан побрякушками, от многих из которых прямо-таки разило магией.

Девушка опустила голову, чтобы не встречаться взглядом с шаманом, но орк схватил ее за волосы и заставил выпрямиться. Тогда она зажмурилась изо всех сил и вздрогнула от неожиданности, когда заклинания оборвались прямо над ее головой резким воплем, а костлявая рука схватила ее за подбородок.

На пленницу глянули выцветшие слезящиеся глазки, окруженные воспаленными веками и сеточкой морщин. Из кривого рта воняло, крючковатый нос нервно подергивался так, что бородавки на нем ходили ходуном. Девушка почувствовала, что сейчас ее стошнит, и попыталась отвернуться, но все тело словно свело судорогой. Невольно подавшись вперед, она впиалась взглядом в глаза шамана...

– Взять! – визгливо выкрикнул тот, отпуская ее подбородок.

Пленница вздрогнула, очнувшись. С двух сторон к ней подошли два дюжих орка. Из одежды на них были только набедренные повязки из меха, мощные тела бугрились мышцами и лоснились от пота. В руках они держали ременные петли.

Видение подземелья и камня-алтаря снова надвинулось на девушку, и она рванулась прочь, закричав, как раненое животное. Но орки быстро набросили ей на шею две петли и потянули за собой, заставив встать на ноги.

Девушка забилась, вырываясь из петель. Она задыхалась, но страх перед смертью на алтаре совершенно лишил ее разума, и она билась и кричала, волочась за орками в пыли, пока чья-то нога не пнула ее в голову. Потеряв сознание, пленница безвольным мешком поволоклась по дороге вслед за завывающим шаманом. Почти наступая на ее ноги, по пятам шли вождь селения и его гость.

Затуманенное сознание снова вернулось к пленнице чуть позже, когда ее поставили на ноги и плеснули в лицо ледяной водой. Мрак пещеры надвинулся на нее, и лишь где-то вдалеке дрожал тонкий лучик света...

Маленькая девочка на четвереньках ползет по узкому лазу, обдирая колени и цепляясь одеждой за камни. Она устала, ей страшно, но она упорно продвигается вперед. Только не останавливаться – тогда она рано или поздно найдет выход. Только что у нее прошел приступ истерики, и она «почувствовала», что выход – впереди. Надо только ползти и не останавливаться. Она и сейчас чувствовала, как ее захлестывают волны паники, но боролась изо всех сил – кричать и плакать здесь было еще страшнее.

«Мама, мамочка», – шепотом повторяла она, как заклинание, и перед глазами ее стояла мать – такой, какой девочка запомнила ее в день прощания.

Несколько лет назад ее увезли из родительского дома сюда, в этот замок посреди дремучего леса. Увезли потому, что у нее проснулся Дар.

На самом деле он проявился у нее давно, но чаще всего сопровождался такими истериками и приступами паники, что взрослые долгое время не придавали ему значения. До тех пор, пока она не предсказала, что ее старший брат погибнет на охоте. Она тогда билась и кричала словно припадочная, так что мать ее даже отшлепала. А брата привезли с охоты с жуткой раной – дикий бык сломал ему спину.

Встревоженные родители послали за целителем, но вместо него явилась Видящая. Она проезжала по своим делам мимо и не могла пройти мимо такого всплеска магии. Не говоря лишних слов, она забрала девочку с собой – и перед глазами малышки навсегда осталось видение ее матери, чуть было не лишившейся одного ребенка и теряющей другого.

«Мама, мамочка! Где же ты?» – шептала девочка, пробираясь по лазу.

В монастыре, где жили послушницы, готовившиеся стать Видящими, волшебницами, у нее не было друзей. Слишком необычно проявлялся ее Дар, чтобы остальные девочки хотели дружить с «припадочной». Девочка, которую заставили забыть собственное имя ради титула Видящей, целыми днями бродила по замку, залезая иногда в такие уголки, про которые наверняка не подозревали и сами наставницы. И вот теперь заблудилась – всерьез и безнадёжно.

«Мама, мамочка», – по щекам ее катились слезы...

Но сразу высохли, когда впереди забрезжил лучик света.

Она поползла быстрее, но вскоре ее постигло разочарование. Это был не выход, а крохотная щель между неплотно пригнанными камнями. Однако с той стороны были живые существа, и девочка, услышав голоса, прижалась щекой, носом, одним глазом – всем лицом, чтобы лучше видеть и слышать, что там происходит.

Подслушивающий никогда не слышит весь разговор – он ухватывает только часть, да и ту понимает превратно, в соответствии со своими помыслами. Однако для девочки там не было ничего важного.

Старшая Видящая, которую она видела лишь однажды, в день приезда, о чем-то беседовала с двумя наставницами, которые, судя по пыльным одеждам, только что вернулись из путешествия. Речь шла о поисках Золотой Ветви, которым Орден Видящих посвящал все свободное время.

Девочка ничего не знала о Золотой Ветви – она была слишком мала, чтобы ей доверили эту тайну. Но успела услышать кое-что важное. Оказывается, эльфийская Дева, владеющая Даром, то есть одна из Видящих, найдет Золотую Ветвь. Кто это – узнать пока не удалось, и наставницы решали вопрос – как ее найти. Возможно, она уже принята в Орден, а возможно, еще только проходила обучение. А может быть, она еще жила в родительском доме и ничего не знала о своей судьбе. Или, более того, мать еще носила ее под сердцем. Как бы то ни было, наставницы решили сперва отыскать эту Видящую, а уж потом установить за нею наблюдение – судьба сама приведет ее к Золотой Ветви, а с нею вместе – и Орден Видящих.

Сама не помнила как, девочка нашла дорогу обратно. Но услышанное так потрясло ее, что на другой же день она отыскила одну из наставниц и прямо спросила: «Что такое Золотая Ветвь?»

Потом ее вызывали к Старшей Видящей, и та, побеседовав с послушницей, наложила на ее память заклятие – никогда и ничего не помнить об этом разговоре.

После заклęcia приступы истерики и паники прошли навсегда. Она стала спокойнее – правда, и Дар ее тоже ослаб. Но это, как говорится, к делу не относится. В свой черед она стала Видящей, ей сказали о существовании Золотой Ветви, священной реликвии эльфий-

ского народа, с потерей которого для эльфов закончился Золотой Век. Это было все, что она знала, долгое время даже не подозревая, что ей известно кое-что еще...

Глава 7

Их провожали всем селением. Гость поклонился вождю, принял от него мешок с припасами и, дернув за веревку, на которой вел пленницу, вышел за околицу. Орки какое-то время смотрели им вслед, а потом разошлись по своим делам. Только дочь вождя, незамужняя орчиха, долго еще стояла на камне, глядя вслед удаляющейся спине. Ночью она приходила к нему, надеясь, что приворотное зелье начало действовать. Но знатный гость оттолкнул ее, сказав только одно слово: «Простолюдинка!» – и ушел на двор, где проторчал почти до рассвета. И вот теперь он уходил, даже не обернувшись на нее.

Пленница брела, пошатываясь и почти ничего не видя перед глазами. После ворожбы шамана у нее осталось так мало сил, что ей было совершенно все равно. Перед глазами стоял туман, и когда орк неожиданно остановился, она ткнулась носом ему меж лопаток и какое-то время просто стояла так, не в силах выпрямиться. Потеряв же опору, она рухнула на колени и тупо смотрела, как орк снимает с ее запястий петлю.

– Иди, – приказал он, мотнув головой в указанном направлении, – помойся. Ты воняешь!

Девушка медленно повернула голову. Она сама не заметила, как они вышли к берегу горной речки. Здесь было неглубоко, на пологом берегу поднималась трава и росли кусты, в тени которых и остановились путники. Речная прохлада манила к себе свежестью и покоем.

Не веря себе, девушка поднялась на ноги. Впервые за несколько дней плена она была полностью свободна – руки развязаны, на шее нет петли. И орк стоял рядом, выжидательно глядя на нее. В протянутой руке он держал старое, кое-где рваное и даже заплесневелое платье, которое ей пожертвовала старая орчиха.

Подхватив его, девушка несмело зашла в воду. Старуха перед уходом добыла для нее даже кое-какую обувь – кожаные поршни, в которых ей было с непривычки неудобно, но зато хоть босые ноги не сбивались на камнях.

Раздеться она все-таки постеснялась и вошла в воду в многострадальной нижней рубашке и штанишках. Платье, намочив и оттерев песком, положила сохнуть на камни, а сама зашла в воду по пояс, плеская на себя водой. Речка была холодной, уже здесь чувствовалось сильное течение, и нечего было думать о том, чтобы попытаться удрать вплавь. Ей сведет судорогой ноги и утащит под кусты или к водопаду, где она утонет.

Несколько раз окунувшись, девушка принялась пальцами расчесывать спутанные грязные волосы. Ей казалось, что грязь и боль последних дней смываются с нее вместе с водой и утекают вдаль. Она даже осмелилась применить свою силу, чтобы усилить ощущение чистоты.

Уже откинув на спину мокрые волосы, Видящая почувствовала на себе пристальный взгляд и обернулась. Орк сидел на берегу, обхватив колени руками, и не сводил с нее пристального взгляда. Он смотрел на нее как-то уж слишком прямо, и девушка почувствовала себя голой. Мокрая рубашка прилипла к телу, сквозь нее просвечивало ее тело и торчащие острые грудки. Штанишки тоже прилипли к ягодицам и ничего не скрывали.

Смущаясь, она попыталась прикрыться руками, но тут орк встал и направился к ней, попутно избавляясь от рубашки и меховой безрукавки, которую ему подарил вождь селения.

Девушка попятилась, заходя в воду как можно глубже. Орк успел поймать ее за запястья и толкнул на берег:

– Иди!

А сам, широко взмахнув руками, нырнул под воду.

Девушка бегом бросилась к разложенному на камнях платью и стала натягивать его. Старая кожа просохла не до конца, Видящая путалась, опасаясь порвать и без того надорванные завязки на боках.

Она еще боролась с платьем, когда две сильные руки обхватили ее сзади за талию, и мокрое, горячее тело прижалось к ней. Девушка рванулась, но объятия только стали крепче. Платье у нее отняли и бросили на камни, после чего ее саму, как куклу, развернули за плечо, и она оказалась лицом к лицу со своим похитителем. Мокрый с головы до ног, орк стоял так близко, что у девушки перехватило дыхание.

– Ты знатного рода? – хриплым голосом промолвил он.

– Да, – засмутилась девушка. – Моя мать была знатной дамой... отец, правда, был ниже ее по происхождению, но тоже рыцарь и...

– Это хорошо. – Орк приподнял ее и понес от воды. – Ни одна простолюдинка не достойна...

– Чего?

...Та девчонка подмешала ему в питье приворотное зелье. Он понял это, уже когда выпил его. Оно подействовало. И к тому времени, когда дочь вождя приползла к нему в постель, он уже хотел женщину. Но это была простолюдинка, и он отказал ей. Однако желание не пропало. Он по-прежнему хотел женщину. Эта светловолосая пришлась как нельзя кстати. То есть ее благородное происхождение, которое было, несомненно, выше, чем у дочери вождя.

Девушка не сопротивлялась, но когда он задрал на ней рубашку и зашарил руками по прохладному худощавому телу, словно очнулась. Она отчаянно забилась, но орк был сильнее. Легко преодолев сопротивление, он повалил ее на траву, стащил штанишки и коленом раздвинул ноги. Отчаянный девичий крик спугнул прибрежных птиц.

Приподнявшись на локтях, орк с любопытством смотрел на эльфийку. Девушка казалась спящей или потерявшей сознание – так неподвижно она лежала, распростертая на земле и внешне совершенно безучастная. На лице ее застыла маска боли и страха, щеки мокрые от слез, губы искусаны в кровь. Он так и не прикоснулся к ним, и девушка кричала, стонала и рыдала все время, пока не обессилела.

Очень осторожно орк отстранился и провел пальцем по ее лицу. Девушка не дрогнула, но когда его ладонь легла ей на шею, обхватив, напряглась. Шея была тоньше, чем у той светловолосой, которую он убил. Здесь достаточно одного нажатия – и жизнь покинет хрупкое тело. Орк и собирался так поступить с самого начала, когда шаман сказал ему, что девушка ничего не знает, что она – обыкновенная «пустышка» и что даже глубоко запрятанные в подсознании сведения о какой-то Видящей, которой судьба прийти к Золотой Ветви и за которой будет следить Орден, – это все, что удалось выудить. Она была ему больше не нужна, из пленницы превратившись в обузу. Еще час назад орк хотел ее убить. И убил бы, если бы не...

Если бы не приворотное зелье, которое дала ему эта дурочка в селении. Зелье должно было разбудить в нем желание, и оно его разбудило. Но он отверг простолюдинку и утолил его с помощью эльфийской шаманки. Ни одна простолюдинка не достойна, чтобы он излил в нее свое семя. Пленница подошла для этого гораздо лучше – и именно поэтому он теперь не мог ее убить. Ведь эльфийка могла носить ребенка. Нужно было подождать три недели, и если за это время не появятся признаки беременности...

Но за три недели можно привязаться к любому живому существу, даже к светловолосой, а этого ему делать никак нельзя. Проклятая родовая честь! Из-за нее орк теперь не может убить эту девчонку!

Она все-таки открыла глаза. В них орк прочел страх пополам с усталостью и покорность пополам с надеждой. «Я знаю – ты хочешь меня убить, – читалось в ее глазах. – Я боюсь. Сделай это поскорее и не мучай меня больше, потому что я слишком устала бояться и больше не могу так жить...»

Он устроился поудобнее и убрал руку с ее горла.

– Как тебя зовут?

Она несколько раз хлопнула ресницами, прежде чем понять, чего от нее хотят.

– Ви... Видящая.

– Странное имя. Мне не нравится!

– Это не имя, – попыталась объяснить она. – Это звание. Меня заставили отказаться от прежнего имени, когда я попала в Орден. Мы все звали друг друга не по именам, а по званиям – «сестрами», «наставницами», «матушками», «подругами»...

– Скажи мне свое имя, – настаивал он. – То имя, которым звала тебя мать. Ты помнишь его?

После того как с ее памятью поработал орочий шаман, она действительно вспомнила достаточно много.

– Ласкариэль.

– Слишком длинно, – вынес он вердикт. – Будешь Лаской.

– Но это же мужское имя! – попыталась протестовать она. – «Эль» или «ель» в конце означает, что имя принадлежит женщине...

– Будешь Лаской, – повторил он. – Так я тебя и запомню.

Он сказал это таким тоном, что девушка сразу поняла, зачем ему это. Поняла – и опять вся сжалась в предчувствии смерти.

– Пожалуйста, – она зажмурилась, и в уголках ее глаз опять показались слезы, – не мучай меня...

– Хорошо!

Он скатился с нее и встал. Пленнице понадобилось несколько долгих секунд, чтобы понять, что никто больше не удерживает ее на земле, и она может встать. Девушка опасливо открыла глаза.

Орк уже надел штаны и затягивал пояс на рубашке. Заметив, что она смотрит на него, бросил ей ее платье и рубашку:

– Одевайся! И уходи.

– Что? – Эльфийка прижала платье к груди, чтобы прикрыть наготу. Все тело болело, особенно лоно. Она даже не представляла, как сделает первый шаг – так ей было неудобно и больно.

– Я сказал – пошла вон. – Орк набросил на плечи безрукавку, нацепил лук с эльфийскими стрелами, трофейное оружие и подхватил мешок с припасами и дарами жителей селения. – Ты мне больше не нужна.

Она ожидала всего, но только не этого. Ее похититель уже сделал несколько шагов прочь, когда она осмелилась выкрикнуть ему вслед:

– А как же я? Куда я пойду? Что мне делать?

– Иди, куда хочешь. Я запомнил твоё имя, – не оборачиваясь, бросил он.

– А ты? – вдруг вспомнила она. – Как зовут тебя?

– Тебе незачем знать, – произнес он и прибавил шагу.

Орк так и не обернулся, уходя вверх по склону.

Оставшись совсем одна, девушка залилась слезами. Она решительно не представляла, что делать дальше и куда идти.

Победа была полной. Перебитые легионы эльфов остались лежать на северном склоне долины, несколько десятков были взяты в плен, спаслось чуть меньше двух легионов.

Победители ходили среди тел, отыскивая еще живых и добывая, если раны были серьезны. Тех эльфов, которые могли выжить без особой медицинской помощи, раздевали до исподнего и волокли к остальным пленным. Трупы обирали до нитки. Со своими мертвецами поступали аналогично, но их складывали ровными рядами для похорон. По вере орков, каждый приходит в мир нагим и босым и на тот свет не должен брать ничего. Поэтому мертвецы все были нагишом. Павших эльфов не хоронили – стервятникам тоже надо что-то есть.

Рыть могилы заставили пленных эльфов – тех, кто был достаточно здоров. Они обращались на лорда Гандивэра, который проходил мимо в сопровождении генерала аш-Гарбажа, и на их лицах вспыхивали самые разные чувства – надежда, негодование, ненависть, презрение, зависть. Тот не смотрел в сторону бывших соотечественников, делая вид, что увлечен беседой с генералом. Им обоим предстояла встреча с Верховным Паладайном, и оба связывали с этой встречей слишком много, чтобы отвлекаться по пустякам.

Отчаянный женский крик донесся откуда-то из-за камней. Потом полыхнула вспышка магии.

– Стойте! – Лорд Гандивэр сорвался с места, расталкивая попавшихся на пути орков. – Все назад!

Но те и так пятились от огненной стены, вставшей у них на пути. Несколько смельчаков, оказавшихся в первых рядах, скорчились на земле, превратившись в обугленные трупы. В троих из них жизнь еще теплилась, и они с воем катались по земле, пытаясь сбить пламя.

Прижавшись к камню, стояла Видящая. Балахон на ней местами был порван, местами обожжен и выпачкан в земле и крови. Шапочку она потеряла, и светлые волосы растрепались, придавая ей вкупе с горящими глазами и перекошенным лицом демонический вид. Она повела посохом из стороны в сторону, предупреждая все попытки подойти ближе.

– Все назад, – негромко продублировал приказ лорда Гандивэра генерал, и орки повиновались. Тот легким движением сбросил с плеч меховой плащ и размял пальцы. На указательном блеснуло кольцо с красным камнем. Видящая так и впиалась в него взглядом:

– Ты?

– Как видишь!

Он сделал быстрый пасс. Камень вспыхнул и выстрелил искрой.

Видящая ответила ему взмахом посоха. Огненная дуга прочертила воздух, чтобы поразить перебежчика, но тот успел выкрикнуть несколько слов, и удар не достиг цели. Более того, отразившись от невидимого щита, дуга вернулась назад. Посох Видящей вздрогнул, как живой, и треснул вдоль от наконечника до основания.

– Ты маг? – поразила ее она.

– Я полукровка, – довольно оскалился тот. – Сдавайся по-хорошему, Видящая, и тогда тебе сохранят жизнь и честь.

– Жизнь и честь? Только и всего? – скривилась она. Посох больше не годился для боя, но у нее в запасе было еще кое-что.

– Ты хочешь торговаться?

Видящая бросила взгляд на второй камень, стоявший вплотную к первому. Между ними оставалась достаточная щель, чтобы там мог кто-то спрятаться.

– И жизнь того, кого ты защищаешь, – догадался лорд Гандивэр.

– Лучше умереть! – вздернула та подбородок. Одна рука ее еще держала посох наперевес, но вторая уже скользнула в складки одежды.

Лорд заметил этот жест. Всего одно слово, всего один бросок – словно пытался щепотью выхватить что-то из воздуха – и Видящая скорчилась, хватаясь за бок. Короткий метальный стилет выпал из ослабевших пальцев.

– Так нечестно, – прохрипела она.

– Мы на войне, госпожа, – холодно возразил лорд Гандивэр. – Сдайтесь по-хорошему, иначе будет по-плохому!

Но волшебница не собиралась сдаваться. Отбросив бесполезный посох, она вскинула руки вверх, разводя их в стороны, и негромко запела. Маг-полукровка еле успел повторить ее жест, но ответил гробовым молчанием. Орки шарахнулись в стороны, чтобы не мешать магической дуэли, которая разгоралась все сильнее. Волны слепящего света и жара сменяли друг друга, потрескивали камни, воздух стал разреженным, а земля, казалось, начала дрожать под ногами. Из-за вспышек света мало что можно было увидеть, да и услышать – тоже. Ибо волшебница бормотала все быстрее и неразборчивее, а лорд Гандивэр ограничивался короткими фразами, больше похожими на выкрики.

А потом все как-то быстро стихло. Последний раз взвился в небо смерч, похожий на праздничную шутиху, рассыпался снопом разноцветных искр, и послышался вопль, в котором смешались усталость, гнев и страх.

Орки – те, кто не ретировался подальше от места сражения, – потихоньку подняли головы. Их окликнул усталый голос мага-полукровки:

– Все кончено. Взять ее!

Видящая еще держалась на ногах – да и то потому, что позади находился камень, который не давал ей упасть. Глаза ее были закрыты, руки дрожали. Лицо было мокрым от пота и покраснелось. Несколько разряженных амулетов валялись в пыли у ее ног. Орки опасливо приблизились и прикоснулись к волшебнице.

Она рванулась с усталостью замученной жертвы, но к этому оркам было не привыкать. Чем больше она сопротивлялась, тем увереннее становились их действия. Они заломили Видящей руки назад, сунули в рот кляп, сделанный из оторванной полосы ее балахона, а второй полосой замотали глаза – по их мнению, настоящий маг способен навести порчу, просто посмотрев на свою жертву.

– Увести. – Лорд Гандивэр шумно перевел дух. Он выглядел не лучшим образом, ему было даже более жарко, чем его сопернице. – Она занимает довольно высокий пост в своем Ордене и может представлять некоторую ценность... И обыскать! Все, что найдете, кроме одежды, все принесите мне. У этой ведьмы могут остаться неиспользованные амулеты!..

Орки мгновенно зашарили руками по телу светловолосой пленницы. Те, кто стоял в стороне, подбадривали их шуточками – дескать, давайте смелее, когда еще доведется полапать эльфийскую женщину! Пленница терпела молча, не шевелясь. Но вздрогнула и сделала попытку освободиться, когда услышала голос лорда Гандивэра.

– А ну-ка, посмотрим, кто тут у нас? – вслух подумал тот, шагнув к щели между камнями.

Навстречу ему мигом выдвинулся кончик меча, горевший голубым светом. Он чуть подрагивал, но в умелых руках это было грозное оружие.

Лорд Гандивэр проворно выхватил свой меч и обменялся с невидимым противником несколькими короткими и пустыми ударами. А потом проворно нагнулся, подхватил в горсть выпавшие у волшебницы амулеты, быстро выкрикнул короткое заклинание и швырнул их в расщелину.

Блеснула вспышка. А потом к его ногам упало тело. Оглушенный все еще сжимал меч. Силы разряженных амулетов не хватало для того, чтобы парализовать его надолго, он уже зашевелился, пытаясь встать на ноги, но лорд Гандивэр пинком перевернул его лицом вверх и ловким ударом сапога выбил меч из руки.

– Вы только посмотрите, кого я нашел! – воскликнул предатель и, наступив на грудь поверженному, приставил к его горлу меч. – Генерал, сообразоволяйте послать гонца к Верхов-

ному Паладайну! Мы захватили самого Наместника Изумрудного Острова, великолепного лорда Шандиара!

Глава 8

Верховный Паладайн и по совместительству император орков был счастлив и пребывал в этом настроении вплоть до возвращения в Цитадель. Единственное крупное сражение с эльфами завершилось победой. Теперь следовало ковать железо, пока горячо, пока остальные Наместники не опомнились и не атаковали границы новой империи. Еще на марше он объявил мобилизацию и возвращался в Цитадель исключительно для того, чтобы возглавить новую армию и вести ее на светловолосых.

Еще с полдороги он послал весть наложнице, чтобы та встретила его и порадовала вестью о наступлении беременности. Но когда он переступил порог женской половины своих владений, навстречу ему уже спешила его дочь. Она была в шаманском одеянии до пят, расшитом ракушками, перьями и шкурками зверьков. Лицо ее было разрисовано ритуальными рунами, в волосы были заплетены шкуры змей. Верховный Паладайн с трудом узнал девушку.

– Мой отец и господин! – воскликнула та, подбегая. – Наконец-то! Ты должен это узнать!

– Ты принесла мне радостную весть, дочь моя? – Верховный Паладайн почувствовал, что почти гордится шаманкой.

– Я узнала, кто будет отцом того младенца! – выпалила та. – Я довела до конца гадание, которому ты был свидетелем!

Верховный Паладайн оглянулся на своих приближенных. О гадании никто не знал, кроме него и дочери, и он почему-то не хотел, чтобы узнали. Но молодая шаманка не задавалась подобными вопросами. Она сияла.

– Его отцом будет Хаук! – выпалила она, сверкая глазами. – Мой жених! Хаук аш-Гарбаж!

Среди свиты возникла заминка – знатные орки оборачивались на генерала аш-Гарбажа, о чем сыне только что упомянули.

– Что? – Верховный встряхнул дочь за плечи. – Ты не ошиблась?

– Нет! Я ясно видела его лицо во время транса! Он стоял так близко... Отец, – всплеснула руками молодая шаманка, – ты должен позволить нам пожениться! Хаук мой жених, ты же знаешь! И ты сам обещал ему меня в жены! А теперь выходит, что ты должен это сделать...

Верховный Паладайн хмурился, слушая болтовню дочери. Действительно, в позапрошлом году, когда новая кампания против светловолосых набрала обороты, он заметил, что молодой капитан Хаук аш-Гарбаж зачастил в Цитадель с донесениями с фронта. Иногда вести были ошеломляющие, а иногда – совсем пустяковые. Верховный Паладайн заподозрил неладное и однажды застал Хаука наедине со своей дочерью. Нет, ничего предосудительного они не делали, но сам факт, что какой-то капитан, пусть и знатного рода, осмеливается заигрывать с дочерью императора, возмутил Верховного Паладайна. Тем более что девушке не было и тридцати лет – по меркам орков она была подростком, да и сам Хаук был молод для чина капитана. Извиняло его то, что он действительно был из *очень* старинного и древнего рода, да и капитанские нашивки получил вовсе не по протекции папы-генерала, а за личное мужество и несколько рискованных операций.

Как бы то ни было, Верховный Паладайн приказал молодым держаться друг от друга подальше, а вопрос о свадьбе оставил открытым до победы. Победа, в свете последнего сражения, уже маячила вдалеке, а тут еще и это пророчество...

Конечно, породниться с родом аш-Гарбажей было лестно, но это означало, что и власть потом перейдет к ним. А этого мечтавший о сыне-наследнике Верховный Паладайн допу-

стить не мог. Поэтому он оставил без ответа слова дочери – лишь кивнул, показывая, что услышал и запомнил, и поскорее прошел к покоям наложницы. Чем скорее она забеременеет, тем лучше.

Ласкариэль проснулась поздним утром от урчания желудка и какое-то время еще лежала, вспоминая свой сон.

После того как над ее памятью поработал *слышащий* шаман орков, видения, посещавшие ее, стали яснее. Так, она с легкостью нашла удобное ложе под корнями старого явора, выстланное прошлогодней листвой. Тут было мягко, сухо и достаточно тепло. Также не было проблем с водой – словно кто-то невидимый взял ее за руку и отвел в овраг, где из-под земли пробивался крошечный родничок. Нашла она и несколько съедобных корней из тех, которыми в свое время угощал эльфийку похитивший ее орк.

И вот теперь этот сон...

Во сне она рвалась куда-то, отчаянно спешила то ли на помощь, то ли просто чтобы успеть и встать рядом, пока не поздно. Чьи-то руки удерживали ее, она сбрасывала их, но чужие объятия становились все теснее. А тот, к кому она рвалась, был в опасности. Он не смотрел на нее, но ей почему-то было важно, чтобы он хотя бы на миг обратил на нее внимание. Она кричала, звала, выкрикивая чье-то незнакомое имя. Но никто так и не ото-звался... Не смог.

Или не успел.

И вот теперь она пыталась вспомнить, *где* все это происходило, *чьи* руки удерживали ее и, самое главное, какое имя она пыталась прокричать.

Какое-то время девушка ломала над этим голову, но настойчивое урчание голодного желудка отвлекло ее. Пока не поест и не восстановит свои силы, она ничего не добьется – в монастыре послушниц, готовящихся стать Видящими, на несколько дней запирали без еды, заставляя девочек проверить, как долго они смогут обходиться без пищи и сохранять при этом магические силы. Для той, которая прежде была Ласкариэлью, предел наступал на третьей сутки – и это при том, что воды она получала вволю и ей не приходилось долго бродить по скалам.

Вчера, оставшись одна и успокоившись, она побрела куда глаза глядят, бессознательно выбрав то же направление, что и похитивший ее орк, – просто потому, что в этих местах он был единственным живым существом, про которое она хоть что-то знала. Возвращаться в селение девушке не хотелось ни под каким видом. Какое-то время она, сама того не зная, двигалась строго по его следам, но потом сбилась с пути и с полудня блуждала по горам. Вечером ей, полумертвой от усталости и голода, удалось набрести на родничок в овраге. Возле него девушка отыскала кое-какие съедобные корни и даже несколько кустиков с неизвестными ей, недозрелыми и травянистыми на вкус, но съедобными ягодами. Это помогло ей поддержать силы, но сейчас желудок снова требовал пищи.

Девушка тщательно обыскала растительность вокруг родничка, исползав склоны оврага вдоль и поперек, но нашла лишь еще один кустик с такими же незрелыми ягодами и всего один съедобный корешок. Он был такой маленький, что Видящая прошла бы мимо и не заметила его, если бы не споткнулась о камень как раз рядом. Всего этого ей хватило лишь, чтобы унять тупую резь в желудке, но с исчезновением голода вернулось ощущение силы.

Она снова почувствовала себя волшебницей. На четвереньках выбралась из оврага, уселась поудобнее, приняв одну из поз для медитации, которым их обучали в монастыре, и приготовилась *слушать*. У каждого вида живых существ есть свои, особенные излучения мозга, называемые эманациями. По ним знающий может легко понять, есть ли побли-

зости живые существа и кто это – эльф, орк, человек, гоблин, огр², подземник или вовсе животное. Спутать их невозможно. Что до полукровок, то они могут по желанию подстраиваться под одного из родителей, но, как правило, каждый полукровка обладает эманациями настолько индивидуальными, что спутать одного полукровку с другим также трудно, как спутать огра с эльфом или гнома с человеком.

Девушка зажмурилась до рези в глазах и попыталась услышать, что творится вокруг. К ее огромному сожалению, поблизости не было никаких следов разумных существ – разве что глубоко под землей улавливались слабые отголоски мыслей цвергов. Но эти существа очень редко показываются на поверхности, выходя наружу только в безлунные ночи. Достучаться до них было практически невозможно – толстый слой камня приглушал все попытки...

Хотя нет! Впрочем... Где-то на востоке она внезапно уловила эманации огромного количества эльфов. Ей понадобилось несколько минут, чтобы поверить в такую удачу. Эльфы – здесь и так много! Несомненно, это легионы Наместника Изумрудного Острова, великолепного лорда Шандиара. Они же хотели прорваться в глубь орочьих земель, выполняя план покойной Наместницы Ллиндарели. Видящая тогда еще предсказала, что они могут совершить ошибку... И, кажется, они намерены это сделать!

Она должна их предупредить! Пока не поздно! Правда, они слишком далеко, но какое это имеет значение! Здесь эльфы, и она вернется к сородичам!

Девушка вскочила и со всех ног бросилась в ту сторону.

Напряженные мысли и чувства подсказали ей, что она двигается в правильном направлении. Она бежала, потом брела, потом ковыляла, потом ползла, пока хватало сил.

На второй день ближе к вечеру уровень эманаций резко пошел вверх, словно эльфы одновременно испытали какое-то огромное потрясение или сильные эмоции, а потом пошел на спад, пока за два часа до заката не прекратился совсем. Но Ласкарирэль выдохлась значительно раньше. В тот час, когда вместе с закатом истаяли зовущие ее эманации, она лежала на камнях, совершенно обессилив.

Ночь принесла с собой холод. Наутро на камнях выпала роса, которую девушка слизала языком. Все тело ее болело от усталости, локти и колени были изодраны в кровь, голова кружилась. Но мысли сквозь туман просачивались совершенно ясные – совсем близко сородичи и спасение. Она должна дойти, во что бы то ни стало должна, иначе она так и умрет на этих камнях.

Ласкарирэль поползла вперед. Сил, чтобы идти, у нее уже не оставалось, но она упорно цеплялась за камни и кустики камнеломки, карабкаясь вверх по склону. Стоит ей перевалить через хребет, и она увидит своих. Правда, возможно, там их и нет – легионеры разбили лагерь, переночевали и утром двинулись дальше. Но она сможет покопаться в углях кострищ – вдруг да отыщется что-то съестное. Тогда ей легче будет продолжать путь.

Девушка ползла, не чувствуя странного запаха, который вставал ей навстречу. Впрочем, носом она и не могла его учуять, а сила сейчас покинула молодую волшебницу, полную мертвую от усталости.

От заливавшего глаза пота, упавших на лицо волос и слез, ничего не видя вокруг, она все-таки смогла перевалить через горный хребет, но когда стала спускаться, уставшие руки и ноги отказались ей служить, и девушка кубарем покатилась вниз. Падая, она ударилась обо что-то и ненадолго потеряла сознание.

А когда пришла в себя и приподнялась, осматриваясь, ужас пробрал ее до костей и на миг пробудил все чувства и мысли. Она даже смогла вскочить и отступить на несколько шагов, оперевшись спиной в какой-то камень.

² Огры – здесь: горные тролли.

Склон представлял собой поле боя. Битва, должно быть, произошла только вчера – разбросанные там и сям обнаженные тела эльфов еще не начали гнить. Но вокруг шныряли мелкие зверьки-трупоеды, а на камнях и ветках нескольких кедрачей сидели вороны и грифы. Падальщики взлетали с трупов, спугнутые появлением живого существа, но потом возвращались к прерванному занятию.

Склон ущелья был усыпан телами павших. Пронзенные стрелами, разрубленные топорами и мечами, трупы эльфов были повсюду. Тел их противников не нашлось ни одного, но девушка и не искала. Она была слишком поражена и подавлена увиденным. Все ее надежды рухнули, обратились в прах. Она была единственным разумным существом и – более того! – единственным живым эльфом на многие лиги вокруг. А это значило, что шансов на спасение у нее нет. Как нет и сил, чтобы идти дальше.

Издав отчаянный крик, Ласкариэль рухнула на камни, теряя сознание.

А очнулась она от того, что ее довольно непочтительно и больно тыкали чем-то острым в бок.

Девушка невольно вздрогнула и вскрикнула, когда кончик чего-то острого проткнул ее кожу, и почти сразу над нею раздался пронзительный визг. Затем кто-то отчаянно залопотал и тут же вокруг застучали маленькие ножки. Сразу двое или трое неизвестных существ заговорили разом, перебивая друг друга и явно зовя остальных.

Ласкариэль открыла глаза и пошевелилась, приподнимаясь на локте. Уже одно то, что здесь есть разумные существа, придало ей сил. А то, что наречие этих существ оказалось знакомым, и вовсе стоило того.

Спускался вечер, и низ ущелья был залит сизым полумраком, но тут, на склоне, еще было достаточно светло. Последние лучи уходящего солнца освещали все ту же безрадостную картину побоища, но теперь между трупами двигались и двуногие обитатели этой местности. Лохматые карлики, закутанные в шкуры крыс и шакалов, вооруженные копьями и кривыми ножами, суетились среди трупов, с отвратительной деловитостью срезая с них куски мяса и заворачивая в сшитые из тех же шкур мешки. Несколько крупных серебристо-серых зверей, таких же лохматых, как их хозяева, терпеливо стояли, ожидая, пока их навьючат страшным грузом. Именно по этим зверям Ласкариэль и опознала дворхов.

Горные карлики обитали в пещерах, ютятся там, где не станет жить ни одно живое существо. Они питались всем, что попадется под руку, не брезгуя и телами погибших сородичей. Канныализм для них был обычным явлением. Своей цивилизации у полудиких дворхов не было. Они практически не умели обрабатывать металлы и пользовались только камнями, которые шлифовали с поразительной ловкостью. Их копья и ножи были каменными, но отточенными до остроты стальных клинков. Единственными существами, которых они приручили и использовали в своих целях, были белые пещерные волки. Дворхи ездили на этих зверях, цедили их молоко для своих детей, пряли их шерсть, а из шкур умерших зверей шили одежду. В то же время они, как и все дикари, охотно вступали в контакт с цивилизованными народами, но лишь для того, чтобы использовать исследователей в качестве источника мяса, а их вещи забирали и находили им применение в нехитром хозяйстве. Гномы отлавливали молодых дворхов и приручали их, используя в качестве рабов на тяжелых работах. И единственными разумными существами, с которыми дворхи поддерживали хоть какую-то видимость нормальных отношений, были пресловутые орки. Именно из-за их «дружбы» с орками послушникам-Видящим и рассказывали об этих существах. И даже заставляли учить их грубое примитивное наречие.

И сейчас Ласкариэль слушала и понимала, о чем лепечут эти любители падали.

– Она живая! Живая! – выкрикивали дворхи, прыгая вокруг нее. – Свежее мясо! Сладкое мясо! Хорошее мясо!

– Прочь! Уйдите! Оставьте меня! Пошли вон! – закричала она, когда дворхи, побросав пададь, стали сжимать вокруг нее кольцо.

– Говорящее мясо! – Карлики приостановились. В их примитивных мозгах это не укладывалось. Ведь, кроме орков, с ними практически никто не разговаривал. Они просто не знали, что остальные живые существа (кроме диких зверей и волков, разумеется!) как-то общаются между собой.

– Это говорящее мясо!

Дворхи больше не пытались проткнуть ее копьями, но собрались вокруг эльфийки, сомкнув кольцо. Подошедшие последними вели на поводках пещерных волков. При одном взгляде на морды этих зверей, испачканные в крови, девушке стало дурно. Пока их нагружали, волки подкреплялись мясом ее погибших сородичей.

– Э, – самый сообразительный дворх принялся толкать остальных, – этот такой же, как эти! – Он указал на разбросанные повсюду тела. – Он из них!

Это заявление было встречено бурей эмоций. Кто-то приволок отрубленную голову эльфа, и все стали сравнивать их между собой. Ласкарирэли вновь сделалось дурно. Когда голову эльфа сунули ей буквально под нос, она отвернулась, и ее стошнило, но из пустого желудка вылилось только немного желчи, оставив едкий привкус во рту.

– Он такой же! – сравнив, заверещали дворхи. – Он один из них! Надо взять его с собой! Будет запас свежего мяса!

– Нет! – сообразив, чем ей это грозит, встрепелась Ласкарирэль. – Нет!

Но в головах у дворхов могла поместиться только одна мысль. Карлики заверещали и скопом бросились на нее.

Девушка отбивалась, как могла. Она пихалась, толкалась, уворачивалась, но карликов было слишком много. Они повалили ее и, пока одни сидели на пленнице, другие ловко скрутили ей руки и набросили на шею ремennую петлю. Петлю двумя концами привязали к двум пещерным волкам, после чего тычками копий поставили «добычу» на ноги.

– Пошел! Пошел!

Пещерные волки косились на нее с совершенно разумным видом. «Только попробуй заупрямиться, – казалось, говорили их янтарные глаза. – И мы покажем тебе, кто здесь главный!»

Держась за шерсть, дворхи вели зверей по склону, те тянули девушку за собой, а сзади спешило еще несколько карликов, подталкивающих ее в спину и ягодицы копьями. Еще четверо волков, груженных мясом, шагали рядом. Подле них ковыляли их хозяева – некоторые наравне со зверями тащили мешки с мясом.

К счастью, идти оказалось недалеко – перейдя ущелье, дворхи быстро нашли тропинку, которая привела их ко входу в пещеру. Пленницу поставили на колени – только так она могла пробраться в низкий вход. Рук ей так и не развязали, так что девушка несколько раз упала и здорово разбила колени о камни.

Только в пещере с нее сняли поводки, которыми тут же опутали ноги так, что девушка не могла пошевелиться. После чего живую добычу бросили в угол, в примитивный загон, сплетенный из прутьев. Судя по остаткам помета и небольшому количеству высохшей травы, какое-то время назад тут содержались пойманные животные. Скорее всего, горные козы.

В пещере на полу горело несколько костров, вокруг которых сейчас сосредоточилась жизнь племени. Остававшиеся дома женщины и дети окружили охотников и наперебой радовались богатой добыче. Освобожденные от поклажи волки разбрелись по пещере. Два зверя устроились подле загона, сверкая в полутьме янтарными глазами. Стоило пленнице пошевелиться, как звери принимались глухо рычать.

Тем временем восторги дворхов чуть поутихли, и племя принялось готовить трапезу. Костры разожгли посильнее, и вскоре пещеру заполнил сладковатый запах жареного мяса. Женщины тем временем резали остальное мясо на кусочки и спешили выложить их на камнях возле входа в пещеру, чтобы оно провялилось для лучшей сохранности. Но примерно треть добычи уже сегодня исчезнет в желудках соплеменников. Подростки уже нацелились таскать куски, и занятые готовкой женщины гоняли их от костров.

Наконец мясо было готово, и племя сгрудилось возле огня, с жадностью поглощая пищу. То и дело вспыхивали драки и ссоры из-за лучших кусков.

Ласкариэль лежала с закрытыми глазами. Если бы могла, она бы зажала уши, чтобы не слышать их визгливых воплей. Ей было страшно и жутко. Сейчас она чуть ли не с нежностью вспоминала похитившего ее орка – по крайней мере, он не собирался ее есть. А что до изнасилования, то последние события напрочь стерли все впечатления от того случая, словно это произошло не с нею.

Рядом что-то задвигалось, и девушка вздрогнула, когда ее окликнули.

– Открой рот! – приказал дворх. – Ешь.

Ласкариэль распахнула глаза. Карлик через прутья загона протягивал ей на палочке кусок жареного мяса. Кусок эльфийского мяса! Ей! Эльфийке! Пленницу снова затошнило.

– Ешь, – повторил дворх и ткнул мясом ей в лицо. Девушка отворачивалась, но он был настойчив и продолжал тыкать куском до тех пор, пока тот не соскользнул с палки, упав на земляной пол. Острый кончик палки оцарапал пленнице щеку. Плюнув с досады, карлик что-то проворчал и ушел к соплеменникам.

Постепенно насытившиеся дворхи стали устраиваться на ночлег. Костры пригасили, большинство женщин и детей убралось в глубь пещеры, где устроились вперемешку с волками. У порога осталось всего два волка и несколько мужчин. Сбившись в кружок, дворхи о чем-то негромко переговаривались, но то один, то другой тут и там принимались клевать носами, и вскоре ни одного бодрствующего карлика не осталось. И лишь волки не дремали, поблескивая в темноте янтарными зрачками.

Ласкариэли не спалось, и причиной тому был не только страх за свою жизнь. Кусок жареного мяса упал совсем близко от ее лица и дразнил сладковатым ароматом. Уже несколько дней она не ела досыта и теперь просто сходила с ума от его запаха. Только одно удерживало ее – это было мясо *эльфа*. Она не должна есть мясо сородичей. Так поступают только дикари... Но как же хочется есть!

Не выдержав, девушка наклонилась и схватила мясо зубами.

Следующие несколько дней она прожила в каком-то оцепенении, наполненном страхом и ожиданием конца.

Дворхи жили своей жизнью. Мужчины племени еще дважды отправлялись в ущелье за мясом. На второй день они принесли его совсем мало – на жаре оно быстро портилось, да и падальщики знали свое дело. Как бы то ни было, но у племени образовался солидный запас – они даже дважды в день кормили свою пленницу и сделали ей небольшие послабления. Теперь она могла кое-как двигаться в загоне, переползая из угла, где спала, в то место, где была устроена уборная. Еще несколько дней племя благоденствовало, наслаждаясь запасами. Потом, когда они закончатся, мужчины вместе с пещерными волками пойдут на охоту. Если она будет удачной, все начнется сначала. А если нет – дойдет черед и до нее.

На третий день запасы мяса еще не подошли к концу, но их уже оставалось мало. В глубине пещеры слышались странные звуки: усиленные и искаженные эхом топот и рокот.

Дворхи засуетились. Матери согнали детей в кучу, прикрыв шкурами и камнями, мужчины вместе с волками сгрудились, выставив наперевес копья. Если не считать негром-

кого бормотания приготовившихся к обороне мужчин, все происходило в полной тишине. И только пленница осталась безучастной – вряд ли произойдет нечто, что изменит ее судьбу.

Топот и шорох усилились, и в пещеру вступили трое орков. Они пришли откуда-то из земных недр – очевидно, пещера сообщалась с их подземными жилищами какой-то норой. Узнав их, дворхи радостно залопотали, опуская копья, а любопытные дети высунули мордашки из-за сооруженной матерями баррикады.

Двое орков тащили мешки, содержимое которых тут же вывалили перед возбужденными дворхами. Те засуетились, притаскивая остро отточенные камни, и начался торг. Орки меняли иглы, куски выделанной кожи, остатки ременной упряжи и прочий ненужный хлам на великолепной работы каменные лезвия. В числе того, что предназначалось для обмена, попало даже несколько обработанных камней...

Внезапно пленница встрепенулась – один из камней откатился в сторону и заблистал при свете костра отполированными гранями. Не узнать его было нельзя – это был один из амулетов, которыми пользовались Видящие! Один был у нее, но похитивший ее орк в первый же день побросал все эти побрякушки на берегу реки. И вот еще один. Но это могло означать, что еще какая-то Видящая попала в плен к этим тварям!

Девушка вскрикнула, не сдержавшись, и ее возглас услышали. Орки-торговцы вытянули шеи, а третий, стоявший над ними с дубиной наперевес, шагнул к загону.

– Братцы! – воскликнул он. – Смотрите! Тут еще одна светловолосая!

Перегнувшись через ограду, он за волосы заставил девушку выпрямиться. Его приятели радостно заушмылялись, толкая друг друга локтями.

– Ничего себе штучка! – Державший девушку орк не смог отказать себе в удовольствии и провел рукой по ее груди. Пленница попыталась отстраниться и оттолкнула тянущиеся к ней лапы. Рука тотчас разжалась, позволив ей упасть обратно на подстилку. Но, оказываясь, все только начиналось.

– Эй, вы! Мелкота! – Орк повернулся к дворхам. – По приказу Верховного Паладайна все светловолосые ведьмы должны отправляться в Цитадель. Так что мы забираем ее!

– Нет! Нет! – заволновались те. – Он наш! Наш! Обмен! Только обмен!

– Хорошо. – Орк широким жестом указал на вываленное из мешков «добро». – Все это – за нее!

– Мясо! Только мясо! Зверя на зверя! – закричали дворхи, тыча в орков копьями.

– Хорошо. Будет вам зверь!

Орк перехватил поудобнее дубину, кивнул своим приятелям, и все втроем – не забыв, впрочем, убрать в мешки не обменные вещи, затопали к выходу из пещеры.

Их не было довольно долго – девушка успела порадоваться неожиданному спасению, впасть в отчаяние и снова оцепенеть от страха. Но орки вернулись. Все трое несли на плечах молодых горных козлов. У животных были сломаны передние ноги, чтобы они не могли убежать.

– Мясо в обмен на светловолосую, – указали на нее.

Дворхи осмотрели испуганно блеющую добычу и остались довольны.

И снова ей пришлось пуститься в путь. Снова она была пленницей. Снова ее тянули на поводке, снова ее судьба висела на волоске. Девушка устала бояться. Она просто покорно переставляла ноги, стараясь не споткнуться о камни, которые валялись там и тут.

Подземный коридор тянулся, извиваясь, в толще горы. Он то расширялся, то сужался так, что приходилось продвигаться только боком, то поднимался, то понижался. Десяток шагов пришлось пройти в ледяной воде подземного озера. Свет факелов выхватывал из темноты местных обитателей – летучих мышей, слизняков, пауков, мокриц и прочую беспозвоночную живность. Сперва девушка вздрагивала от страха и отвращения, но потом привыкла.

Орки устроили привал, выбрав местечко поровнее и посуше. Из второго мешка – первый со всем содержимым так и остался у дворхов, – вытащили хлеб, куски вяленого мяса и оплетенную бутыл с водой. Все это было честно поделено на четыре части.

– Ешь, – один из орков протянул пленнице кусок хлеба. Девушка жадно схватила угощение, так и впившись зубами в хлеб. Как давно она не ела нормальной пищи! В бутыл, правда, вместо воды оказалось вино, но и это было подарком судьбы. Орки снисходительно наблюдали, как она ест и пьет.

– Ты поела? – обратился наконец один к ней.

– Да. Спасибо. – Девушка вытерла рот тыльной стороной руки.

– Тогда ложись и раздвигай ножки, красавица! Кто будет первым, парни?

Орки сгрудились, толкая друг друга локтями.

– Давайте кинем жребий! – предложил один из них.

– Точно! А ты, красавица, пока готовься! Или хочешь сама сделать выбор?

Неизвестно, что произошло в этот миг в душе пленницы. Возможно, она просто устала бояться и дрожать за свою судьбу. В конце концов, идет война, а на войне всегда насилуют женщин. Но когда орки в очередной раз надвинулись на нее, девушка мгновенно выпрямилась, упираясь спиной в стену, и выбросила вперед связанные руки в отвращающем жесте. На память сами собой пришли слова, сказанные когда-то ее похитителем:

– Стоять, простолюдины! Только знатный достоин того, чтобы излить в меня свое семя!

Как ни странно, но это остановило ее новых хозяев. Они переглянулись и полезли чесать затылки.

– А не врешь? – наконец поинтересовался один.

Девушка ответила ему гневным взглядом.

– Хорошо, – помедлив, произнес орк. – Мы доставим тебя к тем, кто достоин твоих прелестей. Но если окажется, что ты нас обманула, достанем из-под земли! Пошла!

Ей указали путь, и девушка зашагала по подземному коридору, стараясь высоко держать голову и не думать о том, что будет в конце пути.

Глава 9

Через посты он прошел беспрепятственно – достаточно было ритуальных шрамов на груди и плечах, чтобы стражники – простые орки – не стали задавать лишних вопросов. Наоборот, они сами были готовы рассказать последние новости, о которых вторые сутки судачила вся Цитадель. Так Хаук узнал о победе в Ущелье Дворхов, о том, что в плен взят эльфийский военачальник и одна из светловолосых ведьм. Поведали о триумфальном возвращении Верховного Паладайна. Он в те дни стал почти божеством – дескать, без него армия отступала, едва не дойдя до сердца гор, а стоило ему появиться, начала одерживать победу за победой. Срочно шла мобилизация – новая армия должна была нанести Радужному Архипелагу сокрушительный удар, пока светловолосые не оправились от поражения. Желающих служить под началом Верховного Паладайна, который объявил, что не станет отсиживаться в Цитадели, а сам поведет свои войска, как было двадцать лет назад, набралось более чем достаточно. Так что новый поход должен был начаться со дня на день – как только будет готово достаточное количество оружия и доспехов. Отставшие, а также добровольцы из соседних городов-пещер должны присоединиться к армии на марше.

Это была действительно хорошая новость, и Хаук поспешил к отцу.

Генерала Эрдаша аш-Гарбажа он нашел в просторной пещере, где тот надзирал за муштрой новичков. Выросшие в военное время, орки были в большинстве своем хорошими солдатами. Они, правда, не все умели ходить в ногу, но это с лихвой компенсировалось старанием и сметкой.

Генералу доложили о приходе сына, но он не оставил своего поста – лишь приказал, чтобы капитана Хаука проводили к нему. Он стоял на небольшом каменном козырьке, прилепившемся к стене пещеры на высоте в три локтя вместе с двумя другими капитанами, чтобы лучше видеть, как проходят занятия. Адъютант протянул капитану Хауку руку, помогая забраться наверх. Остальные тут же расступились, чтобы не мешать встрече отца и сына – зная взрывной характер обоих, а также о том, что младший аш-Гарбаж отсутствовал в полку до последнего момента, можно было предположить, что сия встреча закончится как угодно – вплоть до взаимных оскорблений и мордобоя.

– Тебя долго не было, – вместо приветствия сказал генерал, мельком бросив взгляд на сына. – Что случилось?

– Непредвиденное обстоятельство, – поджал тот губы.

– Светловолосая? Лорд Гандивэр рассказал, что произошло в лагере.

– Он здесь?

– Да. Присоединился в Ущелье Дворхов. Он рассказал много интересного... Это из-за этих баек ты собирался рискнуть своей жизнью и свободой?

Хаук отвернулся и стал смотреть на марширующих новобранцев. Те старательно топтали ногами и, проходя мимо командиров, тарасили глаза так, что, если бы исход кампании зависел от этого, орки давно бы выиграли войну.

– Я узнал кое-что еще, – помолчав, ответил он. – Там была одна светловолосая ведьма...

– Знаю. Хорошая идея – воспользоваться заложницей для того, чтобы сбежать. Надеюсь, ты избавился от нее?

– Хм... Не совсем.

Генерал быстро взглянул на сына:

– Не хочешь же ты сказать, что приволок светловолосую ведьму с собой?

– Она не ведьма! – вырвалось у Хаука прежде, чем он понял, каким тоном это было сказано. – Она шаманка. Она лечила меня.

– Но потом-то ты ее ликвидировал?

Хаук отвернулся.

– Я отпустил ее, – помолчав, сказал он.

– Что? – Генерал за плечо развернул сына к себе. – Ты хочешь сказать, что подарил жизнь одной из этих ведьм? Ты *пощадил врага*? На войне?

Он коротко размахнулся и хлестко ударил сына по щеке. Тот не сделал попыток увернуться и молча ждал второго удара. Родители были вольны в своих детях – по крайней мере, до тех пор, пока те сами не станут родителями.

– Мне пришлось это сделать, – признался он.

– Почему? – Генерал еле сдерживал себя – да и то потому, что рядом были подчиненные. – Как ты посмел?

«Можно солгать кому угодно – детям, братьям, друзьям... Даже начальству. Но родителям лгать нельзя. Никогда! Ни за что!» – Эту истину каждый орк впитал с молоком матери. И Хаук взглянул отцу в глаза.

– Я излил в нее семя, – сказал он.

И почти сразу получил давно ожидаемый новый удар.

– Как ты посмел? – взвыл Эрдан аш-Гарбаж. – Как ты мог? Ты что, влюбился в светловолосую ведьму?

– Она не ведьма! – с нажимом проревел Хаук, сжимая кулаки. Он сдерживался изо всех сил, но знаменитый темперамент аш-Гарбажей давал о себе знать. Мужчины этого рода слишком часто давали волю кулакам по поводу и без повода, так что это стало притчей во языцех. И сейчас Хаук чувствовал острое желание ответить отцу тем же. Тем более что аналогичной дракой сопровождался его разведывательный поход.

– Она не ведьма! – повторил он. – И я не мог поступить иначе! Ты знаешь, что такое родовая честь! В селении, где в нее *смотрел* шаман, одна простолюдинка дала мне приворотного зелья. Я должен был разрядиться. А эта светловолосая оказалась знатного рода. Она подходила как нельзя кстати. Но если бы я держал ее возле себя, пока не появятся признаки беременности, я бы потом не смог ее убить! Тогда бы и произошло то, в чем ты хочешь меня обвинить!

Он был в ярости, но именно поэтому генерал выслушал сына до конца.

– Кроме того, – уже спокойнее продолжал тот, – от нее я узнал кое-что. Шаман в селении, который *смотрел* в нее, обнаружил интересную вещь... Оказывается, эта светловолосая шаманка, когда была совсем девочкой, случайно подслушала разговор своих наставниц. Они выяснили немало интересного о Золотой Ветви. Именно одной из них, Видящей, принадлежит честь отыскать ее. Судьба сама приведет ее к Золотой Ветви! Только тогда они не знали, кто эта Видящая. Они заставили ее забыть об этом разговоре.

– Но мы не можем забывать о нем...

Генерал сжал плечо сына. Он был вспыльчив, но отходчив. Сведения, доставленные Хауком, были достойны того, чтобы сменить гнев на милость. Тем более что в Цитадели в качестве пленницы уже находилась одна Видящая. Как бы то ни было, но Верховный должен был знать новость.

– Заканчивайте без меня, – через плечо бросил он остальным офицерам и, придерживая сына за локоть, спустился с козырька. – Мы идем к Верховному Паладаину.

Адъютант отсалютовал и умчался вперед, чтобы предупредить того об аудиенции.

Верховный Паладаин был занят – пользуясь тем, что до начала похода есть еще несколько дней, он проводил время с наложницей. Девушка уже порядком устала от его домогательств, но он дал ей понять, что в случае рождения сына ей будет обеспечена райская жизнь, а посему она терпела и даже ухитрялась изображать страсть, хотя больше всего сейчас ей хотелось спать, есть и помыться – все в указанной последовательности.

Адъютант остановился за занавесью, отделявшей покои наложницы от общего коридора, и объявил о визите отца и сына аш-Гарбажей. Верховный, застигнутый в разгар соития, злобно прорычал что-то себе под нос, с неудовольствием чувствуя, как пропадает желание. Вечно эти аш-Гарбажи лезут не вовремя! Всего-то достоинства у них, что древнее происхождение да тяга к военному делу. Иначе их бы давно уже не было не то что в Цитадели, но и на свете – как и многих других, не столь полезных, а то и вовсе мешавших Верховному Паладаину в жизни.

– Подождут, – прорычал он, снова стискивая наложницу в объятиях и принимаясь мять и гладить ее тело. Та внутренне застонала, но стала отвечать на его ласки, понимая, что чем раньше ее повелитель доведет дело до конца, тем скорее даст ей отдохнуть.

– О милый! – ворковала она, закатывая глаза. – Ты великолепен! Ты ненасытен! Мой горный лев! Мастодронт! Монстр!.. Я хочу тебя! Иди же ко мне! Скорее! Зажги меня своим огнем... Пронзи меня... О, я таю! Я сгораю от желания...

Она изо всех сил шарила руками по потному телу своего любовника, мечтая только об одном – чтобы все это поскорее закончилось. Наложница по своему опыту знала, что если ему перечить и говорить, что устала – даже после суток почти непрерывного любовного экстаза, – он непременно решит, что у нее есть другой. Тогда ей не миновать сперва жестокой порки, а потом допроса с пристрастием. Когда-то на ее глазах Верховный Паладаин точно так же поступил с двумя другими девушками, назначенными ему в наложницы. Одну он отдал на потеху солдатам, другую обвенчал с тем, на кого она указала. Она же тогда получила просто легкую встряску – для остротки.

– О милый! Что же ты? Иди ко мне...

Неожиданно ее сильно толкнули так, что она кубарем откатилась в сторону. Причиной недовольства было то, что желание Верховного Паладаина, раз ослабев, так и не вернулось. Он злобно выругался.

– Милый, – наложница вытерла кровь с губы и поползла к нему на четвереньках, – зачем ты гневаешься на меня? Позволь мне помочь тебе! Я умею! Я знаю как... Одна старуха научила меня...

– Лучше бы она научила тебя, как поскорее забеременеть! – прорычал Верховный. – Я бьюсь с тобой четвертые сутки и все без толку!

– Подожди еще три недели! Может быть, я уже...

– Я не могу ждать так долго! Мне сейчас нужен наследник!

– Но я не...

– Молчи!

Отмахнувшись от наложницы, Верховный Паладаин стал одеваться. Девушка наблюдала за ним, стоя на краю ложа на четвереньках. Она не могла поверить своему счастью, неужели он уходит от нее? Неужели она отдохнет и перекусит?

Поправив меховую накидку и перевязи с оружием, Верховный подошел к наложнице и провел рукой по ее телу от шеи до живота, задержав руку внизу.

– Жди меня, – приказал он. – Чтобы к моему возвращению ты сгорала от желания, потому что я намерен продолжить!

– Повинуюсь, мой господин, – проворковала она, склоняя голову. И не поднимала ее, пока не услышала шорох опускающегося полога. Только тогда девушка позволила себе упасть на мятую постель и уже через две минуты крепко спала, ничего не видя и не слыша вокруг.

Выйдя от наложницы, Верховный Паладаин сразу заметил стоявших в отдалении аш-Гарбажей, но не стал к ним приближаться. Пусть видят, что их император не настроен на душевный разговор, и готовятся к трудностям. Исподтишка он наблюдал за капитаном Хауком. Тот являл собой вопиющее нарушение правил – из формы на нем уцелели только

штаны и высокие сапоги, туго перетянутые ремешками. На голый торс была наброшена меховая безрукавка, грудь крест-накрест перечерчивали ремни перевязи с эльфийскими мечами. Несмотря на то что часть орков всю пользовалась трофейным оружием светловолосых, открыто носить их не позволялось никому. Отец и сын стояли навтыжку, словно почетный караул. Рядом топтался адъютант генерала. Этот явно трусил, но предпочитал держаться в тени начальства, словно оно могло уберечь его от гнева Верховного Паладайна.

Выдержав паузу, он рыкнул, пристукнув кулаком по бедру:

– И долго вы будете там торчать? Вам что, делать нечего?

Отец и сын приблизились. Несмотря на то что по возрасту генерал аш-Гарбаж был намного старше, держался он так бодро, что Верховный Паладайн почувствовал нечто вроде зависти. К этому орку старость явно не спешит в гости. И у него есть сын! Сын, в котором судьба отказывает императору! Улегшееся было раздражение вспыхнуло с новой силой.

– Капитан, – обратился он к младшему аш-Гарбажу, – это что за самоуправство? По какому праву вы оставили свой пост? Что дало вам право рисковать своей жизнью и жизнями остальных?

– Мой Паладайн, – Хаук смотрел куда-то в район императорского уха, – я собирался провести разведку и заодно встретиться с нашим агентом в стане светловолосых.

– И что же должен был рассказать вам лорд Гандивэр?

Молодой орк моргнул. При всем своем самообладании он был удивлен.

– Да-да, – кивнул Верховный Паладайн, – лорд Гандивэр прекрасно обошелся без вашей помощи и посредничества. Он сам перешел на нашу сторону в битве в Ущелье Дворхов четыре дня назад. И уже сообщил сведения, которые вы намерены мне передать. Так что ваша информация устарела, и я не понимаю, что вы тут делаете.

– Мой Паладайн, – капитан опять смотрел куда-то в ухо собеседнику, – уверен, что *эти* сведения лорд Гандивэр сообщить вам не мог. Я получил их от одной Видящей, из числа светловолосых...

– Да? Не от той ли, которую вы задушили перед тем, как заняться с нею любовью?

Генерал с удивлением посмотрел на сына. Неужели тот ему солгал, когда сказал, что пощадил светловолосую ведьму?

– Нет, – последовал ответ. – Это была совсем другая девушка. Она приходилась погибшей двоюродной сестрой. В детстве она случайно стала обладателем важной тайны, касающейся Золотой Ветви. Было предсказание, что одна из Видящих найдет Золотую Ветвь. Сама судьба должна будет привести ее в нужное место. Орден Видящих хотел отыскать эту женщину и следить за нею, чтобы узнать, где находится Золотая Ветвь.

– Та-ак. – Верховный Паладайн обвел глазами коридор. Адъютант генерала, поняв, что он тут лишний и, скорее всего, кандидат на роль смертника, поспешил отступить в тень. Телохранители самого императора стояли слишком далеко. Они просто не смогли бы ничего услышать. – Так, – повторил он, – и кто же знает эту тайну, кроме вас?

– Наверняка сама Видящая вспомнила все, что касалось ее детства. И больше никто.

– Значит, уже четверо. – Верховный Паладайн посмотрел на генерала. – Это уже много.

Он произнес это таким тоном, что генерал бросил на сына косой взгляд. Он прекрасно понял мысль Верховного Паладайна – как минимум трое из четверых должны замолчать. И желательно навсегда.

– И это все, что вы хотели мне сообщить, капитан? – скривился Верховный. – Скажу откровенно – я разочарован. Вы отсутствовали в расположении вашей части, бросив своих подчиненных на произвол судьбы, несколько дней. Более того, вы рискнули своей жизнью, а в результате пострадали невинные жители. Надеюсь, вам известно о судьбе города Лавоша? Вы желали прославиться? Смерть нескольких сотен мирных жителей, в том числе женщин и детей, – вот цена вашей славы.

– Я знаю. – Хаук слегка опустил голову и взглянул на Верховного Паладайна исподлобья. – И признаю свою вину.

– Знаете, – внезапно сменил тему Верховный, – моя дочь Хайя не далее как несколько дней назад просила вас в мужья. Я почти дал свое согласие, но в свете последних событий переменил решение. Я намерен отдать вас под трибунал! Немедленно!

Он щелкнул пальцами, и телохранители тут же ожили и оказались справа и слева от императора. Адъютант генерала пересилил себя и придвинулся ближе к начальству, готовый в любой момент кинуться исполнять любой приказ. Но генерал аш-Гарбаж и бровью не повел. Трибунал – это было слишком серьезно...

– Я согласен, – услышал он голос своего сына.

– Тогда сдайте оружие, капи... Нет, до принятия решения – просто Хаук аш-Гарбаж.

Тот кивнул и молча снял с плеч перевязи с мечами. Поколебался немного и вручил их отцу. Потом расстался с боевым эльфийским луком и поясом, на котором висели ножи. Оставшись безоружен, он заложил руки за спину и повернулся к Верховному Паладаину спиной.

– Проводить, – кивнул тот своим телохранителям. – А вы, генерал, – это относилось к отцу, который во все глаза смотрел на сына, – распорядитесь, чтобы заседание трибунала было созвано как можно скорее. Я хочу покончить с этим делом до того, как мы выступим в новый поход.

Руки генерала были заняты оружием сына, поэтому он только кивнул и слегка прищелкнул каблуками. Верховный Паладаин направился в сторону, противоположную той, куда увели арестованного. Генерал остался в коридоре один. На глаза ему попался маявшийся от дурных предчувствий адъютант.

– Что встал? – сорвался он на подчиненного. – Живо беги и оповести всех! И чтобы одна нога здесь, а другая – там!

Глава 10

Лорд Иоватар стоял в центре ярко освещенного круга. Со всех сторон его окружали кресла, занятые сейчас Наместниками Островов Радужного Архипелага. Мягкий свет лился с потолка, освещая всех равномерно, но самый мощный поток света озарял самого Иоватара.

Все Наместники были одеты в цвета своих Островов, так что получалась разноцветная палитра – Золотой, Серебряный, Рубиновый, Аметистовый, Сапфировый, Коралловый, Обсидиановый... Не было только Изумрудного и Мраморного, но Мраморный Остров погиб почти три десятилетия назад, когда орочья армия сровняла с землей его прекрасные дворцы, повырубала его парки и сады и отравила колодцы и водоемы. Остров возвращался к жизни с превеликим трудом и до сих пор еще его считали погибшим. Должно пройти по меньшей мере двадцать лет, прежде чем новые парки и сады достигнут зрелости и можно будет на развалинах старых дворцов возвести новые здания.

Иоватар произнес последние слова и перевел дух в наступившей тишине. Все было позади – долгий переход обратно к границам, короткие стычки, которыми изводили отступавших эльфов орки, и отнюдь не радостный марш от Острова к Острову через весь Архипелаг.

...Тогда он просто-напросто сбежал, бросив на произвол судьбы легионы Наместника и его самого. Сбежал, увидев, какой шанс дает ему судьба. Ждать пятьсот лет слишком долго, удобный случай может представиться далеко не сразу. А тут такая удача. Никто ничего не заподозрит – война полна случайностей. Правда, могут возникнуть сомнения, но у него было больше недели для того, чтобы сочинить правдоподобную легенду. Легенду, которую он только что поведал остальным Наместникам и Наместницам.

– И вот теперь, великолепные лорды Наместники, я прошу у вас, как ближайший оставшийся в живых родственник Наместника Шандиара и его супруги леди Ллиндарели, позволения занять место Наместника Изумрудного Острова, – помолчав, добавил он.

По жребию председательствовал на этом собрании Наместник Янтарного Острова, лорд Наринар. Он вскинул узкую ладонь, призывая соискателя к молчанию.

– Думаю, все знают наш закон? – обратился он к собравшимся.

– Открытый турнир среди всех родственников мужского пола, – произнесла его супруга, Наместница.

– Великолепная госпожа, – нарушил молчание лорд Иоватар, – хочу напомнить, что идет война. Вряд ли возможен турнир в такой обстановке. Сама же война может продолжиться еще несколько лет. Неизвестно, что будет впереди! Я вынужден настоять...

– Не лишено оснований, – промолвил Наместник Обсидианового Острова. – Изумрудному Острову нужен правитель. Кто, в конце концов, поведет легионы в новую атаку?

– Хочу заметить, что я вывел почти полтора легиона целыми и невредимыми из той бойни, которую нам устроили орки, – снова встрял лорд Иоватар.

– И ничего не сделал для спасения своего родича! – чуть не хором воскликнули супруги с Кораллового Острова.

– Вы там не были, великолепные господа, – пожал плечами Иоватар. – Единственное, что я мог сделать для лорда Шандиара, это умереть вместе с ним. Тогда его дочери остались бы совсем одни на свете... Да и мой сын тоже, – добавил он тише.

Какое-то время Наместники шумно дискутировали. Они перешептывались, делали друг другу какие-то знаки, стараясь, чтобы соискатель не догадался об их значении. Потом Наместник Наринар встал и махнул стражнику, стоявшему в дверях. Тот кивнул и вышел.

Иоватаром овладело беспокойство. Оно усилилось, когда на пороге зала показалась Видящая.

Судя по вышивке, обильно покрывавшей ее балахон, и по форме наверху посоха, ее ранг в Ордене был одним из самых высоких. Светлые глаза и длинные волосы, достававшие почти до колен, свидетельствовали о немалом возрасте. Возможно, она была Видящей еще до Смутных Веков. Справа и слева от нее шествовали две молоденькие Видящие – ученицы или помощницы.

При ее появлении все Наместники встали как один.

– Приветствуем вас, Видящая, – слегка поклонился Наместник Наринар. – Мы нижайше просим вас быть свидетельницей в важном деле. Кресло Наместников Изумрудного Острова опустело, – он указал рукой. – Ближайший родственник Наместника Шандиара, сводный брат его супруги лорд Иоватар просит дозволения занять его. Мы хотим знать ваше мнение – достоин ли он занять кресло Наместника?

Стуча посохом, Видящая направилась прямо на Иоватара, уставив ему в лицо свои странные светлые глаза. Взгляды лорда и волшебницы встретились, и тут он понял, почему у нее такие светлые глаза.

Видящая была слепа. Она подняла левую руку, и помощница тут же взяла ее за запястье, кладя ее на лоб Иоватара. Тот замер, затаив дыхание. Как любой чистокровный эльф, он практически не владел магией и не мог защитить свои мысли. Но чувства... Чувства редко кому удастся подделать. Фальшивая радость так же отличается от радости настоящей, как начищенная до блеска медяшка – от слитка чистейшего золота.

– Он искренен в своем желании сесть в кресло Наместника, – помолчав, произнесла Видящая бесцветным голосом. – Жажда власти... желание отличиться... волнение... Ему есть что скрывать!

– Он говорил нам правду? – подался вперед лорд Наринар.

– Чистую правду, – с неохотой признала Видящая. – Хотя мысли его темны и запутанны.

– Какое же решение ты посоветуешь нам принять?

– То, какое выгодно большинству, – пожала плечами Видящая, – и разумно с точки зрения настоящего времени.

Наместники зашептались, наклоняясь то друг к другу, то к женам. Те тоже активно включались в беседу. Лорд Иоватар нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Он чувствовал, что в эфире мелькают обрывки мыслей – чтение мыслей не относилось к разряду магии, это был скорее способ вести беседу сразу с несколькими собеседниками на разные темы, – но никак не мог повлиять на разум великолепных лордов. Ему только оставалось молиться, чтобы они пришли к единственно правильному решению. Только пусть скажут это вслух, а там он уже найдет способ доказать, что другого просто не может быть!

Наконец лорд Наринар встал, и разговоры смолкли. Все лорды и леди обратились к нему.

– Ни для кого не секрет, – начал он, – что мы ведем войну с орками. Возможно, в ближайшем будущем эта война потребует от нас еще больше усилий. Один из наших Островов остался без власти. Обстоятельства военного времени требуют, чтобы власть была всюду. И в такой ситуации мы просто обязаны возвести лорда Иоватара, как действительно ближайшего родственника лорда Шандиара, в Наместники Изумрудного Острова!

Гул голосов, раздавшийся вслед за этим, легко перекрыл чистый и нежный голос леди Виринирэль, супруги лорда Наринара. Она поднялась вслед за ним и вскинула руки, призывая к молчанию.

– Дабы никто из великолепных лордов-Наместников не думал, что это нарушение обычаев, – заговорила она, – мы добавляем, что лорд Иоватар останется Наместником Изумрудного Острова до окончания войны. После победы будет проведен обязательный открытый турнир на соискание титула Наместника, в котором лорд Иоватар будет принимать уча-

стие на равных условиях с остальными соискателями... Если, конечно, не объявится живым и здоровым лорд Шандиар!

На сей раз Совет разразился аплодисментами, и лорду Иоватару не осталось ничего другого, как склониться в глубоком поклоне, соглашаясь с этим решением. Что ж, оно справедливо. И у него есть шанс повернуть дело к своей выгоде. Ведь война закончится не завтра. И лорд Шандиар может не вернуться... Где он теперь?

Настоящей тюрьмы у орков не было – по обычаю народа, любой несправедливо обвиненный мог потребовать судебного поединка, перед которым оба поединщика должны находиться в уединении. Но отнюдь не в стесненных условиях. После битвы одного, как правило, уносили на кладбище, а победитель объявлялся невиновным и отпускался на все четыре стороны. Так что в тюрьмах орки практически не сидели. Однако когда началась война с эльфами – то есть когда начался ее новый виток, – стало ясно, что какое-то место заключения для военнопленных все-таки нужно.

Под него приспособили огромную пещеру, где в изобилии и беспорядке росли сталактиты и сталагмиты. К этим каменным столбам и приковывали взятых в бою светловолосых, стараясь сажать их так, что узники не могли видеть друг друга – благо размеры пещеры это позволяли. Здесь пленные эльфы сидели до тех пор, пока их либо не отпускали за выкуп, либо не угоняли на работу. Пленники могли переговариваться, но не видели друг друга. Кроме того, эхо настолько искажало голоса, что понять, где именно находится твой собеседник, было делом нелегким.

Большую часть времени пленники проводили в полной темноте, прислушиваясь к голосам соседей и мерному стуку капель. Свет они видели, только когда тюремщики приносили им поесть. Не привыкшие к такому обращению, узники быстро теряли тягу к жизни и большую часть времени проводили в каком-то оцепенении. Лишь изредка что-то из ряда вон выходящее могло пробудить их интерес к жизни.

Лорд Шандиар за все время плена ни разу не притронулся к еде. Трижды ему уже приносили миску с рагу из грибов и крыс, и трижды тюремщик потом убирал ее нетронутой. Он относился к своим обязанностям настолько равнодушно, что даже ни разу не рассердился на несговорчивого узника. Наоборот, иногда даже ухмылялся, забирая нетронутую пищу:

– Мне больше достанется!

Лорд Шандиар не снисходил до того, чтобы разговаривать с орком. Он даже не смотрел в его сторону, лежа на камнях. Про себя он решил, что скорее умрет от голода, чем станет есть нечистую орочью пищу.

– Видящая, – принимался он звать, едва мрак снова опускался на пещеру. – Видящая, ты слышишь меня?

Он звал ее и вслух и мысленно – общаться между собой мыслями умели некоторые эльфы-мужчины, и это даже не считалось проявлением магической силы. Ибо даже самый талантливый из мужчин-эльфов не дотягивал до среднего волшебника-человека. Энергия, которую эльфы могли тратить на волшебство, вся заключалась в перстнях, амулетах, медальонах и прочих украшениях. А израсходовав ее, эльф-«волшебник» становился беспомощным и вынужден был снова заряжать амулеты энергией или приобретать новые. К счастью, волшебники, маги и чародеи других рас не знали об этой маленькой слабости.

– Видящая? Ты меня слышишь?

Она не отзывалась. Зато голоса стали подавать его невидимые соседи.

– Кто здесь? – долетало то справа, то слева. – Здесь есть Видящая? Эй, где ты? Кто-нибудь заметил рядом Видящую? Где она?

Ее искали долго и уже поверили, что это – сказка, когда однажды она отозвалась.

– Кто меня зовет? – раздался в темноте еле слышный голос.

Ей ответил целый хор:

– Видящая! Настоящая Видящая! Быть того не может! О, свет звезд, если это правда... Ты Видящая?

– Видящая, – донесся усталый голос, такой тихий, что добрая половина пещеры не разобрала ни слова. – Была ею... пока меня не победили!

– Видящая! – крикнул лорд Шандиар. – Ты знаешь, что с нами будет?

– Да, Видящая! Да! – закричали со всех сторон. – Скажи, что будет? Долго мы тут просидим?

Она молчала так долго, что ее уже устали звать. Потом послышался ее голос:

– Многие выйдут, а некоторые так и останутся тут навсегда... И я не знаю кто. Не вижу!

– Но ты должна увидеть! – настаивали голоса. – Ты же Видящая! Постарайся!

– Все зависит от каждого из вас! – помолчав, ответила она.

И больше от нее, как ни старались, не могли добиться ни слова.

Именно в эту пещеру и спустили капитана Хаука аш-Гарбажа. Оставить на свободе того, кого приказал арестовать сам Верховный Паладайн, не рискнул бы никто. Держа руки за спиной, он прошел между сталактитами, к некоторым из которых были прикованы эльфы, отыскал свободный и сел возле него, дожидаясь, пока тюремщик прикрепит ему на шею ошейник с цепью и закрепит ее свободный конец на сталагмите.

– Удобно? – поинтересовался тот, закончив дело.

– Да, – не глядя на него, ответил Хаук.

Двое эльфов, прикованных по соседству, во все глаза смотрели на необычного узника. Их сталагмиты были расположены так, что даже при свете факела они не могли видеть друг друга, но оба видели орка.

– Ужин будет через несколько часов, – сказал тюремщик.

– Хорошо.

– Может, еще что-нибудь нужно?

– Нет.

– Я оставлю светильник? – Тюремщик поискал глазами, куда бы приткнуть маленький огарок свечи.

– Не обязательно.

– Ну как знаешь! Бывай! А если что – зови!

– Мне ничего не нужно. – Хаук растянулся на камнях. Цепь на его шее была достаточно длинной, чтобы он мог не только лечь, но и встать и даже обойти свой сталагмит по кругу. Но вместо этого он улегся, и через несколько минут после того, как тюремщик ушел, он уже крепко спал.

Бывший капитан еще спал, когда за ним пришли. Четверо орков из личной охраны Верховного Паладайна встали над заключенным, и один из них, наклонившись, слегка ткнул его в плечо:

– Просыпайся! Пора!

Хаук очнулся мгновенно, но встал нарочито не спеша и потянулся:

– Вовремя! А то я уже начал скучать!

Он подождал, пока с него снимут цепь, потом опять заложил руки за спину и неторопливым шагом направился к выходу из пещеры. Поживший значительное время в подземельях Цитадели, он легко ориентировался в пещерах.

В большой пещере царил легкий полумрак – вместо дальней стены неумолчно шумел водопад. Из-за этого в пещере постоянно ощущалась сырость, а факелы чадили и потрескивали. Стены были украшены шкурами зверей, черепами, увенчанными рогами и бивнями, а также разнообразным оружием и трофеями, захваченными орками за последние пятьсот

лет. Среди рогов оленей, быков и мастодонтов попало несколько эльфийских, человеческих и троллских черепов, а в углу стоял почти полный скелет огра, закутанный в остатки шкуры. У скелета отсутствовала левая ступня и часть руки, поэтому каменная дубина была прикручена к культе простой проволокой. Верховный Паладайн давно дал себе зарок когда-нибудь устроить охоту на огров с целью добыть недостающие детали, да все руки не доходили.

На видном месте был установлен трон для императора орков. Возле него на шкурах расселись шаман с ученицей и некоторые приближенные Верховного, которым тот сам указал находиться подле. Нашлось место и для лорда Гандивэра. Он давно уже сменил одеяния знатного эльфа на наряд орков и только более светлая кожа, крупные глаза и волосы выдавали в нем полукровку. Впрочем, у корней волосы уже начали отрастать, принимая странный рыжевато-каштановый цвет, редкий и у эльфов и у орков. Изредка он бросал взгляды на сидевших по другую сторону от трона Паладайна шамана и его ученицу. Хайя отвечала ему такими же быстрыми взглядами. Оба чуяли друг в друге волшебников и гадали – друга или врага послала судьба.

Остальные орки столпились вдоль стен – знать впереди, простые жители за их спинами. Впрочем, народа было не так уж много. Военный трибунал – не зрелище для просто-народа. Так что большинство приглашенных были из командного состава армии. Исключение составило семейство аш-Гарбажей, пришедшее почти в полном составе, да адъютанты некоторых высших чинов.

Сам генерал Эрдан аш-Гарбаж удостоился чести сидеть у ног Верховного Паладайна. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он увидел входящего в пещеру сына. Зато лорд Гандивэр с удивлением вытянул шею.

– Эге, – промолвил он, толкая соседа в бок, – неужели судить будем *этого*?

– У тебя есть возражения? – скривился орк.

– Нет.

Хаук встал перед троном Верховного Паладайна. Руки он по-прежнему держал за спиной и кивнул, не опуская их:

– Приветствую Верховного Паладайна Золотой Ветви, благородного Угрук аш-Шиоба из рода Шиоба, императора свободных орков.

Тот только кивнул головой, не проронив ни слова.

С места встал шаман. Взяв протянутый Хайей бубен – девушка не сводила глаз с Хаука, – он скакнул к арестованному и закружился вокруг него в танце, бормоча что-то про себя. Постепенно круги его становились все шире, и зрители слегка попятились, чтобы не мешать шаману заклинать духов. Хайя, помедлив, присоединилась к нему. Она танцевала под ритм бубна и бормотания шамана, напевая что-то себе под нос и, скользя в танце мимо Хаука, шепнула ему:

– Я постараюсь помочь!

Тот только скосил глаза на девушку. В наряде шаманки дочь Верховного была чудо как хороша. Ее крепкие ноги мелькали в разрезах кожаной парки, грудь подпрыгивала в такт танцу, а многочисленные косички, украшенные перьями и ракушками, так и летали вокруг головы. Крепкая, коренастая, широкобедрая, она пахла мускусом и потом и была просто мечтой для каждого орка, который желает выносливую жену и здоровых детей. Но она была в наряде шаманки, что напрочь убивало все мечты о брачном союзе. Судя по татуировкам на лбу и руках, она еще не прошла полного посвящения и могла выбирать. Но когда посвящение будет пройдено, Хайя аш-Шиоба будет потеряна навсегда.

Закончив танец, девушка плюхнулась на шкуру к ногам отца. Она упала на четвереньки и какое-то время тяжело дышала. Капли пота стекали по ее лбу.

– Духи, – прошептала она наконец, – духи сказали мне, что он невиновен!

– Ты даже не знаешь, в чем его вина, а собираешься защищать, – парировал Верховный Паладайн.

– Но духи сказали, что на нем вообще нет никакой вины! – настаивала девушка.

– Вина есть! – неожиданно вступил шаман. – И большая!

– Да! – Верховный носком сапога пихнул дочь в плечо, приказывая сесть на свое место. Девушка откатилась в сторону, и он встал. – Капитан Хаук аш-Гарбаж обвиняется в том, что оставил расположение части и рискнул своей жизнью ради сомнительной по значимости встречи. Он попал в плен к врагу и там совершил убийство, которое, в свой черед, повлекло уничтожение целого города со всем населением...

Лорд Гандивэр беспокойно заерзал на своем месте. Это *с ним* должен был встретиться арестованный, это он должен был передать необходимые сведения. И не его вина, что все пошло наперекосяк. Ведь донесение все равно оказалось у Верховного Паладайна.

– Кроме того, он не сразу по освобождении вернулся в расположение своего отряда, а некоторое время где-то бродил. Его не было в битве в Ущелье Дворхов. Все эти дни он провел в обществе светловолосой ведьмы, которую якобы похитил для своих целей.

Хайя захлопала глазами. Как все девушки, у которых жених вынужденно отсутствует подолгу, она была ревнива.

– Ты можешь как-то объяснить свои поступки, аш-Гарбаж? – обратился Верховный к тому.

– Похищение светловолосой шаманки...

– Ведьмы! – вскипел шаман, вскакивая на колени. – Светловолосые женщины все ведьмы!

– Похищение светловолосой *шаманки*, – упрямо повторил Хаук, – преследовало только одну цель. Мне нужен был заложник, чтобы беспрепятственно выбраться за пределы вражеского лагеря!

– Мог бы обратиться ко мне! – воскликнул лорд Гандивэр. – Я постоянно был там и мог тебя прикрыть!

Хаук никак не отреагировал на его слова.

– Кроме того, я хотел раздобыть кое-какие сведения, касающиеся Золотой Ветви, – продолжал он.

– Мы получили эти сведения без твоей помощи! – отмахнулся Верховный Паладайн и покровительственным жестом положил руку на плечо лорда Гандивэра.

– Да, но те, которые шаман потом извлек из памяти этой светловолосой шаманки, вы получить не могли!

– Это мелочь, знать которую не обязательно, – перебил его император. Не хватало еще, чтобы сейчас Хаук рассказал все подробности! Это тайна, которая должна быть сохранена во что бы то ни стало. Хаук ее знает – и Хаук должен умереть. Потом черед дойдет до остальных, но этот будет первым.

– Гораздо важнее сейчас другое, – продолжил он. – То, что ты сделал с заложником!

– Я поступил с нею так, как должно, – ответил Хаук.

– И как же?

В зале повисла мертвая тишина. Многие знатные орки догадывались, что дело не так просто. Интересно, каким законам он следовал – военного времени или родовой чести?

– Получив все сведения, которые мог, я отпустил светловолосую, – спокойно ответил Хаук. – У меня не было времени ждать три недели, чтобы решать, достойна ли она жить или нет.

– Почему?

– Это мое дело! – ушел от ответа Хаук.

Как ни странно, его слова всеми были приняты как должное. Орки знали, что *можно* солгать начальству или отказаться отвечать на вопросы, которые ты считаешь опасными для себя. Но Верховный Паладайн не собирался сдаваться.

– Генерал аш-Гарбаж! – воскликнул он, и названный сделал шаг вперед. – Спросите своего сына, почему он сохранил светловолосой ведьме жизнь и свободу?

Генерал нахмурился, вставая возле трона императора. Он не имел права отказаться от этой обязанности, и Хаук будет вынужден сказать правду.

– Капитан Хаук аш-Гарбаж, – промолвил он, – почему ты освободил свою заложницу?

Хаук взглянул отцу в глаза. Несколько секунд продолжался безмолвный диалог, потом молодой орк спокойно ответил:

– Я излил в нее семя. Она знатного рода и достойна этого.

Хайя глухо застонала, впиваясь ногтями в ладони и падая лбом на шкуру. Перед глазами ее плясали звездочки. Ее Хаук изменил ей! И с кем? Со светловолосой ведьмой! Это *она*, Хайя аш-Шиоба, должна была стать его женщиной!

– И после этого...

– После этого я ушел своей дорогой, чтобы не видеть ее до тех пор, пока не настанет пора решить, будет она жить и носить моего наследника или умрет, – сказал Хаук.

– Интересно, как ты собирался ее найти?

Это спросил Верховный Паладайн, но Хаук ответил правду:

– Я запомнил ее имя.

Лорд Гандивэр не выдержал и всплеснул руками. Никто не может знать имен Видящих – только они сами и их родители, если захотят помнить о том, что у них была такая дочь. Ни одна Видящая не станет доверять свое имя постороннему. Имя – часть души. Назвать имя – вручить свою душу.

– И только? Ты не договаривался с нею о том, чтобы встретиться позже?

– Нет.

– Ты лжешь, – спокойно констатировал Верховный Паладайн. – Иначе что она здесь делает?

Зрители вздрогнули. Кто-то ахнул, кто-то подался назад, а кто-то сделал шаг вперед, когда император махнул рукой, подавая кому-то сигнал, и двое орков за локти подтащили к его трону светловолосую девушку в грязном изодранном платье, с силой бросив ее на пол.

Лорд Гандивэр вздрогнул – он узнал Видящую Наместницы Ллиндарель и невольно подался назад, словно опасаясь, что волшебница наведет на него чары. Хайя, наоборот, придвинулась ближе. Глаза ее загорелись – она воочию увидела свою соперницу и мигом придумала ей сотню достоинств, которых была лишена сама. И плевать, что это эльфийка! Она осмелилась отбить у нее Хаука и уже этим заслужила ненависть. Зато генерал Эрдан аш-Гарбаж смотрел на пленницу с откровенным интересом – а что, если во чреве этой девчонки в самом деле уже проросло семя его сына? Как ему стоит поступить в этом случае?

– Ее изловили у дворхов. – Верховный Паладайн указал на пленницу. – Потом доставили в казармы для допроса, и она рассказала, что с нею произошло. *Она сказала правду!* А не то, что наплел нам ты!

Хаук невольно бросил взгляд на девушку. Та стояла на коленях, и два орка удерживали ее за локти, заставляя сгибаться. Она почувствовала его взгляд и подняла глаза...

Девушка дрожала от страха. С тех пор как ее вытащили от дворхов, она снова пребывала в постоянном страхе. Будущее рисовалось ей в самых мрачных красках. Она как наяву видела свою смерть под ножом шамана, и эта минута становилась все ближе и ближе. Когда ее поволокли сюда, она была уверена, что ее ведут на казнь. И когда ее швырнули к ногам императора, и она увидела шамана орков, ее пронзила дрожь. Вон он! Тот, кого она видела в видениях! Он здесь, и из этой пещеры она прямоком отправится ему под нож.

Но потом она увидела «своего» орка...

И вспомнила свой сон.

Снова пещера, и ее снова удерживают чужие руки. Но теперь она знает, кто это и кому грозит опасность. Девушка подалась вперед, не сводя глаз с орка. Он стоял удивительно прямо и, кажется, не чуял, что ему грозит опасность. Так же твердо он стоял и тогда, в палатке перед лицом Наместницы Ллиндарель – спокойный, уверенный в себе и... и беспомощный! Мысль об этом пронзила волшебницу с такой силой, что она даже вскрикнула.

– Ты знаешь эту ведьму? – спросил сидевший на каменном троне орк.

– Да, – кивнул тот.

– Кто она?

– Это шаманка. Я взял ее в заложницы, чтобы покинуть лагерь светловолосых, но через несколько дней отпустил ее.

– Ты нарочно провел ее через все посты, чтобы она шпионила для светловолосых, не так ли? – произнес Верховный Паладайн. – Она волшебница и могла передавать сведения на расстоянии. Ты хотел, чтобы наши тайны достались врагу?

– Нет, – спокойно ответил орк.

– Ты лжешь. Спросите у него, генерал, – кивнул император Эрдану аш-Гарбажу. – Вам сын не осмелится солгать!

– Ты действительно хотел, чтобы светловолосые узнали наши тайные ходы? – немедленно спросил тот.

– Нет.

– Тогда для чего ты оставил жизнь этой светловолосой? Из-за того глупого предсказания, которое она якобы подслушала в детстве? Или из-за того, что она слишком дорога тебе и ты не осмелился ее убить?

Пленницу пронзила дрожь. Вот уж этого она никак не ожидала!

– Я сказал то, что сказал, – повторил Хаук. – И не желаю больше отвечать. Если я виноват, скажите, в чем моя вина. Если не виновен, отпустите и верните оружие!

– В чем твоя вина? – прищурился Верховный Паладайн. – Ты несколько дней отсутствовал в войске, бросив своих подчиненных на произвол судьбы. Из-за тебя погиб город Лавош со всем населением. Более того, ты проявил недопустимую небрежность в отношении эльфийской ведьмы... Всего этого более чем достаточно для того, чтобы обвинить тебя в пособничестве светловолосым! И сейчас, перед лицом даже своего отца, ты продолжаешь упорствовать! Это, несомненно, доказывает твою вину!

Генерал аш-Гарбаж искоса посмотрел на Верховного Паладайна. Он чувствовал, что тот намерен избавиться от его сына. К сожалению, обвинения, выдвинутые против него, по законам орков считались достаточно серьезными. Уже одно то, что он сохранил жизнь эльфийской волшебнице, было преступлением. Правда, можно сказать, что он просто вспомнил о пророчестве – дескать, какая-то Видящая сама должна прийти к Золотой Ветви, и кто сказал, что эта девушка не та, о которой там говорится? А нужно ли Верховному Паладаину, чтобы волшебница враждебного народа обнаружила святыню? Может, как раз и надо уничтожать всех Видящих, чтобы одна из них не нашла случайно то, что скрывают?

– Итак, – Верховный Паладайн оглядел сидевших у его ног приближенных, – виновен ли бывший капитан Хаук аш-Гарбаж в преступлениях против своего народа?

Генерал аш-Гарбаж перевел дух. Хвала духам, ему не придется делать выбор, должен ли жить его сын. Но, с другой стороны, может быть, его голос был бы решающим?

– Он виновен! – первой вскочила с места Хайя. Ревность к светловолосой ведьме затмила у нее все прочие чувства.

– Виновен. – Вслед за нею встал и шаман.

– Виновен! Виновен! – Сидевшие возле них орки тоже поднялись.

Третий советник остался сидеть и пробурчал себе под нос:

– Вина несерьезна. Можно и простить!

Верховный Паладайн обернулся на другую сторону ковра, ожидая, чтобы высказались остальные.

– Виновен, – с кряхтением поднялся один из орков. Второй и третий остались сидеть. Четвертый вертел головой, не зная, на что решиться. Он колебался и посматривал на лорда Гандивэра, с которого явно решил брать пример.

– Что скажешь? – Император кивнул тому с трона. – Все случилось из-за того, что сорвалась ваша встреча. Твое слово решающее!

Лорд Гандивэр вдруг заметил, что на него все смотрят. Даже Видящая и та вытаращила на него глаза, словно впервые увидела. Пожалуй, действительно, она заметила его только что.

– Все, что я хотел передать капитану... то есть бывшему капитану Хауку, – медленно заговорил он, – я уже передал вам, мой Паладайн. Вы сами можете судить, насколько важны переданные мною сведения и стоят ли они тех жертв, которые были принесены ради них. Если стоят, значит, подсудимый невиновен. Если не стоят, он виноват!

Паладайн улыбнулся, оскаливая клыки. Его новый советник ловко нашел выход из положения – императору предстояло самому осудить своего недруга на смерть.

– На войне любые сведения о враге представляют определенную ценность, – кивнул он. – Но то, что должен был доложить нам подсудимый Хаук, *не стоило жизни населения целого города!* И тем более не стоило того, чтобы сохранять жизнь этой светловолосой ведьме! Если ты, – он подался вперед, – не солгал нам и действительно тебя в лагере ждал именно полковник Гандивэр, то ты должен был улучшить момент и обратиться к нему. Он бы устроил твой побег так, чтобы обошлось с наименьшими потерями. Но ты предпочел действовать самостоятельно, и сам выбрал свою судьбу. Хаук аш-Гарбаж, – он встал, расправив плечи, – ты виновен и будешь казнен!

Среди зрителей послышался отчаянный крик – это мать не поверила своим ушам. Генерал едва устоял, чтобы не кинуться и не заслонить собой сына. Остальные встретили приговор молчанием. Лишь немногие закивали и зашептались, негромко выражая согласие. И в этой тишине особенно отчетливо прозвучал голос арестованного:

– Я имею право на судебный поединок.

На сей раз ропот поднялся слышнее – по закону поединками решались самые разные вопросы. И зачастую по результатам боя решали, не ошиблись ли судьи, отправив на казнь виновного. Судебный поединок отличался от обычного тем, что никогда не шел до смерти. Виновным – и подлежащим казни – объявлялся тот, кто потеряет оружие или чей клинок сломается в битве. Отказать же в праве с оружием в руках защищать свою невиновность значило признать, что все было подстроено нарочно.

– Тебе будет дан бой, – кивнул Верховный Паладайн. – Сейчас же. Но прежде мы решим вопрос, что делать с этой ведьмой!

Его палец уперся, казалось, прямо в лицо эльфийке. Поднявшаяся вслед за этим волна криков служила достаточно ясным ответом.

– Смерть! Смерть светловолосой ведьме! – кричали орки, потрясая оружием. – Казнить немедленно!

– Отдайте ее мне! – завизжала Хайя, подпрыгивая на месте и потрясая кулаками. – Я вытрясу из нее всю душу, я выпью ее силу, я растопчу ее мозги! Я... я сама убью ее! Принесу в жертву... уничтожу... сотру в порошок!

– Да будет так, дочь моя! – дождавшись паузы в потоке извергаемых угроз и обещаний, что и как она сделает с пленницей, кивнул дочери Верховный Паладайн. – Она принадлежит тебе. Делай с нею все, что хочешь!

Молодая шаманка издала ликующий вопль и швырнула державшим пленницу оркам ремень, чтобы те связали девушку. Один поймал ремень в полете и на миг ослабил хватку.

И тут Ласкариэль сделала то, на что бы никогда не решилась, если бы ей уже не было видения пещеры с камнем-алтарем и занесенного над нею ножа. Картина страшной смерти под ножом шамана, а вернее, жаждущей мести шаманки, так ясно встала перед ее мысленным взором, что девушка потеряла над собой власть. Она рванулась, стряхивая с себя руки орков, и вскочила на ноги. Орки от неожиданности выпустили пленницу, а та бросилась к Хауку, обхватив руками.

– Спаси меня! – воскликнула она, прижимаясь к нему всем телом.

На миг взгляды их встретились. Если бы Хаук шевельнул хотя бы одним мускулом, если бы в его глазах было чуть больше тепла или хотя бы понимания, все могло бы быть по-другому. Но он *только посмотрел* – и этого было достаточно. Опомнившиеся орки снова схватили девушку и, как она ни сопротивлялась, оторвали ее от него.

– Помоги мне! Спаси! – продолжала звать она. – Хаук! Помоги! Пожалуйста! Хаук! Хаук!

Она продолжала кричать и звать, пока кто-то не ударил ее кулаком по голове. Крик оборвался. Обмякшую девушку связали по рукам и ногам, подняли, как бревно, и потащили прочь. Хайя, бросив на Хаука последний взгляд, вскочила со своего места и поспешила следом. Жениха ей не спасти, но она хотя бы выместит злость и досаду на этой ведьме.

Глава 11

Он проводил взглядом орков, уносивших девушку и Хайю, убежавшую следом. Жажда крови, горевшая в глазах молодой жрицы, ясно говорила, что эльфийке не придется ждать легкой смерти. На какой-то миг орк даже пожалел девушку – он бы не дал ей страдать и постарался оборвать жизнь быстро и просто. Он бы...

Хаук даже вздрогнул, услышав голос Верховного Паладайна:

– По закону, во время судебного поединка подсудимый не имеет права сам выбирать себе противника и оружие, которым будет биться. Я сам буду сражаться с ним. Своим мечом!

Он встал с трона и подошел к Хауку. Оба одного роста, оба коренастые и широкие в плечах, оба – образцы силы. Только один из них почти в два раза моложе другого и слегка полегче в кости.

– Оружие! – рявкнул Верховный Паладайн. – Из моих личных запасов! Живо!

Несколько орков тут же сорвались с места и ринулись в покои императора. Не прошло и двух минут, как перед поединщиками выросла небольшая гора мечей, талгатов³ и длинных кинжалов. Не сводя глаз со своего противника, Паладайн выудил из кучи свой меч и кривой талгат. Взвесив оба клинка на ладони и прикинув их длину и баланс, он протянул ятаган Хауку:

– Доволен?

Меч был на половину ладони длиннее и, в отличие от талгата, обоюдоострый. Но зато талгат был исконным орочьим оружием – мечами они стали пользоваться сравнительно недавно, переняв их постепенно во время войн с людьми и эльфами. Талгатами же пользовались все реже и реже, перековывая их на мечи при первой же возможности. Посему у меча было еще одно преимущество – за ним следили более тщательно, а на лезвии талгата поближе к основанию виднелись пятна ржавчины. Да и блеск металла был почти не заметен. Однако Хаук и вида не подал, что недоволен оружием. Он взвесил свой клинок на ладони, крутнул его пару раз над головой и вокруг себя, проверяя, как он ходит в руке и отзывается на действия бойца, и кивнул:

– Да, мой Паладайн!

Кучу оружия убрали, и противники встали друг напротив друга. Наиболее опытные рубаки уже начали потихоньку прикидывать их шансы, и кто-то похлопал генерала аш-Гарбажа по плечу, показывая, что высоко ценит воинское искусство его сына. В самом деле, кроме оружия, у императора не было никаких зримых преимуществ даже в средствах защиты – обнаженный торс у Хаука и простая кожаная безрукавка поверх полотняной рубахи, в которой остался Верховный Паладайн, скинув все лишнее.

Шаман подхватился со своего места и, вскинув руки, начал читать заклинание. Потом он выхватил из висевших на поясе мешочков две горсти разноцветного порошка и высоко подбросил их в воздух. Смешавшись, порошок поплыл по воздуху, и зрители поспешили отпрянуть в стороны, освобождая достаточно места для поединка. А шаман, завывая и причитая, закружился в бешеном танце вокруг поединщиков, которые застыли, словно изваяния, пожирая глазами друг друга. Шаман заклинал духов, и некоторые орки стали ему подпевать, ритмично притопывая на месте.

Пляска шамана становилась все неистовее. Несколько раз он как бы случайно касался руками то одного, то другого поединщика, призывая на них милость духов. Самые рьяные зрители подсчитали, что к Верховному Паладаину шаман прикоснулся всего три или четыре

³ Талгат – «национальное» орочье оружие, нечто среднее между саблей и мясницким тесаком. Отличается большим весом и не требует особого искусства фехтования. Чтобы сражаться талгатом, иногда достаточно просто иметь много силы.

раза, зато Хауку досталась львиная доля всех тычков и шлепков, и теперь гадали, с чем это связано.

Последним прыжком шаман проскочил между противниками, в прыжке ухитрившись выбросить вверх еще две горсти порошка так, что они осыпали обоих в равной степени. На этом силы оставили его, и он с отчаянным хриплым криком покатился по полу и остался лежать, свернувшись калачиком и мелко дрожа. Служанка, которая до этого скромно жалась в уголок, подскочила и накрыла трепещущее тело старика шкурой. На это ее действие никто не обратил внимания – ибо едва крик шамана растаял под сводами пещеры, как поединщики шагнули навстречу друг другу.

И пошли по кругу, слегка ссутулившись, согнув ноги в коленях и внимательно следя друг за другом.

Они описали почти полный круг, когда Паладайн сделал обманный выпад. Хаук отступил на шаг, но его талгат даже не шевельнулся. Точно так же он лишь прогнулся вбок, пропуская меч противника мимо при втором выпаде, и ответил лишь на третий – коротким резким рывком пригнув к полу нацеленный ему в живот меч.

Верховный Паладайн тихо зарычал, обнажая клыки. Хаук в ответ тоже оскалился, но промолчал.

– Правильно делает, – прошептал кто-то за плечом у Эрдаана аш-Гарбажа. – Не лезет на рожон против самого Паладайна!

Генерал только пожал плечами – оборонительная тактика хороша до определенного момента, потом она начинает работать против бойца.

Тем временем противники еще раз попытались сблизиться. Вернее, Верховный Паладайн пытался продемонстрировать свое умение, а Хаук ловко уклонялся от стычки, лишь изредка отмахиваясь талгатом. Создавалось впечатление, что он просто не знает, как себя вести.

Такой бой не нравился зрителям. То тут, то там стали раздаваться выкрики:

– Дерись! Хватит бегать!.. Да виновен он, виновен! Духи лишили его отваги! Хвала Верховному Паладаину!

Генерал вертел головой и скалился, не в силах заткнуть всем глотки. Эти выкрики наверняка достигали ушей его сына и отнюдь не способствовали усилению его уверенности в себе. Наоборот, чем громче кричали в толпе зрителей, тем активнее напирал император.

Отступая, Хаук чуть не встал на полог, на котором располагался трон императора и где до сих пор сидели кое-кто из приближенных. Они хором вскрикнули, а лорд Гандивэр вскочил на ноги и выхватил свой меч, словно собирался напасть со спины.

Ему бы никто, даже сам Верховный Паладайн, не дал это сделать, ибо такая помощь равносильна бесчестию для любой из сторон. Но этот жест и шелест покидающего ножны меча словно привел в действие некий скрытый механизм.

Хаук перестал отступать. В следующий миг талгат змеей скользнул вперед и встретил меч, ловко обвившись вокруг его лезвия на добрую треть.

Затем последовал рывок – и лишь звериная сила и опыт позволили Паладаину удержать оружие в руке. Но ему показалось, что сустав затрещал, готовый порваться. Он отступил на полшага, позволив противнику занять выгодную позицию.

Теперь Хаук уже не стал уклоняться от схватки, и два клинка, встретившись, завели многоголосую песню. Зрители внимали ей от всей души. Каждый выпад, каждый удар или увод встречался ими громким ревом. Генерала хлопали по плечам или толкали в бок уже с двух сторон, словно он мог повлиять на победу одной из сторон. Голоса разделились примерно поровну – высокое воинское искусство всегда привлекает сторонников вне зависимости от того, кто его демонстрирует. А здесь явно встретились равные бойцы. Если бы сейчас

Хаук потерял талгат, половина зрителей бы закричала, что ему следует даровать жизнь – и все ради зрелища, которое он им подарил.

Противники постепенно разошлись. Меч и талгат сверкали, как две молнии, и рев зрителей достиг апогея, когда более длинный меч, обойдя талгат, скользнул вперед и оставил на бедре противника косую царапину. Тут уж все закричали и затопали ногами кто во что горазд. От воплей, казалось, затряслись своды пещеры – по примете, первую кровь проливает тот, чьей победы духи не хотят. Иной раз этого было достаточно для того, чтобы остановить судебный поединок, но сейчас бился сам Верховный Паладайн, и все решили, что он сам знает, когда прекратить битву. От генерала сразу отодвинулось несколько его доброхотов. Эрдан аш-Гарбаж гневно стиснул кулаки. Ничего, Хаук им еще покажет!..

И он едва не выскочил в круг, с трудом сдержав свои чувства, когда сын, ловко увернувшись от прямого удара, скользнул вбок, «сливая» по клинку меч противника, крутнулся на пятках и, доведя косой удар, распорол на Паладаине рубашку и куртку, процарапав тому бок.

Шансы противников сравнялись, но это лишь накалило страсти. Среди зрителей тоже начали вспыхивать ссоры. Где-то схватились за оружие, чтобы делом доказать правоту «своего» поединщика. А те кружили в центре пещеры, скаля друг на друга клыки и то отступая, то снова принимаясь обмениваться ударами.

В один прекрасный момент Хаук открылся для прямого выпада, и Паладайн не замедлил этим воспользоваться. Но талгат противника опять обернулся вокруг его меча, уводя клинок в сторону. Не позволяя противнику освободить оружие, Хаук совершил подшаг, помогая себе второй рукой, и Паладайн по инерции сделал лишний шаг, оставив таким образом противника за спиной. И понял это, получив легкий, но ощутимый пинок под зад.

Зрители словно взбесились. Шаман перестал изображать тяжелобольного и высунулся из-под шкуры. Даже сторонники Хаука считали, что он поступил более чем опрометчиво. Его преимущество было слишком явным, но победы и унижения Верховный Паладайн не переживет. Для капитана аш-Гарбажа был единственный способ спастись – понадеяться на почетную сдачу или умереть от руки противника. Все, что ему для этого требовалось, – это выронить клинок или самому напороться на выставленный меч императора. Он же вместо этого продолжал сопротивление. И результатом этого явился порез, который получил Верховный Паладайн в левое плечо.

Все сразу притихли, а генерал аш-Гарбаж закрыл глаза. Его сын был обречен, как бы ни кончился бой. Его казнят уже за одно то, что осмелился дважды ранить самого императора.

Это поняли все. Шаман встал на трясущиеся ноги и нетвердой походкой направился к противникам, которые все еще продолжали кружить по пещере, обмениваясь ударами. Старик рисковал, но понимал, что должен остановить бой, пока не пролилась настоящая кровь.

– Стойте! – закричал он, поднимая руки вверх. – Духи не велят продолжать!

Его не услышали. Тогда шаман взвыл и ринулся между противниками.

Потом никто не мог сказать, что произошло в действительности. Но нового удара не последовало. Зато послышался глухой крик, и тело шамана покатилося по полу. А поединщики отпрянули друг от друга. Клинки обоих были выпачканы в крови, но у обоих были и свежие раны – на локте у Хаука и на втором плече у Паладайна.

Какой-то миг все стояли, как парализованные. Хаук опомнился первым. С быстротой молнии метнувшись к противнику, он резким ударом сверху вниз рубанул по мечу Паладайна. Не ожидая того, император выронил клинок.

Звон падающего меча вывел зрителей из оцепенения. Один за другим они отводили глаза от тела шамана и переводили взгляды на противников.

Хаук отступил на шаг.

– Духи сказали свое слово! – промолвил он. – Я невиновен!

– Невиновен! Невиновен! – воскликнули те трое советников, которые прежде голосовали за его невиновность.

– Невиновен! – закричал генерал аш-Гарбаж, и его крик подхватило несколько его сторонников.

– Нет! – зарычал Верховный Паладайн. – Он убийца! На нем кровь шамана! Взять его!

– Нет! Нет! – загомонили те, кто стоял ближе и кто видел, что шаман жив и пытается встать. – Духи сказали свое слово!

Но было поздно. Повинуясь взмаху руки императора, его телохранители сдвинулись с места, окружая Хаука и оттесняя его от остальных. Генерал аш-Гарбаж, забыв про все, попытался прорваться к сыну, но его оттолкнули назад.

– Во имя Золотой Ветви! – из-за спин телохранителей проревел голос Верховного Паладайна. – Взять преступника и убийцу!

Хаук попятился, отступая к обрыву. Он крепко сжимал рукоять талгата, словно черпал из него силу. Глаза его перебегали с одного нового противника на другого. И он сорвался с места прежде, чем телохранители Паладайна перешли в атаку.

У них были топоры на длинных рукоятях и мечи, но у него – внезапность. Прежде чем кто-либо успел опомниться, он оттолкнул одного, сделал выпад в сторону другого, рубанул по древку топора третьего и прорвался сквозь строй. Зрители шарахнулись в стороны. Хотя многие были при оружии и даже успели обнажить его, никто не осмелился встать у него на пути. Хаук стремительно нырнул в один из боковых ходов.

– В погоню! – взвыл император. – Схватить! Казнить! До тех же пор, пока его не изловят, Хаук аш-Гарбаж объявляется вне закона! Помощь ему будет приравнена к государственной измене. И изменник тоже подлежит казни!

Шаман собрал силы и сел на полу, зажимая рукой рассеченную бровь. Кровь лилась по его лицу, но он знал, что это – не след от меча и тем более талгата. Просто он ударился при падении. Кроме того, сильно ныл ушибленный бок и локоть.

– Я жив, – слабым голосом заявил он, и несколько стоявших поблизости орков поспешили помочь старику встать на ноги. – Мой император, я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.